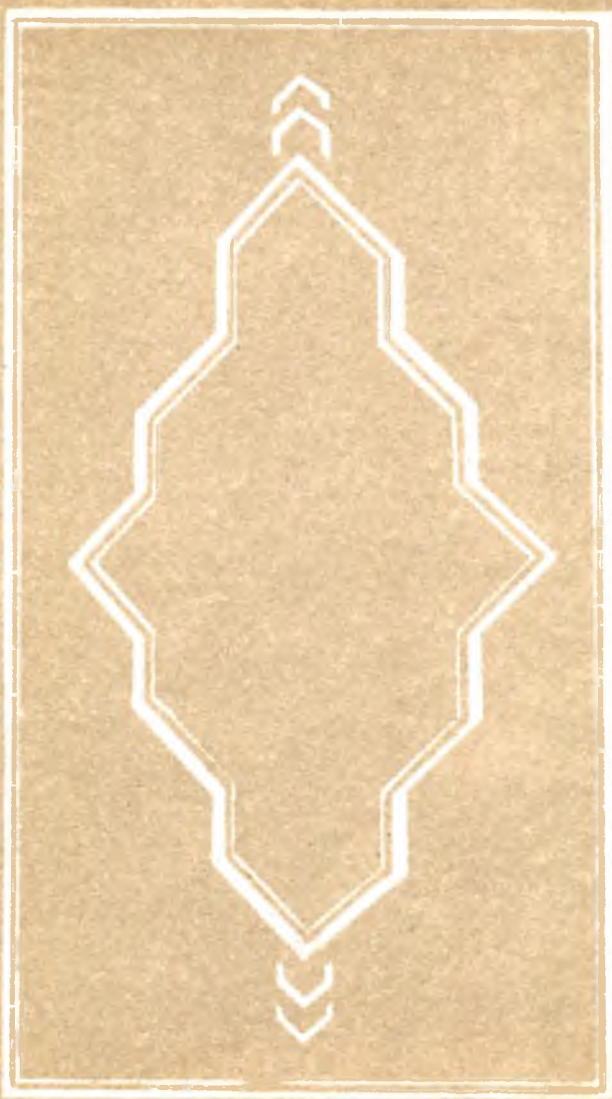

Дугар
и
Зурпа

Алдар
менән
Зөһрә

Башкорт халык
эпосы

Өфө
Башкортостан китап нәшриәте
1986

Алдар Бура

Башкирский народный
эпос

Уфа
Башкирское книжное издательство
1986

Художник З. Г а я п о в

A $\frac{4702110000-349}{M 121 (03)-86}$ 96—86

© Банкирское книжное издательство, 1986.

Призыв к единству

Башкирский героический эпос, зародившись в эпоху разложения родового строя, прошел долгий эволюционный путь, художественно отражая всю историю и жизнь народа.

В предлагаемую читателям книгу вошли наиболее значительные героические сказания «Алдар и Зухра», «Кусякбий», относящиеся к раннефеодальному периоду общественной жизни башкир. Для башкирских кубаиров, т. е. эпических сказаний, эпохи раннего феодализма характерно отражение борьбы за объединение разрозненных племен для совместной защиты родины от общего иноземного врага. Стремление кровнородственных и порою различных по происхождению племен к объединению, осуждение межплеменных раздоров определяет главное содержание кубаиров эпохи раннего феодализма.

К таким сказаниям относятся «Алдар и Зухра», «Кусякбий», в которых отражены наиболее важные исторические события башкирского народа. Сказание «Алдар и Зухра» повествует о любви и богатырских деяниях храброго Алдара и девушки-батыра Зухры. Алдар изображен предводителем степного народа или семипродцев, а Зухра — дочь вождя крупного племенного объединения северо-западных башкир, называемого в сказании лесным пародом. В эпосе «Алдар и Зухра» идея объединения родов и племен отражается в форме бракосочетания представителей двух крупных племенных союзов. По историческим данным известно, что до татаро-монгольского нашествия на территории южной Башкирии существовало объединение семи племен, а на

северо-западе — другое крупное племенное объединение¹. В сказании «Алдар и Зухра», видимо, отражен этот период жизни башкирского народа. В нем показана широкая панорама реальной народной жизни: быт, обычаи, верования, кочевое хозяйство, празднества, спортивные состязания. Интерес представляют большие сходь-йыйыны вождей и батыров племен для решения наиболее важных вопросов войны и мира, межплеменных отношений и т. д., касающиеся всего башкирского общества.

В сказании нашли художественное отражение отношения башкир с болгарским ханством, каракалпаками, туркменами, ногайцами, их стремление жить в мире и дружбе с другими народами.

В эпическом наследии башкирского народа сказание «Алдар и Зухра» занимает особое место в художественно-эстетическом отношении. Оно является как бы народным романом. Рассказ в рассказе составляет композиционную особенность сказания. В начале повествование идет о предводителе лесных башкир Аллабирде, затем оно переходит в монолог Зухры. В сказании реальная действительность часто перемежается с фантастикой. Эти моменты прослеживаются особенно в изображениях отрицательных образов врагов героя. Видимо, сказание испытало и влияние ислама. В трудные моменты герои часто опираются на помощь пророка Мухамеда и его посланца на земле святого Хызыра. В сказании большое внимание уделено изображению идеальных героев, беззаветно преданных своему народу. Они наделены самыми лучшими чертами эпических батыров: обладают огромной физической силой и высокими моральными качествами: скромны, гуманны, справедливы, преданны в любви и беспощадны к врагам народа.

В репертуаре башкирского эпоса сказание «Кусяк-бий» занимает особое положение.

Обычно в башкирских сказаниях изображается героин-

¹ Кузеев Р. Г., Юлдашбаев Б. Х. 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957, с. 14.

ческая борьба эпического батыра с чудовищами, с чужеземными завоевателями или показывается борьба героя за семью. В сказании же «Кусяк-бий» изображается длительная междоусобная борьба двух крупных башкирских племен — бурзян и кыпсак. Показывал трагические последствия межплеменных распрей, сказание выдвигает идею единения башкирских племен, призывает их к миру, осуждает междоусобицы. События этого сказания отражены также в многочисленных преданиях, легендах, письменных источниках и в топонимике горных районов юго-восточной Башкирии.

«Кусяк-бий» является популярным сказанием. Оно особенно широко бытует среди бурзян и кыпсак и по сей день. Причем оно получило распространение в народе не только в устной форме, но и в рукописном виде (күсерек). Некоторые грамотные сэсэнны, например, Сабирьян Мухаметкулов, по просьбе слушателей записывали сказание в своем изложении. Их записи, в свою очередь, переписывались другими грамотными людьми.

В данное время в архиве Башкирского филиала АН СССР и в фольклорных фондах Башкирского государственного университета имеется более тридцати записей сказания. Исключительное своеобразие эпоса заключается в том, что оно бытует в двух версиях — кыпсакской и бурзянской, в которых по разному трактуются главные события и образы. В данной книге публикуется вариант кыпсакской версии.

Бурзяне и кыпсаки — самые крупные башкирские племена. Они сыграли большую роль в истории Башкирии и в формировании башкирского народа. Исторически племя бурзян было известно гораздо раньше племени кыпсак. «По арабским источникам, племя бурзянцев было известно до V века нашей эры, а в VII веке в союзе с Хорезмом оно участвовало в войне против арабов».¹ По сведениям арабского ученого путешественника XIV в. Аль-Гумари, многочисленные племена бурзян (буржап) жили севернее Каспий-

¹ Ж. Кнекбаев. Вопросы башкирской топонимики. — Ученые записки ВГПИ им. К. А. Тимирязева, вып. 8. Уфа, 1956, стр. 233.

ского моря и занимали огромную территорию протяженностью 30 дней пути в длину и столько же в ширину¹. В настоящее время бурзяне живут в юго-восточной части Башкирии, в Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областях.

Закрепившиеся на Южном Урале бурзяне часто подвергались нападениям других племен. Их больше всех беспокоили южные соседи — кыпсаки. Столкновения чаще всего происходили из-за кочевий и скота.

Кыпсаки, как и бурзяне, тюркоязычные племена и, по свидетельству древних восточных географов, относились к западной ветви кимаков. «В VIII веке кыпсаки совместно с уйгурами участвовали в разгроме Восточно-тюркского каганата»². Кыпсаки в европейских источниках известны под названием куманов или половцев. В XI в. они образовали сильное кочевое государство и до середины XIII в. господствовали в центральной и западной частях Казахстана, на огромной территории между Волгой и Янгом (Уралом) и в южнорусских степях, называемых «Дешт-Кыпчак», т. е. кыпсакская степь. Кыпсаки сыграли значительную роль в формировании казахского, каракалпакского, башкирского и других народов. В XIII в. они были покорены татаро-монголами. Вероятно, в сказании «Кусик-бий» обобщенно отражены военные столкновения, происходившие в VIII—IX в., а также завоевание бурзянских земель в период расцвета и усиления кыпсакского феодального кочевого государства в XI в. Экспансия кыпсаков продолжалась и позднее. О расселении части кыпсаков, разбитых войсками татаро-монголов в южной Башкирии в начале XIII в., упоминается в шежере³ башкир рода карагай-кыпсак племени кыпсак. Расселение кыпсаков сопровождалось захватом территории старинных башкирских племен, в том числе и бурзян.

¹ А. Б. Булатов. Восточные и западные средневековые писатели и путешественники о башкирах.— «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969, стр. 46.

² «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1949, стр. 70.

³ Шежере — генеалогическая летопись, родословная.

«В процессе борьбы кыпсаки продвинулись далеко на северо-восток, вытеснив бурзян с их земель. Соседями бурзян стали два кыпсакских рода: карагай-кыпсак и гирей-кыпсак»¹. Однако следует отметить, что бурзяне и кыпсаки не всегда враждовали. Дружественные мирные отношения, кровнородственные связи были определяющим фактором их взаимоотношений. Из истории известно, что еще в IX—X вв. отдельные кыпсакские племена и роды вместе с бурзянами входили в состав крупного союза семи башкирских племен — Ете ырыу.

Следует особо подчеркнуть, что в самом союзе шла скрытая, иногда открытая борьба между племенами за политическое господство. Среди феодальной аристократии, среди вождей племен — биев — шла также не менее ожесточенная борьба за власть.

Борьба феодальной аристократии за власть, межплеменные войны, противоречия, возникавшие часто в феодальном обществе, легли в основу эпоса «Кусяк-бий». Такие межплеменные столкновения в раннефеодальном обществе были естественным явлением, ибо «формирование классовых отношений, феодального способа производства у кочевников-скотоводов сопровождалось ожесточенной межплеменной борьбой, грабительскими войнами, набегами, которые стали, по выражению Ф. Энгельса, «нормальными функциями народной жизни»².

Появление в X—XIII вв. крупных племенных союзов башкир историческая наука рассматривает как зачаточную форму государственных образований³. А при образовании государств объединения племен и мелких княжеств не всегда происходили мирным путем.

¹ «Башкирские шежере». Составление, предисловие, комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960, стр. 93—94, 204.

² Р. Г. Кузеев, Б. Х. Юлдашбаев. 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957, стр. 13—14.

³ Там же, стр. 41.

Во всех вариантах сказания «Кусяк-бий» соблюдается определенная последовательность эпизодов и сцен, которая становится традиционной.

Центральными персонажами являются Масим-хан, Бабсак-бий, Каракулумбет-бий и Кусяк-бий, вокруг которых строится сказание. Во всех вариантах обеих версий Бабсак-бий гибнет от руки Каракулумбета, а его (Бабсака) сын Кусяк, выросший богатырем, совершает карымту¹.

В период родового строя оскорбление или убийство члена одного рода другим рассматривалось как посягательство на честь всего рода. Своего сородича должен был защитить весь род. Каждый человек опирался на свой род, а род — на свое племя. «Члены рода,— писал Ф. Энгельс,— обязаны были оказывать друг другу помощь, защиту и особенно содействие при мщении за ущерб, нанесенный чужими... Если члена рода убивал кто-нибудь из чужого рода, весь род убитого был обязан ответить кровной мстью². В тот период достоин славы был батыр, защитивший честь рода, племени. Если оценивать Кусяк-батыра с точки зрения представлений того времени, то он — положительный герой, но в эпоху крупного объединения племен, как зачаточной формы феодальной государственности, карымта уже осуждалась народом.

В эпоху феодализма, особенно на ранней стадии, родовые институты и органы родоплеменного управления еще сохранились. Они были удобным средством в руках знати для грабежей, личного обогащения, эксплуатации своих же соплеменников. Эти родовые институты стали тормозом для дальнейшего общественного развития. Большим социальным злом была кровная месть. Она, какой бы справедливой ни казалась на первый взгляд, в новых исторических условиях уже осуждалась передовыми представителями народа.

¹ Карымта — кровная месть.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, М., 1961, стр. 89.

Естественно, в тех условиях, когда создавалось сказание «Кусяк-бий», сзэны не были единодушны в интерпретации отложившихся в народной памяти сюжетных мотивов: во-первых, над ними сильно довлело родоплеменное сознание, вследствие чего каждый старался представить батыра своего рода благородным; во-вторых, сзэны, какими бы гуманистическими воззрениями они ни руководствовались в своем творчестве, не могли раскрыть истинные причины исторически установившейся вражды, подогреваемой феодальной аристократией.

Не случайно то, что сказители оказались единодушными в концовке сказания. Несмотря на большую силу и старание, Кусяк-батыр не может добиться окончательной победы над бурзянами.

Сказание, сложившееся в народном сознании как память о трагическом прошлом двух племен, как осуждение межплеменных раздоров, рассказывалось в дальнейшем в назидание потомкам.

Мухтар Сагитов

Алдар и Зухра

Вечер первый¹

В прежние времена отцы семейства были почитаемы от детей своих, а старики от юношей. И когда Аксакалы (сиречь белобородые), сидя в собрании, рассказывали или что-нибудь советовали, то молодые разиня рот с прилежанием слушали и отнюдь не смели перебить их речи, считая себя перед ними невеждами, ибо тогда опытность многих лет занимала место наук. Если же и избирали себе иногда ханов, или наименовали кого Баш, т. е. голова, то было сие не для разбора их споров и тяжб, коих между ими по простоте житья их и по нежеланию лишнего, а, может быть, и по невежеству, не было. Избранный ими Баш, или Хан, никогда не употреблял во зло их выбор; никогда не считал себя начальником, а был защитником от нападения на стада их хищных зверей, или злобных пярив* и для того он должен был иметь все качества батыря**.

Заговорился я несколько о нравах и обычаях моих семиродцев и слушателей заставил зевать. И так послушайте моих рассказней:

Начин был, что горько бывает лишение чада, так и начну вам повесть одного почтенного из

* Башкирцы думают, что есть злобные духи, которые видимо и невидимо нападают на мусульмана, превращаясь в человека, зверя, птицу и змея, что они могут посягать, иметь детей и быть убиваемы от мусульманов.

** То, что по-русски богатырь.

наших родов башкирца, именуемого Аллаберде. Он достиг за половину своего века, лишившись жены и трех сыновей, с помощью коих имел он много скота, а овдовевший впал в печаль и уныние. За скотом смотреть не мог, от чего оный стал уменьшаться и был добычею зверей. Хотя соседи и приятели старались его утешать, предлагая ему в жены дочерей своих, но он на то не соглашался и час от часу приходил в слабость и оскудение и кончил бы, конечно, в сих печалях жизнь, если бы с. пророк наш не поспешил к нему на помощь.

В одно утро, после обыкновенной молитвы, которую может быть он отпраздновал с большим умилением, вздумалось ему сесть на коня, и ехать в степь не располагая куда, а для того и дал коню своему волпо. А он, не будучи понуждаем всадником, шел наклоня голову, а иногда щипал траву и не мог далеко увезти хозяина от кочевья его. Уже Солнце показывало полдень, но старик не выходил из своей задумчивости, как голос ему незнакомый заставил его взглянуть. Он увидел пред собою с ног до головы вооруженного батыря; кольчуга на нем была так светла, как бы из чистого серебра сделанная, пишак был из чистой стали, на бедре висела кривая сабля, оправленная в серебре, лук натянутый и колчан со стрелами, а в правой руке длинное копьё. Сидел он на прекрасном белом аргамаке, на коем убор и седло было серебряное с бирюзами². Отдавши салам* старику, сказал ему: «Куда ты едешь, печальный Аллаберде?» Старик приведенный в изумление, что незнакомый батырь назы-

* Если мусульманин с одиозаконником встретится, то обязан непременно сказать: «Ассаламалейкум», другой же должен ответить: «Маликом ассалам», что и значит подать Салам.

вает его именем, отвечая ему на саям сказал: «Почему известно тебе мое имя?»

— Я тебя знаю, — отвечал вооруженный Батырь, — и знаю причину твоей печали. Смотри на меня и примечай все мое оружие, ты его когда-нибудь увидишь; теперь возвратись в ближайшее кочевье, там ожидают тебя твои однородцы, они дадут тебе совет, последуй ему, на сие есть воля отца мусульманов. Выговорив сии слова, Батырь поворотя коня и как пущенная стрела удалился. Старик в сугубое пришел удивление от последних слов незнакомого. Не мог он почесть сие призраком, ибо видел, говорил, слышал и рассматривал, а последние слова, возвещаемые ему волю Магомета, и паче его уверили, что сие было благоволение небес. И для того слезши с коня, принес он благодарную молитву и поехал в показанное кочевье. Приближаясь к оному, увидел собрание народа: по мере его приближения догадывался он, что должно быть какому-нибудь празднеству. Народ, увидя его, закричал во многие голоса; вот и Баш едет (я забыл вам сказать, мои слушатели, что Алаберда был выбран головою от нескольких аулов*), бегут к нему навстречу, берут лошадь за повод, приводят к разостланным коврам, снимают с коня и сажают на двух подушках. Старик, посидя несколько и помолчав, спросил их: «Какая причина празднеству сему? Я вижу, — говорит он, — наполненные с изобилием котлы мясом и турсуки со здоровым питьем нашим. Молодые люди приготавлиются к борьбе и скачке, и на всех лицах вижу радость. Поведайте мне, друзья мои, хотя мне

* Аул значит жилище. С тех пор, как башкирцы начали жить деревням, то и называют зимовки кышлау, а летние свои кочевки — айлау.

радости никакой нет, но в вашей приму участие». Старшие из аула, севши по обеим сторонам Баша, велели одному сесть напротив его, который и начал к нему речь следующую.

Вечер второй

«Добрый наш родственник и Баш, со времени вдовства твоего и бездетства, видели и видим тебя всегда горяюща. Ты удаляешься наших бесед, а на праздники наши тебя и заманить нельзя. Звероловство ты оставил и с нами на сунар* не едешь; лук твой не натянут, не воеет тетива от руки твоей, стрелы твои в колчане не шумят, а копыта позаржавели; добрый конь твой забыл рыскать по чисту полю; а резвой пес Муйнак забыл своего хозяина; кобыл твоих доить некому, а сам ты всегда горестью терзаешься и желаешь, чтобы смерть поспешила к тебе, дабы ею прекратить горести твои, а нас, твоих друзей, оставляешь беззащитными. Мы все вообще просим тебя ради любви твоей к нам умерить печаль твою и избрать из дочерей наших в жену себе. Тебе известно, что кочевья наши могут похвалиться прекрасными женами и досужество их тебе известно, а притом не уступают они лучшим наездникам в езде на конях и стрелянии из луков: Неужели ни одна из них тебе не понравится?».

— Благодарен вам, друзья мои и родственники,— отвечал печальный Алаберде,— уже не первый раз даете вы мне сей благой совет, и я принимаю всю пользу оного. Но преклонные мои

* Сунар, то что у русских в псовой охоте называется пороша.

лета и удрученное болезнями здоровье не велит думать мне о младых дочерях ваших, толико красных как полный месяц.

«Когда так,— сказал один из сидевших подле его старейшин,— то я знаю для тебя невесту, от коей хотя у тебя детей не будет, ибо вдова лет пожилых, но честная, благонравная, трудолюбивая и знающая хозяйство. Она особо коцует от аулов наших, между гор Ирентицких³. Скота у нее много и за добродетельную жизнь ее никакой дикой зверь не касается стадам Джюгры (так ее имя)». При сем слове все собрание как будто бы вдохновенно свыше закричало в один голос: «Ты правду говоришь, аксакал. Многие из нас честную вдову знают, а прочие слышались. Она будет достойная жена нашему Башу».

Старики, приступя к нему, усугубили просьбу свою, дабы он согласился на ней жениться.

Аллаберда, как бы оглушенный криком и просьбами стариков и народа, не знал, что им отвечать: но вспомня сказанное ему незнакомым батырем, почел сие за исполнение предвещания. С трудом однако же согласился дать слово жениться на Джюгре, а между тем аксакалы и народ, видя его согласие, и радуясь тому, начинали степные свои игры. Сделался великий круг, в коем сидели старики и средолетние, а младые начали борьбу; отличившимся раздавали дары. Потом начинали стрелять из луков и кончили стаскиванием друг друга с лошадей. Время уже наступало, чтобы зрители и состязающиеся в борьбе, стрелянии и скачке успокоились. Первые, если можно сказать, от гляденья, а другие от напряжения сил своих. Снеди уже раскладены были по чашкам; а кымыз подносили старикам молодые люди. Башу поднесена была для почести

опаленая баранья голова и часть зажаренной грудки. За сим следовало мелкое крошеное мясо, кое они, за неупотреблением ими ложек, ели пятью пальцами. От чего пища сия и имя свое имеет: и изволяясь оною, наступившая ночь развела их на покой по кибиткам. Баша взял к себе в кибитку старик Джилкибай, тот самый, который рассказывал ему о доброй вдове, был он в кошу своем из почтенных людей; семьянист и заживен скотом. Дети его кинулись прислуживать Алаберде, подстилая ему ковры и подушки, а он с отцом их отправлял на сон молитвы. Помолившись, легли они на постели, а хозяин не оставлял Башу напевать в уши о достоинствах вдовы и довел его до того, что он согласился наутро с ним к ней ехать.

Вечер третий

Ржание кобылиц и жеребцов разбудило хозяина и гостя. Первый встал и велел приготовить воды на омовение, а потом и Баш встал. По омовении и молитве начал ему говорить Джилкибай:

— Путь, в который мы с тобою пускаемся, не близок, надобно иметь добрых коней. Сей, на котором ты приехал, не способен вынести труда, я тебе дам лучшего коня из своих, а ты можешь своего пустить домой*.

Сказав сие, велел детям своим поймать двух лучших коней и оседлать их, а сами, вооружась

* Башкирцы обыкновенно ездят на жеребцах в летнее время, и когда путь недалек, приехав в гости расседлывают жеребца, снимают узду и пускают, а он, имея косяк своих кобыл, к нему возвращается. Гостю дает хозяин также жеребца, который отъехав пускает его на волю.

луками, стрелами и саблями и взяв с собою несколько припасу и призвав Магомета в помощь, пустились. Джилкибай посматривал на своего товарища, и видя его задумчивость, хотел рассеять оную, а может быть и рассказать о будущей его невесте, чего он еще не слышал.

— Я тебе рассказывал, друг мой Алаберда, о добрых качествах и хозяйстве будущей твоей невесты, а теперь еще скажу и о чудном житье ее. Живет она одна, среди великих гор Ирентицких, никем не вспоможествуема. Стада ее никто не пасет, никто не загоняет для доения кобылиц, а сами приходят в свое время к кибитке, а потом расходятся, и не бывают не только поедаемы ниже тревожимы от диких зверей, коими горы Ирентицкие наполнены. Редкие из батырей наших доезжали до ее жилища. Мне случалось несколько лет тому назад заехать к ней нечаянно (тогда еще минул только год, как она овдовела) я прожил у нее два дня и видел ее отправляющую пять раз в день молитвы. Мало говорит, а если что начинает, то оканчивает скоро и разумно. Я говорил ей, что не могу надивиться ее одиночеству и советовал ей, чтобы для безопасности своей прикочевала к какому-нибудь аулу, но она отвечала мне: что ничего и никого не боится, и если случилось от кого какое на нее нападение, то она себя и стада свои защитить может. И никакая посторонняя помощь ей не нужна. Проговоря сие, она замолчала, а я уже более изведывать у нее не смел.

Таким образом рассказывал Джилкибай своему Башу, а сей не мог надивиться слушая о будущей своей невесте, которую уже считал своею более по предвещанию, нежели по своему желанию. Иногда отвечал, иногда делал вопросы своему товарищу, кои кончались всегда удив-

лением и неизвестностью, что с ними будет. Уже день клонился к вечеру, а они проезжали лес, вдруг видят оленя необычайной величины к ним бегущего. Алаберда вспоминает прежнее свое в стрельбине искусство. С поспешностью вынимает стрелу, накладывает на лук и попадает в зверя между ребр по самые перья. Олень, почувствовав удар, сделал скачок, падает на колени, а Джилкибай другою стрелою поражает зверя в шею, потом, слезши с коней, с молитвою режут ему горло и начинают снимать кожу, и как они были в сей работе, то услышали крик, а взглянув, увидели в воздухе парящую птицу необычайной величины, перьями белую, а видом похожую на орла. Джилкибай посмотря на нее сказал своему товарищу:

— Послушай, Баш, это, конечно, Давлетли-Куш*, и она требует от нас пищи; отдадим ей сего оленя, а мы сей вечер будем не голодны.

Алаберда на сие согласился, и оставя оленя, сели они оба на коней и, отъехав недалеко, смотрели, что будет делать птица. Джилкибай не солгал, ибо только что они удалились, то птица спустилась и стала пожирать оставленную ей снедь. А Баш, качая головою, удивлялся и сказал своему товарищу:

— Все правда, что ты ни говоришь, мой друг; увидим, что будет далее!

— А далее будут еще большие препятствия, кои с помощью великого пророка нашего мы преодолеем, и кончится свадьбою твоею на Джюгре.

Потом, понудя коней своих, поехали вперед. Увидя пред собою большое озеро, на берегах коего расположились ночевать и успели настрелять

* Башкирцы верят, что есть милостивые птицы, которые помогают в нуждах и бедах; а иногда говорят и человеческим голосом.

себе несколько уток, коих изжаря, сделали для себя вкусный ужин и спали спокойно до самого рассвета.

Вечер четвертый

Шум и крик разных водяных птиц разбудил двоих друзей. Встают они, идут к своим коням, пасущимся близ их, седлают и пускаются в путь. Продолжают они без всякого приключения до полудня. Солнечный зной понуждает их искать отдохновения под тенью деревьев и лишь только хотели своротить в сторону, как встречается с ними человек лет немолодых. Лицо имел постное, бороду седую, росту большого, одеянной в длинной зеленой одежде, на голове была чалма с белым повивалом, опоясан широким поясом, на коем изображены были слова им неизвестные. В правой руке имел он длинную трость. Путешественники, увидя его, остановились, а он, подойдя к ним, приветствовал их саямом; они ему тем же отвечая, замолчали, ожидая, что он им скажет.

— Куда вы едете, добрые мусульмане? — спросил он.— И как заехали в сии места, из коих и сильные батыри с трудом выезжают; ибо места сии, кроме диких зверей, обитаемы еще и злобными пярями. Надобно, чтобы вы покровительствуемы были небом и святым нашим пророком, дабы проехать сии места. Я рад, что вы со мною встретились и могу вам подать благой совет; последуйте за мною в мою хижину, которая отсюда недалеко. Там вы можете отдохнуть от жары, так же и кони ваши.

Выговоря сие, пошел он вперед, и хотя шел обыкновенным шагом, но всадники ехали за ним в большую рысь, не говоря друг с другом ни слова, влеклись за ним как бы были на арка-

не им ведомы, или как бы невидимая какая сила их за ним тянула. Проехав довольное расстояние лесом, вывел он их на тропинку, которая вела в ущелье каменной горы. Подъехав ближе, увидели они в горе пещеру; не доезжая до оной, незнакомый их остановил, показав им в правой руке сквозь густоту деревьев небольшой луг, на коем была трава весьма мягкая и испещренная цветами.

— Расседлайте и пустите своих коней на сей луг,— сказал пустынный,— и при них положите ваши седлы и оружие, приходите к пещере и дождитесь меня у входа.

Путешественники повиновались; въехав на луг, нашли они траву и цветы столь благовонны, что никогда такой не видали и не обоняли. Алаберда первый расседлал коня и, пустя его на пажить, сказал:

— Что за удивительные дела с нами делаются! И я вижу явное покровительство над нами отца мусульманов.

Джилжибай так же расседлал и своего коня, отвечал ему:

— Без сомнения, он нам покровительствует; а без него не встретился бы с нами сей благодетельный муж. Пойдем к нему, я надеюсь, что он нас ожидает!

И действительно, он их ожидал у входа пещеры, пред коей послан был ковер отменной работы, а вход пещеры завален превеликим камнем. В правой стороне горы, от входа сажени на две протекал источник, а с левой стояло превеликое тополевое дерево и густыми своими ветвями заслоняло вход от солнечных лучей. Пустынный, увидя их, сказал им: «Разуйте сапоги ваши и омойте ноги в сем источнике и вступите на сей ковер».

Они повиновались; и когда вступили на ковер, увидели его, читающего Дагуат* невразумительными им словами, и при последних словах камень от входа пещеры отвалился, а хозяин ввел гостей во внутрь оной. Они шли при слабом свете, который светил во вход пещеры; потом поворотя влево отворилась дверь, и они увидели себя в светлом месте. Это была так же пещера, иссеченная в горе, а свет происходил от четырех камней, вставленных в каждую стену. Пол был устлан коврами, и к одной стене было небольшое возвышение, на коем лежали подушки.

— Садитесь, добрые мои гости,— сказал им пустынный,— и отдохните, пока я принесу вам, чем утолить ваш голод.

Он вышел вон и возвратился с небольшою чашкою крошеного мяса. Два друга увидя так малую пищу, взглянув друг на друга помыслили, что сего и одному есть мало. Хозяин как бы провидя их мысль, сказал им:

— Не сомневайтесь, добрые мусульмане, чтоб сей чаши вам было мало; если вы будете и целый день есть, то сего не съедите.

Да и подлинно было так; двое друзей ели с жадностью; пищу находили отменно вкусною, а из чашки не убывало. Удивление их было чрезмерно, и они просили хозяина, чтоб простил их маловерие. Потом он принес им чашку белого пойла. Они подумали, что сие кымыз**, но он им сказал, что это вода из одного источника,

* Молитвенная маленькая книжка, которую мусульмане носят на себе под левой мышкой. Они думают, что сие деяние спасает их от болезней и от злых.

** Квашеное кобылье молоко, которое башкирцы начинают пить с мая иногда по ноябрь месяц, в августе оно начинает быть крепче, и выпивши чашки две или три, чувствуют тягости с головою.

ему только одному известного, и которым угощает только тех правоверных, кои живут благочестиво и ходят путем истины. Потом спросил их, сыты ли они? На что отвечали, что не только сыты, но и пресыщены и чувствуют в себе силу юных лет. — Когда так, сказал им пустынный, то и пора мне подать вам совет:

— Я знаю,— сказал он им,— кто вы таковы, куда и за чем едете. Ты, добрый Баш Алаберде, хочешь жениться на Джюгре, а ты, Джилкибай, едешь с ним сватом. Намерение ваше благословляет наш пророк; и он, являсь мне послал к вам навстречу, велел вас угостить сею пищею и подать вам следующий совет:

Вечер пятый

— Путь вам предлежит, хотя не весьма дальний, но опасный; всякий день вы должны будете терпеть нападение от хищных птиц на вас налетающих и желающих схватить вас своими острыми ногтями; или от хищных зверей, как-то юлбарсов, медведей и волков, кои будут бросаться на вас, дабы растерзать вас и коней ваших. Все сие ни что иное есть, как чары двух братьев пярив. Один живет по сю сторону кочевья Джюгры, а другой по ту сторону гор Ирентицких. Они оба ищут, чтобы ее взять за себя, но она, быв правоверною, на прелести их не соглашается и очарование их разгоняет пятью молитвами, отправляемыми на всяк день нелепно. К мужеству вашему присоедините и вы молитвы, мусульманам предписанные, а сим и истребить все препятствия вам встречающиеся.

Потом сказал он им:

— Принесите ко мне ваши сабли и стрелы.

Батыри повиновались и принесли. Тогда, выслав он их из светлой пещеры, сказал: «Не входите ко мне, пока я вас позову». И, затворив дверь, остался в пещере один. Недолго ждали два друга, как пустынный их к себе позвал и, показав им оружие, спросил: «Видите ли вы какую перемени в стрелах и саблях ваших?»

— Видим,— сказали они,— копыя у стрел наших блестят как золото, а так же и сабли наши сделались востры как бритвы.

— Это еще не одно достоинство в оружии вашем, но всякая стрела, пущенная вами из лука, не пролетит мимо, и поражение ее будет смертельно не только животным, но и самим пярям. Но дабы и вас сделать невредимых от ран, даю вам по платью и по шапке. Все удары, вам наносимые, будут недействительны и нечувствительны. Потом вынул он из-под подушки два кармазинных кафтана и две черных лисиц шапки.

— Нарядитесь в них,— примолвил он,— подите седлать ваших коней, и оседлав, возложите на себя оружие, приезжайте ко входу пещеры и дожидайтесь меня.

Два друга, нарядясь по повелению пустынного в кафтаны и шапки, опоясали свое оружие и, севши на коней, подъехали к пещере. И только лишь остановились, как увидели выходящего из пещеры хозяина и держащего в обеих руках по чашке белого пойла. Он, подав из них каждому по чашке, велел пить сколько можно больше. Батыри силились, пили и не могли опорожнить чашек, подавали ему назад.

— Что вы не допили? — спросил он их.

— Не можем,— отвечали они.

— Так поднесите же коням вашим, пусть они допьют, и им сила надобна!

Кони пили с великою охотою и опорожнили чашки.

— Теперь поезжайте,— сказал им пустынный,— да будет над вами благословение отца мусульманов.

Батыри, поблагодаря Авлию*, ибо таковым они его сочли по чудесам им творимым, и исполнены надеждой сколько на защиту Магомета, столько на очарованное свое платье и оружие, удалились от пещеры. Они ехали несколько дней сряду без всякого препятствия. Стреляли птиц и готовляли себе брашно. Уже вдали показывались горы Ирентицкие, а они из предсказанных препятствий ничего не видали, и начинали уже сомневаться в словах Авлии, как вдруг в небе показалось черное облако. Батыри приметили, что оно идет прямо на них. Тут, рассматривая, увидели они, что сие было не облако, а птицы. И уже услышали их крик, тогда вспомнили они сказанное пустынным и, выхватя из налучней луки, а из колчанов стрелы и только что успели приготовиться к обороне, как начали сверху опускаться на них птицы, подобно как беркут ловит лисицу или зайца. Но смелые, а паче обнадеженные батыри начали в них пускать свои стрелы. Ни одна из них мимо не летела, а всякая убивала птицу и с нею падала вниз. А хотя и случалось иногда птицам касаться батырей, то ногти их притуплялись об очарованную одежду, и они, оставя батырей, нападали на их коней. А сии, не быв очарованы, чувствовали боль и начинали под батырями биться, что и принудило их приняться за сабли; и сидя на конях, защищать зад и голо-

* Сии именем называют они святых или угодивших богу пустынных, которые иногда являются мусульманам, подавая благие советы.

ву конскую. Сия удивительная битва продолжалась даже за полдень. И, может быть, была бы не выгодна батырям, если бы не поспела к ним на помощь белая птица, которая, появясь в воздухе, начала побивать черных, а сие, утрашась, все разлетелись. Белая же птица летала около батырей, как бы сорадовалась их победе, кои слезли с коней своих и хотели собирать стрелы, но в какое пришли удивление, когда увидели, что стрелы их опять в колчанах, ибо прежде им не до того было, чтобы оглянуться на колчаны. Из сего они видели покровительство небес, и для того, оставя коней своих, принесли благодарное моление и, отдохнув несколько от трудов, поехали далее. Птица же, не оставляя их, летела над ними. Они, желая возблагодарить ей, посматривали в сторону, нет ли какого зверя убить ей на пищу. И проехав некоторое расстояние, увидели бегущего лося. Они понудили коней своих за ним. Джилкибаю посчастливилось заскакать вперед и так удачно выстрелить, что стрела попала в самое горло. Зверь упал; а они, прирезав его и сняв до половины кожу, отъехали прочь, крича птице, что они отдают его ей в снедь. Птица, как бы разумея их слова, опустилась на лося и стала есть. А они слезли с коней и при ручье, в том месте случившемся, остановились ночевать.

Вечер шестой

На другой день пути встречены они были около полудня великим множеством волков. Но как путешественники наши были привычны к сего рода охоте, то и не трудно им было многих

перебить, а остальных прогнать. Потом, проехав некоторое расстояние, слышали они страшный рев медведей. И, подъезжая ближе, увидели их на себя идущих, и с превеликою яростью бросающихся на них. Батыри, не робея, метали в них стрелы, и всякая стрела поражала медведя, но число их не умялось. Они начинали окружать батырей, но птица, сопутствующая им всегда, не оставила их без помощи. Она опускалась с быстротою на каждого зверя и свистом крыл своих так их устрашала и ногтями наносила им раны, что сии дикие звери принуждены оставить батырей и бежать в лес. Не успели они избавиться от медведей, как увидели бегущих к ним двух юлбарсов. Сии были опаснее, нежели волки и медведи, хотя число их было и менее. Если бы два друга не были покровительствуемы свыше, то, конечно, погибли бы от лютои их. Алаберда первый мечет стрелу и попадает в зверя на него бегущего в заднее лядвее. Юлбарс, не почувствовав раны, кидается на шею коню, а проворный Баш ударяет его саблею поперечь спины и разрубает ее до половины. Джилкибай был более в опасности, ибо на него бросившийся юлбарс не дал ему времени пустить в себя стрелу, схватил его поперечь и стащил с коня, и неминуемо растерзал бы его своими ногтями и зубами, но очарованная одежда до сего не допустила, и он только мял его в своих лапах. Между тем Баш, избавившись от своего, бросился к нему с саблею на помощь, и с двух ударов поверг зверя мертво. Джилкибай, раздавленный лапами юлбарса, насилу поднялся на ноги, а друг его радовался, что его избавил.

— Отдохни,— сказал он Джилкибаю,— а я между тем сниму кожи, они будут служить попонами нашим коням, а мясо отдадим птице.

— Обе кожи тебе принадлежат,— отвечал друг Алаберды,— ты обоих убил зверей, и меня избавил от растерзания.

— К чему такая похвала; неужели ты думаешь льстить своему другу! Если бы мне случилось быть в такой же опасности, то, конечно ж, и ты меня избавил, не щадя живота своего.

После того начал он снимать со зверей кожи, и лишь с первого снял, то птица кинулась на мясо и с жадностью пожирала. Кожи Алаберда разостлал по земле дабы высохли и, расседлав коней, пустил пастись. Друг же его между тем отдыхал; да и сам он лег подле него положи седлы в головы. Джилкибай отдохнувши сказал своему другу:

— По предсказанию пустынного, остается нам еще подвиг с тобою, мой друг, совершить и самый трудный. Пяри отсюда живет недалеко; завтра около полудня мы близь кочевья его будем. Да поможет нам великий наш пророк; не забудь иметь в памяти иман*, когда мы с ним будем сражаться.

— Быть так,— отвечал ему Баш,— когда начали дело, то не надобно ослабевать. Только сомневаюсь я, тем ли мы путем идем к кочевью Джюгры?

— Без сомнения тем,— возразил ему Джилкибай,— ибо птица летит перед нами, как бы показывая дорогу, и она, как видно, приставлена к нам от пустынного.

Таким образом, разговаривая, наши друзья уснули крепко, а поутру встали бодрее прежнего и пустились в путь, птица летела перед ними. С начала дня время было тихое, а около полудня настала сильная буря с дождем и гро-

* Молитва, всегда мусульманами отправляемая.

мом, что и понудило батырей наших закрыть стрелы дабы не помокли. Молния беспрестанно сверкала и громовые удары падали перед конями. А кони, быв менее храбры, нежели всадники, противились идти вперед. Тогда Джилкибай сказал своему товарищу: «Сия воздушная перемена не есть естественная, но чары злого волшебника». Не успел он сего выговорить, как небо вдруг сделалось ясное, и они увидели себя у белой кибитки отменной величины. Не было близь ее никакого скота, однако ж место было утолчено. Не успели они еще опомниться от удивления, как выходит из кибитки исполинского роста человек, и грозным голосом спрашивает их:

— Кто вы таковы, куда едете и зачем?

— Мы — путешественники, и едем в кочевье Джюгры.

— О, Джюгра! — закричал он, — к этой престелнице, которая пренебрегает мою любовь и не хочет быть женою. Я вас прежде не пущу, пока вы не изведаете со мною вашей силой в борьбе.

— Бороться мы с тобой не можем, — отвечал Алаберде, — ты молод, а мы стары; а если хочешь стреляться, то мы согласны.

Пяри, услышав сие, закричал необыкновенно громко. На голос его прибежал к нему конь совсем оседлан, и оружие лежало на седле. Пяри вскочил на него, не касаясь до стремя, и, схватив лук и стрелы, вскричал батырям: «Разъезжайтесь, презренные мусульмане, и стреляйте по мне, вы увидите, могут ли мне вредить ваши веретёна, ибо в колчанах ваших верно не стрелы, а веретена, кои вы везете в подарок Джюгре».

На сие угрозы Джилкибай сказал ему: «Мы наперед стрелять не станем, а начинай ты, ибо ты вызвал на бой».

Пяри, видя скромность батырей, которые непрерывно читали в уме иман, вынимает стрелу длиною в сажень, а лук был соразмерен оной, и пускает в Джилкибая. Стрела с шумом летит и пробила бы гору, но от очарованного платья батырева отскочила, не причиня никакого вреда, ниже покачнув батыря на седле. Рассвирепел чародей, с поспешностью вынимает другую стрелу и пускает ее в неустрашимого Алаберду и видя такое же действие, как и от первой, скрежещет от ярости зубами. Тогда Джилкибай вынимал свою стрелу, кричал ему: теперь отведаешь ты наших веретён. Очарованная стрела с такою силою попала в бок пярив, что он покачнулся, а пущенная в то же время Алабердой повергла его на землю. Упал он с таким шумом, как камень, оторвавшийся от горы, и земля, казалось, потряслась. Батыри, пользуясь его падением, выхватывают сабли и скачнут к нему. Но конь его стал близь его и начал бить задними и передними ногами, не допуская батырей приближаться, пока чародей, не оправится. Но птица, парящая над ними и как бы все примечая, с быстротою орла налетела коню пяриву на голову и вцепилась в глаза. От чего конь, испугавшись, побежал прочь, птица же не оставляла царапать его глаза. А между тем пярив выхватил саблю и ожидал бойцов наших пеший. И казалось, что одним махом перерубит обоих и с конями; и хотя он был пеш, но ростом превышал всадников, но батыри с помощью имана и своего пророка избегают его ударов и острыми своими саблями наносят ему смертельные удары в голову, от чего пярив заревел и повалился, а они скоча с коней; Алаберда отрубил у него голову. И как они знали, что тела чародеев должно сжигать, то и набрали хворосту и всякого сухого лесу,

сделали костер и взвалили на него туловище и голову чародея. А между тем подкладывали больше деревьев, дабы скорее развеять прах его; что и учинили. Потом, омывшись, принесли благодарную молитву. И желали видеть, не осталось ли чего в кибитке, но в ней ничего не нашли. Лук, стрелы и саблю пяривеу не сожгли, а вздумали отвезти их в подарок Джюгре, жалели очень, что не смогли взять и коня, коего птица угнала. Но как они о сем подумали, то увидели его бегущего к ним, гонима птицею, и он, подбежав к батырям, остановился и дал себя взять за повод. Батыри привязали на седло лук, стрелы и саблю пяривеу, отправились в кочевье Джюгры, которое отстояло на день или на два езды.

Вечер седьмой

Следующий день ехали батыри покойно, и никаких противных встреч не было, а наутрие не более оставалось езды, как до половины дня, и так сват и жених захотели получше нарядиться. После обыкновенного омовения и молитв, чистили они свои платья, забрызганные кровью зверей и пярия, а так же седлы и уборы конские, седлы накрыли юлбарсовыми кожами, а на коня пяривеа, как уже сказано выше, повесили лук, колчан со стрелами и саблю, дабы привести его в подарок вдове. Спутница же их и защитница птица от них отлетела и тем как бы дала знать, что нет им более опасности. Наконец, выезжают они на равнину, где видно было озеро, так чисто как стекло, а по другую сторону оного были горы Ирентицкие, покрытые соснами и лиственницами. В горах сих видны были, большие камни породы яшмовой, и столь были гладки и чисты, что солнечные лучи, ударяя в них, от-

ражали в воду, и делали великий блеск на берегу. У сего-то озера стояла кибитка Джюгры, а на равнине паслись ее стада. Жеребцы, увидя приближение батырей, с громким ржанием окружа прежде свои косяки, поскакали к ним навстречу; и подскакав становились на дыбы, как бы приветствуя с приездом их, возвращались к косякам своим. Батыри подъезжали спокойно к кибитке, а подъехав близко, просили о позволении слезть с лошадей. На спрос их вышла Джюгра, платье на ней было зеленого сукна, а кажбов* снизан из марьяну и украшен по местам золотыми и серебряными бляхами.

— Добро пожаловать, добрые мусульмане,— сказала она,— слезьте с коней и войдите в кибитку.

Алаберда (у коего сердце уже было не на месте при приближении к кошу Джюгры) остолбенел от удивления, видя в пожилой вдове столько еще красоты, и она ему показалась гораздо моложе, нежели о ней сказывали, и для того остался на коне. Джилкибай же, как сказано, быв прежде ее гостем, начал приветствовать, спрося, здорова ли она, назвав ее именем (ибо салим женщинам не подают). Она отвечала ему, что здорова и вторично просила их войти в кибитку. Джилкибай, увидя жениха еще на коне и желая разогнать его застенчивость, начал к хозяйке следующую речь:

— Почтенная, наша родственница, не удивляйся дерзновенно моему и моего товарища, что мы осмелились посетить тебя в твоём уединении. Слава о добродетельной твоей жизни несется по всем родам нашим и достигла высочайших гор Урала, под коими мы кочуем. Несколько лет

* Головной женский наряд.

тому назад был я у тебя гостем, тогда ты оплакивала еще первый год твоего вдовства. А, возвратясь домой, рассказывал я о добродетельном житье твоём, и что ты, кочуя одна, не опасаясь никакого нападения, что стада твои не тревожимы от лютых зверей, и что ты истинная гурия на земле. Многие из собратий моих дивились житью твоему, многие хотели ехать, видеть, познакомиться с тобою и от тебя научиться, как жить благочестиво; но опасность от диких зверей, а паче от злобных пярив их удерживала. Один наш Баш Алаберда, которого ты здесь на коне видишь, пренебрег опасность, и взяв меня к себе в товарищи, приехал к тебе. Он привез в дар две кожи юлбарсов, его рукою пораженных, и коня с оружием злобного пярив, докучающего тебе неистовою своею любовью. Он имел с ним страшный бой, сбил его с коня и отрубил голову. Я помог ему сожечь тело нечестивого пярив, и прах его развеять, и теперь не осталось тебе никакой опасности.

Джилжибай наговорил бы еще больше, если бы Джюгра не перервала речь его. взглянув на Баша, сказала: «Слезь же, мой избавитель, и войдите в кибитку».

Алаберда скочил со своего коня и взяв пярива со вьюком, его подвел хозяйке, сказав:

— Тебе отдаю, почтенная родственница, коня и оружие твоего злодея.

— Ах! Я знаю сего коня и оружие.— отвечала она,— на нем видала я часто злобного чародея, подъезжающего к моим стадам и угрожающего мне. Но быв покровительствуема небом, оставалась я и стада мои невредимы.

Взяла за повод коня, а так же и их обоих коней, привязала к сосне, стоящей против ее кибитки, а потом ввела гостей и посадила их на урундук,

который покрыт был богатым ковром и подушками. Джилкибай смотрел на уборы и чистоту в кибитке. Все решетки были увешены богатым оружием; луки, стрелы, сабли были оправлены или золотом, или серебром. Баш же в кибитке кроме вдовы ничего не видал, и ее, может быть, считал украшением всего башкирского народа.

Вечер восьмой

Пока батыри рассматривали всяк свое, хозяйка поднесла им по чашке кымызу. Первую она подала Башу, а другую его товарищу. Алаберда, приняв чашку, по обычаю подал ей назад, дабы прежде отведала сама, что она и сделала и возвратила ему чашку*; что так же сделал и Джилкибай. И хотя у них обоих был великий позыв на кымыз, которого уже давно не пили, однако ж, соблюдая учтивость, пили потихоньку, а хозяйка, между тем налив в кожаный сосуд кымызу, поставила перед ними, сказав: «Не прогневайтесь, дорогие мои гости, я пойду поймать вам на обед лучшую овцу из стада моих».

И когда она вышла, а гости чашки свои опорожнили, тогда Алаберда начал речь к своему товарищу:

— Ты удивлял меня, мой друг Джилкибай, рассказывая о добродетелях здешней хозяйки и о прочих ее добрых качествах, а не говорил ничего о красоте ее: по словам твоим, я считал ее старухою, но теперь кажется, что она в настоящей поре, и лицо ее показывает тридцатилетнею.

* Башкирцы считают за неучтивость подающую им чашку кымызу выпить, не поднеся прежде ее хозяйину, которого иногда просит гость, чтобы всю выпил сам, а ему подал бы другую.

— Таких лет я ее видел,— перебил речь Джилкибай,— и тому уже пятнадцать лет, а признаюсь тебе, что она ничего не переменилась. Вот что делает воздержанная и благочестивая жизнь! Мне кажется,— примолвил он смеючись,— что ты так же обворожен стал вдовою, как пустынный обворожил наше платье.

— Признаюсь тебе, мой друг,— отвечал Алаберда,— что я полюбил ее смертельно; мне кажется, что мы не успеем в нашем намерении, и что она по набожности своей, не захочет вступить во второй брак.

— Так, так,— продолжал насмехаться Джилкибай,— ты ничего еще не видя, уже стал и отчаиваться, добрый мой Баш, неужели пустынный хотел нас обманывать, предвещая нам, что ты женишься на Джюгре.

В сие время услышали они блеяние овцы и видели вошедшую к ним хозяйку. Она оборотась к Джилкибаю сказала: «Старый мой друг, потрудись прирезать овцу*, а я между тем разведу огонь и поставлю котел с водою».

И не давши выйти Джилкибаю, поднесла им еще по чашке кымызу, и вышла сама показывать овцу. А Баш, не хотя остаться за турсуком один, пошел помогать своему товарищу, а между тем и видеть Джюгру, разводящую огонь. Джилкибай, прирезав овцу, освежевал ее. А хозяйка принесла воды омыть ему руки, и взяв мясо, пошла готовить гостям обед, прося их, чтобы они опять вошли в кибитку и пили кымыз. Они не дали себя два раз просить, и пошли опорожнить турсук**.

* По обычаю ли то, или по закону магометанскому, женщины никакой скотины не режут.

** Турсук есть сосуд, из дыmlенной кожи сделанной, и употребляемой башкирцами, который они вешают на луки седельные.

И как хозяйки с ними не было, то и пили они без застенчивости, и если, что говорили между собою, то было все о Джюгре. В таких разговорах скоро был выпит кымыз, и они поглаживали при всякой чашке свои полуседые бороды, как вошла к ним хозяйка с большою каповою чашей, в коей было крошеное мясо, и поставя пред ними со всякою опрятностью и чистотою на постланном прежде коврике сказала: «Покушайте, дорогие мои гости и родственники! Проехав так долгий путь, вы верно много раз имели нужду в пище». Батыри, поблагодаря за приветствие хозяйку, просили ее вместе с ними сесть; но она, отказываясь, сказала, что будет им прислуживать и обязана сие им сделать для того, что вы ради меня, примолвила она, предприняли так дальний путь и избавили меня от одного из злейших моих неприятелей. Сии слова произнесла она, хотя и с скромностью, но на лице ее показался румянец. А Джилкибай, примечающий все ее поступки, увидел, что она при слове «избавитель» взглянула умильно на Баша, что и почел хорошим предзнаменованием. Чашка как ни велика была, но они ее опорожнили, и друг Алаберды спросил его: «Находит ли он разницы в естве пустынного и сей?» Баш, помолчав несколько, отвечал: «Та пища была духовная, и кто приготовлял ее, мы не знаем, а здесь угощаемся мы почтенною нашею родственницею, то и пища сия нам свойственная.» Джюгра, услыша о пустынноике, как бы обрадуясь:

— Так вы были у сего благочестивого мужа?

— Не только были, но и наставлены от него,— отвечал Алаберда,— как поступать в пути и защищаться от разных нападений, которые мы встречали. Он учинил с нами великие чудеса, и, наконец, напутствовал нас своею молитвою.

— Праведный сей муж займет место в моей новости, — сказала она им, — которую должна вам рассказать. Но прежде, почтенные мои гости, скажите вы мне истинную причину вашего ко мне приезда. А между тем омойте ваши руки.

Сказав сие, подала им воду и полотенце. У Баша билось сердце, а Джилкибай приготовлял употребить все башкирское красноречие, дабы рассказать прекрасной вдове причину их приезда.

Вечер девятый

— Живущей тебе в твоём одиночестве, добрая наша родственница, может быть неизвестны введенные в кочевья наши несколько лет тому назад по необходимости новые обычаи. В старину бывало, что всякий отец в своём семействе был начальник и глава оного. Но два муссалья* по нашему счислению прошло, как семиродцы† начали избирать некоторым числом аулов Баша, который бы с прочими аксакалами разбирал небольшие споры между ими случающиеся, ибо от больших сохранил нас великий Алла. По смерти первого нашего Баша Шайли, мужа крепкого силой, умного советами и благочестивого в житье, избрали мы на его место сего тобою видимого Алаберду в Баша; и сие избрание последовало в год юлбарсов, чему ныне минуло двадцать лет, в течении коих был он защитником стад наших

* Муссаль — башкирское летосчисление, содержащее в себе 12 годов, из коих каждый имеет особенное название: сыскан (мышь), сыер (корова), барыс (барс), куяп (заяц), лыу (крокодил), йылап (змея), йылкы (лошадь), куф (овца), маймыл (обезьяна), тауык (курица), эт (собака), дунгыз (свинья), по истечении которых опять обращается на первый год и так далее.

от хищных зверей; и хотя в преклонных летах (как так сама видишь), отличался всегда он смелостью от молодых наших батырей. Трудно было бы исчислить всех зверей, его стрелами пораженных, коих кожи никогда себе не брал, а разделял своим товарищам или дарил аксакалам. Такое его бескорыстие привлекло все наши к нему сердца. В советах он мудр, а в разборах спор наших справедлив. Таковое его и наше счастье продолжалось восемь лет, и именно до змеинового года. В сей несчастный год лишился он своей жены по имени Сулубика. Хотя горесть его была велика, но оставались в утешение три сына, которых по справедливости можно было назвать джигитами и батырями. Они стреляли цельно из луков, усмиряли диких коней, и храбрость была их уделом. Но ангел смерти, не щадящий ни лет, ни возраста, ни красоты, ни младости, похитил их в следующие, после смерти матерней, четыре года.

При сих словах взглянул он на друга своего, который закрывал лицо свое обеими руками и всхлипывал от горести, что и понудило его в речи своей остановиться и сказать ему: «Я виноват, мой друг, что напоминаю тебе твои горести. Утешься, великий наш пророк приготовляет тебе награду за них, не только в сей, но и в будущей жизни».

Потом, давши уходитья горю, продолжал:

— Все мы видели, что он впал в печаль и уныние. Отстал от бесед наших; к джиинам* больше не приближался; звероловство бросил; хранение стад наших оставил и ходил как ума-

* Пиршество, на которое созываются из разных и из дальних аулов балкирцы, кроме угощения мясом и кымызом бывает скачка, борьба и стаскивание с лошадей. Есть так же у них пиршество, называемое туй, от глагола происходящее туйдер.

лишенный. Два года был в сем плачевном состоянии, как в один день неожиданно приехал он, или лучше сказать, привез его конь в наш аул.

— Не конь меня привез, — перервал его речь Алаберде, — а приехал я сам по случаю непредвидимому.

Потом рассказал он встречу его с незнакомым батырем, о коей и сам Джилкибай не знал.

— Вот как ты скромн, — вскричал он, — что о сем на джиине и не сказывал.

— На что было и сказывать. — Я ожидал исполнения совета, которому последовал.

— И так ты видишь, добрая наша Джюгра, что все делалось по вдохновению свыше, — начал опять речь Джилкибай, — по приезде его к нам в кош, стали мы просить Алаберду, чтобы умерил свою печаль и вступил вторично в брак, предлагая ему дочерей своих, дабы выбрал себе по мысли. Он отрекся от сего неравенством лет, а мне пришла на мысль ты, и я начал говорить всему собранию о твоей добродетельной жизни, и чтоб если б ты согласилась идти в замужество за Баша, то лучше ему жены сыскать нельзя. Все закричали, что я говорю истину, и просили Алаберду, чтобы он к тебе ехал. Он молчал, а молчание его мы почли за согласие, и я взял Баша к себе в кибитку, а наутрие пустились мы в путь. Ты знаешь многое из приключений, случившихся нам в пути. Остается тебе сказать о бытии нашем у пустытника, он нас, встретив, привел в свою пещеру, и к удивлению нашему, назвал нас именами нашими, не спросил куда мы едем, а сам нам сказал намерение наше и уверил, что алла благословляет оное, что мы не праздно возвратимся, и что ты, конечно, согласна будешь вступить в брак с моим другом, подарил нам платье и шапки, кои никакое оружие

пробить не может. Стрелы и сабли сделал смертельными для тех, коих они поражать будут, даже и самых пярнев, что мы уже и извели. Теперь остается одно узнать, правду ли сказал авлия, что ты согласна будешь с Башем вступить в брак.

Тут велеречивый Джилкибай кончил речь, глядя пристально на друга своего и на Джюгру. Сего видел он, томно взирающа на прекрасную вдову и ожидающа от нее да или нет, а сию потупя глаза сядящую и вздыхающую. По некотором молчании сказала она с пролитьем нескольких слез: «Все сие делается, добрые мои посетители, не без предопределения, которое пишет на роковой доске огненной тростью бытия всех живущих на земле. Но прежде, нежели я соглашусь, выслушайте мою повесть, которая довольно продолжительна и имеет сношение с тем, за чем вы ко мне приехали, а так как день клонится уже к вечеру, то и оставляю я повесть мою до утра, а вы успокойтесь от дальнего пути вашего».

Сказав сие пошла приготовить гостям ужин, а Джилкибай, видя успех, начал говорить Башу:

— Ну, на месте ли теперь твое сердце мой верный друг?

— Кажется, дело идет на лад,— отвечал Баш,— но я весьма любопытен, что она нам про себя расскажет, и ночь мне покажется долга.

— Вот еще беда! — отвечал смеючись Джилкибай, — какая нетерпеливость! Выпьем лучше по чашке кымызу и пойдем ходить по берегу озера.

Алаберда его послушал. Чашки выпиты, и они из кибитки вышли. Ходя по берегу озера, увидели они в кустарнике небольшую кибитку, которую они прежде не заметили и заключи-

ли, что она поставлена для припаса, в чем и не обманулись; ибо увидели выходящую из нее хозяйку с ужином. Джилкибаю более желалось походить по берегу и полюбоваться прекрасным положением места, но Баш звал его в кибитку и говорил, что хозяйка уже принесла ужин.

— Не бишбармак у тебя на уме, — отвечал всегда смеючись Джилкибай, — а хочешь насмотреться на Джюгру! Наглядишься, мой друг, время будет довольно. Дело теперь только за сказкой, которую она нам завтра расскажет.

Молодого жениха заставила бы сия речь покраснеть, а пожилой Баш огорчился немного на своего друга и сказал:

— Ты шутишь не кстати, мой друг!

— Весьма кстати, — отвечал он, — как не радоваться, когда все идет по желанию.

Потом вошли в кибитку. Ужин таков же был, как и обед, ибо степные жители не знают переменных яств. После ужина постлала хозяйка гостям постели, пожелала сладкого сна, оставила их, а сама пошла в особую кибитку.

Вечер десятый

Два друга спали долго и не прежде проснулись, пока дойные кобылицы прибежали сами никем не гонимы к кибитке. С поспешностью встают, одеваются и видят уже хозяйку доящую кобылиц. Она, увидя их, спросила, хорошо ли спали?

— Весьма хорошо, — отвечали они и пошли к озеру, дабы омывшись отправить обыкновенную утреннюю молитву, а между тем дать хозяйке управиться. Потом они осматривали табуны ее, в конях видели они отменных коней, и

по приметам их узнавали Тулпаров*, а из сего и заключили они, что покойный муж Джюгры должен быть знаменитый батырь. Посмотря довольно, возвратились они в кибитку, нашли в ней хозяйку, прибирающую их постели и готовящуюся потчевать их кымызом.

— Садитесь, добрые мои гости, — сказала она, — и выпейте по чашке.

Баш, сделавшись посмелее, сказал Джюгре: «Я бы желал, чтобы ты меня гостем не называла». А шутливый Джилкибай примолвил к сему: «А вот! После повести своей, может быть, и не назовет». Хозяйка усмехнулась, слыша забавные слова свата, и дабы сказать подобную же шутку примолвила она: «Конечно, после повести моей и некоторого вам поручения, которое вы непременно исполнить должны, не буду уже Алаберду называть гостем». При слове «поручение» сват и жених потупили глаза в землю, а хозяйка поднесла им по чашке кымызу, села перед ними и начала свою повесть следующим:

— Да будет вам известно, добрые батыри, что кочевье отца моего, Кидрясом именуемого, отстоит отсюда на тридцать дней езды на добром коне. Места кочевьев родов наших занимают великое пространство, начиная от устья реки Уфы, впадающей в Ак-Идиль**, и вниз по оной по обоим берегам до устья ее Чолман-Идиль***. Не только берега реки сей занимают кочевья наши, но и на каждую оной сторону до пяти дней езды. В зимнее время живем мы в

* Башкирцы думают, что Тулпары есть выродки из коней. Им приписывают отменную резвость, проворство и силу, и что тулпар познав седока, одному ему и служит. Понимает его язык и исполняет все его приказания.

** Река Белая.

*** Река Кама.

дремучих лесах, а при вскрывшейся весне выходим на пространные степи рек Ак-Идиля и Чолман-Идиля, о которых вам упомянула. Оные так широки, что самый сильный батырь едва может перекинуть стрелу с одного берега на другой, в разлитии ж своем кажутся они морями. Быстрый ваш Яик⁵ и Сакмара⁶ в сравнении их ручейки. Отец мой кочевал по рекам — Кармасану⁷ и Чермасану⁸ и доходил в половину лета до озера именуемого Кандра⁹. Окружность его на день езды; и столь глубоко, что пять длинных арканов, связанных вместе, едва достают дно, но вода столь прозрачна, что брошенная кажбовная чешуйка* на дно видна бывает. Ветры редко воздымают волны на сем озере, ибо берега окружены высокими деревьями. Птиц водяных разного рода такое множество на нем бывает, что крик их заглушал нас, а рыбу можно без всякого искусства в оном ловить. Отец мой имел нас двух. Старшая сестра моя называлась Сулубика. Я не стану вам рассказывать о детских наших летах; но, пришедши в возраст, учились мы стрелять так же из луков, к чему я имела больше склонности, а сестра моя к рукоделию. Езда же на конях нам была свойственна, но я была смелее многих: на играх девичьих** являлась я и смелее, и проворнее многих моих подруг. Сестре моей было осьмнадцать лет, а я годом ее моложе. Стали свататься к нам женихи из соседних аулов. Сестра моя была выдана замуж, а я, не ведая почему, имела к замужеству отвращение и, чувствуя в себе силу и проворство,

* Кажбовная чешуйка величиною со старинную серебряную копейку.

** Башкирские девки делают между собою скачки и стаскиваются с лошадей, к чему пристают так же и молодые мужчины.

не чаяла найти по себе жениха, и наотрез сказала отцу моему, что тот мне будет муж, кто превзойдет меня в стрельянии из лука, в борьбе, и кто стащит на скаку с коня. Многие удальцы из молодых людей, желали изведать со мною их силу и искусство в стрельянии, но уезжали с неудачею. Таковые мужчинам приличные упражнения, отвлекли меня от женских работ. Я не помогала матери моей в доении кобылиц, ни в делании крута*, а иголку с веретенем и в руки не брала. С рассветом дня вставала я, опоясывала саблю и лук со стрелами, садилась на лучшего коня и пускалась в степь, объезжая стада отца моего, и защищала их от нападения лютых зверей, а сие и приохотило меня к звероловству. Мать моя часто меня журила, что я не свое дело делаю, отцу же моему напротив сие было приятно. Он, не имея сына, называл меня всегда своим батырем и потворствовал мне в моей страсти. Позволяя выбирать из резвых своих коней и подарил лучшее оружие, которое и теперь показать вам могу.

Она указала на колчан, оправленный в серебре и саблю, у коей рукоятка осыпана была бирюзами. Вставши, сняла оружие, лук был не натянут, она свободно наложила на него тетиву и отдал в руки первому Джилкибаю: «Отведайте, — сказала она ему, — туго ли сей лук?»

Он, взяв его в руки, хотел натянуть, но и на четверть не отделя тетиву объят стал стыдом. «Нет, — сказал он, — не по плечу мне сей лук.» Баш видя сие и попросив от Джюгры стрелу, хотел изведать тугость лука. Собрав все свои

* Род сыру, который башкирские женщины делают из коровьего молока, величиною поменьше нашей булки. и для прочности оный копят.

силы вытянул только до половины стрелу, и, стыдясь, возвратил хозяйке. Она, приметя их смущение; и дабы их ободрить сказала им: «Не оскорбляйтесь, мои избавители. Для натягивания лука сего надобна необыкновенная сила, но я в молодости своей вытягивала ее до копья». Потом, выбрав из других колчанов длинную стрелу, сказала: «Отведаю и теперь.» Потом, наложу стрелу на лук, с великою свободностью и без всякого напряжения не только вытянула до копья, но и перевела стрелу на другую сторону. Батыри от удивления вскричали : Ай мердес!* Потом хозяйка, положила лук в налучень, начала продолжать свою повесть.

Вечер одиннадцатый

— Я уже вам сказала, что отцу моему нравились батырские мои подвиги, а я, радуясь сему, оставила и женский наряд. Длинные свои волосы обертывала я кругом головы, а на голове носила шапку мужскую, так как и одежду, на джиинях же никогда не схватывалась со своими сестрами, презирая их слабость, а бывала всегда среди батырей и молодых людей. С силою и проворством моим принудила их бояться себя и почитать. В звероловстве была у них вожаком, и где более было опасности от хищных зверей, там видели меня впереди. В наших дремучих лесах много бывает медведей величины необыкновенной, с ними-то я всегда вступала в бой перед моими товарищами и всегда была победительницею. Но один случай, о котором расскажу вам,

*. Слово сие говорят башкирцы, когда чему удивляются, так как бы у русских в простонародии исполать.

и более меня прославил: в один вечер, когда сидела я с отцом моим и матерью перед кибиткою, прискакали к нам двое пастухов наших, сказывая, что множество медведей, и один из них белый непомерной величины, разогнали стада наши. Я вскочила как бешеная, схватилась за оружие, и хотела садиться на коня, но отец мой удержал меня сказав: «Любезная дочь! Хотя я надеюсь на твое мужество, но уже наступила ночь, и ты не можешь удачно поражать хищников стад наших. А наутрие ступай с богом». Я повиновалась; но коня своего не расседлывала и не давала ему есть во всю ночь, дабы легче было. Между тем, как мы разговаривали со отцом моим, сошлись к кибитке нашей много молодых людей, сотовариществующих мне в звероловстве; они тоже рассказывали и просили меня, чтобы я с ними ехала и примолвили, что без тебя удачи нам не будет. Я им сказала, что с ними еду и чтобы кони у них были готовы.

Восходящее солнце видело уже нас всех на конях. Я отличалась от моих товарищей одеждою, конем, убором конским и оружием. Сей-то лук, который я вам теперь показываю, был тогда на мне, а в правой руке твердое копьё. Пастухи, известившие отца моего о разогнании стад наших медведями, были нашими жоками. Мы ехали уж довольно дня, но ни одного медведя не видали, и приближались уже к дремучим лесам реки Биря¹⁰, как вдруг увидели бегущие из леса многие косяки кобыл, жеребцы же были позади, подняв хвосты, опрокинув гривы, и приложив уши оглядывались назад, как бы хотели защищать свои косяки. Я и дружина моя тотчас приметили, что они гонимы зверьми, бросились к ним навстречу, а они, как бы обрадуясь нашей помощи, с громким ржанием за-

бежали за нас. Тут увидели мы бегущее стадо медведей. Я закричала товарищам моим (коих было до двадцати), чтоб не стреляли из луков, а прежде напали бы на зверей с копьями, что они и учинили. Первый из моих товарищей Байджигит ударил копьём медведя, и так удачно, что поверг его мертво. Прочие сделали то же, но число медведей тем не умалилось. Я заметила, что у многих моих товарищей переломаны были копья, кричала им, чтобы стреляли из луков, что и сама сделала, ибо и мое копьё в третьем медведе переломилось. Уже половина колчанов стрел наших было выпущено, и медведи как бы уstraшенные начали убегать в лес, как вдруг увидели мы из леса гордо выступающего белого медведя, а за ним множество других черных, которые хотя были и велики, но ему были только по брюхо. Сие новое полчище зверей, предводительствуемое белым медведем, привело в страх моих товарищей, да и сама я ужаснулась. И как медведи шли к нам тихо, то и дали время мне ободриться. Я, схватя копьё у моего товарища, которое одно только и оставалось, сказала: «Друзья мои! Вы меня выбрали в вожака, то я вам и покажу первая путь, и прежде не начинайте, пока я чего не сделаю!» Со словом сим пустила я прямо своего коня на белого медведя, а он, видя меня к себе скачущею, стал на задние лапы, и хотел на меня броситься. Я ударила его копьём в самую грудь, но древка у самого копья переломилась. А он, как бы не чувствуя удара, ему нанесенного, кинулся прямо на меня и схватил коня моего за шею с такою силою, что оторвал прочь голову. Я, вскоча с упавшего коня и выхватя стрелу, пустила в зверя и всадила ему оную в бок по самые перья. Медведь, почувствовав удар, схватил зубами за перья и, хотя выта-

щитить их, отгрыз стрелу. А я пользуясь сим временем поразила его другою, не менее опасною, как и первую. Зверь, пришед в ярость, кидается на меня, а я имея уже саблю в руках нашошу ему сильный удар по морде. Он однако ж схватывает меня лапою за левое плечо и силится меня давить. В таком уже положении не могла я действовать моею саблею, и выхватя кинжал из-за пояса, вонзила его по самую рукоятку зверю в сердце. Он произнес страшный рев, зашатался, стал валиться на меня, и если бы я не успела от него отскочить, то задавил бы меня тягостью своею. Я, схватя брошенную саблю, ударила его еще два раза по голове, он вторично заревел и испустил дух. Прочие ж звери, как бы лишившись своего предводителя, с великим ревом побежали в лес, товарищи же мои видя меня, счастливо окончившую битву, с радостью кинулись меня поздравлять и все единогласно назвали меня батырь-кыз (т. е. богатырь-девка). И сие название имела я от всех аулов до самого замужества. Я советовала товарищам моим остановиться ночевать в сем месте. А дабы успокоить отцов наших и уведомить об успехе нашем, послала я двоих пастухов, нас провожающих, к отцу моему, дабы прислал ко мне другого коня. А между тем некоторые из наших товарищей раскладывали огонь, ибо уже осень была, а другие снимали с медведей кожи. Я хотела снимать с белого, но они меня до того не допустили, а снявши сами, поднесли ко мне, сказав, что хотя они не дрались со зверем, да и не посмели бы с ним драться, но и то вменяют себе в славу, что сняли с него кожу. Признаюсь вам, любезные мои родственники! Что я по такой удаче, а паче по молодости, гордилась моею победою. По снятии кож со зверей, стреножа коней своих, легли

мы при раскладенном огне отдыхать и спали как убитые до самого рассвета.

Вечер двенадцатый

Солнце уже вышло из-за тенистых бирских лесов, и сделало треть дневного течения своего, как посланные от меня к отцу моему пастухи возвратились и привели ко мне коня. Я, оседлав его, а товарищи мои были совсем готовы, сели на коней, взяв с собою шкуры медвежьи, а белым медведем покрыт был мой конь по приговору моих товарищей, не жалея коней спешили мы к кочевью своему. И подъезжая к оному увидела я отца моего с народом нас встречающего. Я, ско-ча с коня, бросилась к нему, а он, прижимая меня к себе, называл любезным батырь-кызом, равно как и всякий отец радовался возвращению своего сына невредима. Товарищи мои спешили в свои кибитки обрадовать матерей своих, а я шла с отцом моим и по приходе обнявши мать, которая также несказанно была обрадована. Я должна была им обоим рассказать нашу звериную битву и поражение белого медведя. Они велели внести кожу в свою кибитку, и меряли ее ступенями, коих сочли в ней шестнадцать. Наутрие был сделан в нашем ауле джиин. Отец мой, как из всех богатейших, велел поймать для угощения шесть кобылиц, а отцы моих товарищей каждый привел по две. О празднестве сем, по уведомлению посланных еще за конем пастухов, извещены были и ближние аулы, и народу собралось великое множество. Когда уже приготовлялись к резанию кобыл, в то время выбрав я из косяков отца моего лучшую белую кобылицу, приведя пред аксакалов, сказала, что

я в знак победы моей над белым медведем хочу старейшинов угостить лучшею моею кобылицею.

— Ай, батырь-кыз, батырь-кыз, — вскричали все, — ты превосходишь мужеством и силою всех сыновей наших.

Я не буду вам, дорогие мои посетители, описывать джиина, который продолжался три дня, котлы с мясом не сходили с огня. Сабы* с кымызом опоражнивались, скачка, борьба и стрельяние из луков отправлялись по обычаям нашим, и во все сие время я заглушена была похвалами. А потом и из дальних аулов приезжали, чтобы только меня видеть и слышать о подвигах моих.

Недели и месяцы проходили, и я не переставала от моего упражнения. Женихи уже больше ко мне не сватались, боясь испытать силы свои со мною. Признаюсь вам, друзья мои, что я иногда начинала скучать мою жизнь, и приходило мне на ум, какой будет конец оной. Пока еще молода, думала я, могу упражняться в звероловстве, а когда состарюсь, должна быть в обществе с старухами, чего я наперед ужасалась. Иногда намеревалась просить отца моего, чтоб выдал меня замуж. Но гордость выйти за менее меня сильного, опровергала сие мое намерение. В таком размышлении протекло много времени, и мне наступал уже двадцатый год. Я казалась скучною. Редко выезжала на звероловство, и отец мой, любя меня, начал сие примечать; старался много раз выпрашивать, но никогда от меня правды не выведал, как вдруг разнесшийся слух о некотором прорицателе по всем нашим

* Большой сосуд, шитый из двух-трех, а у богатых и из четырех кож дыmlенных. В него вливают пресное кобылье молоко, и в нем заквашивается, которое через ночь и делается кымызом.

аулам, возбудил во мне новую смелость и заставил вдаться в великую опасность.

В один день, когда я сидела между собравшимися к отцу моему несколькими старейшинами, была о сем речь. Всякий говорил о прорицателе, что слышал. Иной называл Авлием, иной Пярием. Другой говорил, что это был Мискяй*, четвертый говорил, что был Курезя**, и о жилище его не знали наверно. Одни говорили, что он на хребте уральском, у подошвы горы Иремели¹¹, другие при устье Ак-Идиля, одним словом никто верно не знал, и только что раздражали мое любопытство. По нескольких днях случилось мне выехать осматривать табуны свои, но занимаясь разными мыслями о прорицателе заехала я далее, нежели где табуны наши были, и, поднимаясь на гору, увидела я едущего всадника. Желая знать, кто он и откуда, понудила я коня своего, дабы подъехать к нему поскорее, а он, увидя меня к себе скачущую, остановился, и когда я была близко его, то приветствовала салямом, он мне подобно же отвечал. И как я увидела, что он был мусульманин, хотя одежда его и не являла ему быть из родов наших, спросила его, кто он и откуда? «Я из великого царства болгарского, — сказал он, — путешествую по всем странам, дабы видеть народы и узнать их обычай, а притом и все, что есть любопытное замечать, чтобы приехав назад, рассказать царю болгарскому, ибо я из его ближних».¹²

— Давно ли ты оттуда и каким путем ехал? — спросила я его.

— Ехал я, — отвечал он мне, — вверх по Чолман-Идилю до устья Ак-Идиля и проехал я великие леса и горы.

* Чародей

** Ворожея

— Не случилось ли с тобою каких препятствий или опасных приключений?

— Нет, мне никто в моем пути не препятствовал, а наводило мне страх вой зверей, треск в лесах и неведомый мне какой-то голос в ущельях гор при устье Ак-Идиля.

— Да что ж такое это было? И как ты о сем рассуждаешь?

— Рассуждаю я о сем по словам жителей, дни на два езды от сих мест живущих, что с некоторого времени появился тут прорицатель, который желающему вопрошать его о чем бы то ни было, сказывал как прошедшее, настоящее так и будущее.

— Не имел ли ты любопытства ехать к нему и спросить его?

— Нет, я не находил в себе столько смелости, чтоб с ним познакомиться, — сказал он, усмехнувшись.

— Да не знаешь ли ты кого, друг мой, кто бы у него был?

— Я видел одного молодого человека, который мне рассказывал, что он был у прорицателя в пещере, и что он сказал ему о будущей судьбе его.

— Далеко ли отсюда сия пещера?

— Я не был близь ее, но от того места, где слышал голос, еду я пятнадцать дней, как ты видишь, на добром коне.

— Едучи туда, каких мест должно держаться?

— Нагорного берега Ак-Идиля до самого устья, тут будет слышан голос.

— Довольно сего, прощай, — сказала ему, — я не мешаю тебе ехать.

Болгарец так же пожелал мне доброго пути, и мы после сего с ним расстались. Я остано-

лась. И долго была в недоумении, тот ли час мне ехать искать прорицателя, или ехать к родителю и просить от него на то позволение. Последнее казалось мне невозможным, ибо отец и мать моя, любя меня, никогда б на сие не согласились и сие бы мое предприятие сочли сумасбродным. И так по долгом размышлении решилась я ехать домой дабы выбрать самого резвого и сильного коня, взяв лучшее оружие и снабдя себя на несколько дней путевым припасом, ехать уже в путь, не сказав о точном намерении моем отцу моему. Возвратилась я домой гораздо веселее, чем и утешился отец мой. Я же, дабы более его обрадовать, рассказывала ему слышанное от проезжающих, что за день отсюда езды, видели стадо белых оленей, которых в здешних странах еще не бывало, то и просила его меня отпустить дня на два или на три.

— С богом,— отвечал он мне,— только выбери себе понадежнее коня и возьми на сие время в запас несколько крутин.

Весьма я радовалась, что и отец мой, не зная моего намерения, споспешествовал оному.

Вечер тринадцатый

На другой день я была совсем готова. Простилась с моими родителями, пустилась в путь к Ак-Идилю. Никакая предыдущая опасность встречи меня не ужасала, но жалела очень о отце моем, который не дождавшись меня в назначенное время, будет терзаться грустью. Но желание увидеть и спросить прорицателя, заглушило на время сию детскую любовь, на другой день я была уже на берегу Ак-Идила. Надобно было переправиться на другую сторону и, к счастью

моему, нашла удобное к тому место. С обоих берегов реки были пески, и как сие было среди лета, в которое время воды в больших наших реках упадают и плыть мне не более было полутора саженей, для чего привязав оружие мое к себе на спину, пустилась на коне моем, который привычен был к плаванию, перенес меня весьма легко. Обсудив платье мое, искала я места где б взехать на крутой берег нагорной стороны. Наконец-то нашла тропинку, хотя и весьма узкую, которая взвела меня на берег и привела в ущелье гор, и сими ущельями взобралась я к вечеру на поверхность оных, и тропинка, которою ехала, казалась мне уже шире. Не ведаю почему, почла я ее тою самою, по которой ехал болгарец, а после наиболее в том уверилась, ибо взезжая на высокие горы увидела я всегда у себя в левой руке Ак-Идиль. Уже десятый день я была в пути, не встречая никаких препятствий, запас мой весь изшел, но я, стреляя птиц, имела всегда довольную пищу, а для коня моего, привыкшего пастись, была пажить под ногами. По рассказам болгарца надобно мне было ехать еще пять дней и так я ехала весьма спокойно, как внезапно увидела пред собою человека в раздранном рубище, ростом он был немного побольше обыкновенного, лицо имел смуглое. Голова обвита длинным замаранным повивалом, ноги босые и перевиты ремнями. В левой руке держал он длинный посох, а в правой плеть о многих концах. «Здравствуй, смелая мусульманка», — сказал он мне. Удивясь странной сей встрече, а паче, что он узнал мой пол, насилу могла отвечать на его приветствие и спросила потом его, почему он знает, что я не мужчина?

— О! Я весьма знаю тебя, батырь-кыз, и

ведаю куда ты едешь, и зачем. Но если я не дам тебе сей плети, то ты не доедешь, а, может быть, и погибнешь.

— На что мне она, и что я буду ею делать?

— Поражать чудовищ, которые с тобою встретятся.

— На то есть у меня оружие, ты видишь его.

— О! Твое оружие есть тростник против камня. Ты, молодая девка, не знаешь доброты моей плети, я ее тотчас тебе покажу.

Потом, отойдя от меня на некоторое расстояние, кричал мне: «Скачи прямо ко мне, и направь копые в мою грудь, не жалея меня ударить». Я удивилась его речам и почла его сумасшедшим. «Что ж ты не скачешь? — кричал он мне, — или ты думаешь, что я белый медведь, которого так легко поразила. Стуцай скорее или ты не будешь иметь плети и не доедешь до прорицателя».

После сих его слов бросилась я на коне, направляя копые прямо в его грудь, а он поднял плеть кверху. Полагаясь на силу мою я думала пробить его насквозь, как в миг упала я и с конем на землю, не почувствуя никакого удара, а старик, засмеявшись спросил меня: «Что, храбрая девка? Где твоё копые, и мужество, и сила коня твоего?» Я встала ничем невредима, а равно и конь мой вскочил, и от великого стыда и удивления молчала.

— Что ж ты молчишь и ничего мне не отвечаешь?

— Что отвечать мне, я вижу, что чрезвычайная сила меня повергла.

— Сего бы не было, если б ты поверила первым моим словам. Я отдал бы тебе плеть и научил, как достигнуть твоего намерения.

Я оставила мою гордость и просила с унижением, чтоб он мне в том помог.

— Ну так слушай же, мусульманка, я тебе не скажу, кто я и откуда, а знай только, как и когда употреблять сию плеть. Бичь сей сделан на прогнание всех очарований, никакое злое волшебство, даже и самая нечистая сила против него устоять не могут. Он кажется всему демонскому полчищу пламенным мечом, и махнувши им прогонишь целый ад.

Тогда подал он мне плеть, сказав: «Я даю тебе плеть на прогнание всех препятствующих тебе чудовищ к пещере прорицателя. Опасайся, девка, употребить против них свое тленное оружие. Сии бесплотные чудовища не почувствуют оною, и ты погибнешь. Махни только плетью, и они исчезнут. Подъехавши к пещере, спрячь ее за пазуху, ибо если конец ее увидит прорицатель, то и он пропадет, и любопытство твое не удовлетворено будет. Говори с ним смело и спрашивай, что хочешь, он на все тебе отвечать будет. Возвращайся назад по сей же тропинке, ты найдешь меня на сем же месте и возврати мне мою плеть».

— Позволь мне спросить еще, почтенный муж! Далеко ли до пустыни прорицателя?

— На третий день от сего ты там будешь.

Вечер четырнадцатый

Выговоря сие, пошел он с поспешностью в лес, а я поехала по предлежащему мне пути. Дорогою рассматривала я плеть, не находила в ней отменной работы, ничем не была оправлена, сверху от столбца разделена была на двенадцать хвостцов. Если бы я не видела действия оной,

то почла бы я ее сделанную для наказания малых детей. Потом спрятала ее за пазуху и продолжала мой путь в тот день без всякого препятствия, даже и другой до полудня. Леса становились дремучее, а горы утесистее между коими тропинка меня вела, и я начала слышать завывание голоса. Прежде думала я, что сие делается от моего воображения, ибо голова моя наполнена была предыдущими чудесами, вдруг вместо узкой стези явилась предо мной широкая дорога, по коей шли встречу ко мне с воем и рыканием род известных зверей. Наперед были волки, а позади медведи, передние выли, а задние ревели. Едва я не забыла наставления полунагова моего старика и уже готова была вынимать лук и стрелы, как вдруг вспомнила о плети, выхватя ее из-за пазухи, махнула ею на обе стороны, в какое пришла изумление, что зверей не стало, а из широкой дороги сделалась как и прежде узкая тропина. «О! Добрый старик, — вскричала я, спрятав мою плеть. — Ты прав, а я виновата, что тебе не верила». Хотя звери и исчезли, и действие плети меня успокоило, но воющий голос казался мне громче, и увидела я другое явление. Тропинка привела меня на просторный луг, на нем-то я увидела зверей мне неизвестных, о коих только слышала, что живут в местах палимых солнцем. Иные были пестрые, иные полосатые, иные имели перед волосистый, а зад голый и множество других, о коих не упомяну. Чего не видишь того и боишься, добрые мои гости! Признаться вам, я содрогнулась, но вспомня о плети махнула ею два раза и все миновалось, а из луга сделалась опять тропинка. Сей день как пути моего последний был к пещере прорицателя, то и чары свои употребил почти на каждом шагу, чтобы меня утрашить. Сверх голоса,

который непрестанно выл, слышала я рычание зверей, треск леса, и величайшие сосны, при пути моем стоящие, казалось валились на меня и хотели подавить, но я маханием чудесной плети очищала путь. Мало сего, что чародей вооружил на меня существо на земле, захотел устрашить меня явлением воздушным. Внезапно небо почернело. И так темно стало, как ночь, и я не могла видеть дороги. Не знала, что делать! Не полагала я, что чародей, так же мог действовать в воздухе, как и на земле. Ударил сильный гром, молния блистала по всему небу и с превеликим треском падали около меня, от чего весь лес загорелся, и я, казалось, объята была пламенем. Страшный голос кричал мне: «Возвратись, несчастная мусульманка, ты погибнешь». И подлинно я была в великом страхе и отчаялась употребить ли мне мою плеть. Горевшие деревья и искры от них падали на меня, я начинала уже от них уклоняться, как захотела напоследок изведать плеть, и от страха зажмуря глаза выхватила ее и стала махать около себя, и, может быть, махнула несколько раз лишних против наставлений доброго старика. Гром перестал, треск утих, и я, отворя глаза, увидела опять себя на стезе моей, и лес казался мне более зеленеющим, только голос всегда продолжался. Путь мне оставался уже недалек и я ехала спокойно. Тропинка моя привела меня ко глубокой стремнине, в которую надобно было спуститься очень круто. Я смотрела в стороны не было ли места где отложее, как вдруг из стремнины выскочило ко мне крылатое чудовище. Голова у него была звериная, имело две передние лапы, а другая половина тела была змеиная, и покрыта чешуею. Он поднялся на воздух и с яростью хотел ринуться на меня, но при явлении чудесной мо-

ей плети, лопнул он над головою моею и исчез, и сие было последнее страшилище, которым чародей хотел меня в пути утратить и к великой радости моей, стремнины не стало, а вместо него явился луг, покрытый мягкой травой и ручей по нему протекающий. Сие прекрасное место как будто было приготовлено для моего отдохновения. И как я весьма обнадежена была удивительно моею плетью, то слезши с коня пустила его пастись, а сама легла спокойно спать.

Вечер пятнадцатый

— Поутру встала я рано и видела коня моего близ меня пасущегося. Омылась в ручье и прочтя обыкновенные молитвы поехала к пещере прорицателя. Голос час от часу становился слышнее, и сие было признаком, что она была не в отдаленности. Я уже не лесом ехала, но испещренною цветами долиной, которая казалось примыкала к величайшему каменному утесу. По мере моего приближения усмотрела я, что из-под подошвы горы выходит черный дым, а иногда и пламя выбрасывалось. И как я не видела другого пути к сему утесу, то и намерена была прибегнуть к моей плети, считая сие за чары волшебника. Чем ближе я подъезжала, тем пламя более являлось, так что закрывало весь утес. Подъехав в такое расстояние, чтобы оно меня не опалило, увидела, что тропинка, по которой я всегда ехала, идет прямо в пламя, и что тут конец моего пути. «О! — закричала я громко, — ты, видно, хочешь последним чудом меня употчевать?» И при этом слове махнула плетью. Пламя исчезло, и я увидела между собою и утесом ров на склок лошадиной, который бы без сомне-

ния конь мой и перескочить мог, если бы на другой стороне рва была площадь, но ров был у самого устья, он был так гладок, и на превеликое пространство в длину и вышину, что никак взлезть было нельзя. И казался из одного камня. Цветом он был черный с кровавого цвета по нем жилами. И никакого отверстия на нем приметно не было. Я стала в превеликом недоумении, как и куда ехать! И пришло мне на мысль, что это опять чары волхва, который хочет загородить мне к себе путь как вдруг услышала голос:

— Стой! Чего ты от меня хочешь, скажи?

— Я хочу видеть прорицателя и с ним говорить.

— Не употребишь ли ты против него, пагубного своего бича? — отвечал голос, — нет, — поклянись?

— Клянусь.

И только что я произнесла клятву, как каменная стена потряслась, и сделалось предо мною отверстие, из которого пошел дым, а потом пламя; но сие недолго продолжалось. Я увидела голову и плечи весьма престарелого человека. Лицо у него было тощее, брада редкая и седая, на голове высокая шапка, вместо повивала, обвита была шипящими змеями. Такой страшный вид заставил меня содрогнуться. Он, увидя меня, спросил:

— Чего ты желаешь от меня, дерзновенная мусульманка? Которую никакие опасности не могли удержать достичь до моего жилища.

— Кто идет с добрым намерением, тот опасности не знает.

— Я знаю твое намерение, оно мне не опасно, но встретившийся с тобою гонитель мой дал тебе пагубный для меня бичь.

— Я знаю, когда его употребить, — отвечала я, — и если ты не станешь отвечать на мои вопросы, то бойся меня.

— Чего ж ты желаешь, чтобы я тебе сказал? Вопросай.

Тогда слезла я с коня, дала ему пастись, а сама подойдя к краю рва села, и посидя несколько, начала ему делать следующие вопросы:

— Кто ты? Откуда? И зачем пришел в сие место?

— Я из числа тех Мудрецов, — отвечал он мне, — которые некогда знанием своим наполнили всю вселенную, но я превзошел моих товарищей в искусстве чародейства, чем и продлил жизнь мою далее до сих времен. Я видел две тысячи раз Солнце проходящее через двенадцать своих зодиаков. Сие слово тебе непонятно, добрая мусульманка? Ваш счастливый лесной народ* живет еще в простоте и невинности, до которого не достигла еще пагубное просвещение наук. Проще тебе скажу, что я прожил без малого сто шестьдесят семь ваших Мусалей¹³ во все сие время углублялся я в изучение чародейства и достиг до такой степени, что мог повелевать небом и землею и всем сущим в них, как ты и сама видела. Но пагубное желание сравняться с тем, кто сотворил вас терзает мою долговременную жизнь и приготовляет мне мучение, коему конца не будет в продолжении оной. Посредством моего чарования возводил и низлагал народы; строил града и населял оные, обогащал их и приводил в нищету — во всем том есть сила,

* В старину башкирцы, хотя и одноплеменные, разделялись на два народа. Живущие на севере от пояса Уральских гор назывались лесным, а на полдень — степным народом.

меня превозмогающая, которой противиться не смею.

В сии хладные страны пришел я из Индостана, из земли самой жаркой, где не известны стужи и морозы. Жил я в превеликом граде, наука моя привлекла ко мне многих учеников, но я ни одному из них не хотел открыть всего того, что я знаю, и они отходили от меня получеными или, лучше сказать, невеждами. Потом вздумалось мне переменить мое жилье. Я поднялся на воздух посредством повинующихся мне духов, и велел себя нести на полночь. Обозревая пространство земли, увидел я в здешних местах большие реки, из коих Идиль¹⁴ мне показалась удобнейшею из трех, великие по ней леса и пустыни и малое число почти дикого народа¹⁵. Я избрал место на берегах Идиля. Посредством волхвования моего привел народ из отдаленнейших мест, построил великий город и называл его моим именем Брахим¹⁶. Поставив в нем властелина над народом, избрав воинов, что вы называете батырями, но ваши батыри нападают на зверей, стада ваши поедающих, а мои воины изучались убивать себе подобных, желающих разрушить град мною построенный. Других заставил купечествовать, сие значит, посылать людей сухим путем и водою, дабы привозили разные богатые ткани на одежды и изделия чужих земель в свою. Сего злоупотребления вы, добрый лесной народ, еще не знаете. Простая ваша одежда довольно вас украшает, и не видя богатых наших одежд, думаете, что и целый свет одет подобно. Но будет время, в которое и вы заразитесь такими же желаниями, о чем (если хочешь) после разьясню, ибо я оное ясно предвижу. А теперь скажу на вопрос твой, зачем сюда я пришел, и обращаюсь к моей повести: «Город мой изобилен

был всем, народы, близ его живущие, сделались его данниками, а кои не хотели платить дани, властелин, или как вы называете Баш, поставленный мною, ходил на них во многолюдстве; противящихся побивал, а остальных покорял и не находил себе противника, ибо волхвование мое служило ему всегда помощью. Долгое время стоял град мой невредим, но я, к несчастию моему, предвидел разрушение его. Какие не употреблял я чары, и все, что было возможно в моей науке, препятствовал я сему печальному для меня событию. Туча белых воинов, из отдаленных полных стран, предводительствуемая белым бием¹⁷, шествующим под непобедимым знаменем, со изображением, прогоняющим всякое волхвование, готово было напасть на град и страну мою. Я высылал против их моих воинов, огражденных моим чарованием, возмущал воздух, воды и землю, вызывал из преисподней всех чудовищ, навстречу врагу моему, но все падало и исчезло, при воззрении на изображенного на знамени. О! Дочь моя, берегись вопрошать меня о сем изображении, ты и я погибнем.

Я ужаснулась от сих слов и просила, чтобы продолжал повесть.

— Войска наши бежали назад, и привидения мои, как выше сказал, исчезали. Властелин с народом прибег ко мне и просил моей помощи. Я обнадежил его и велел утвердиться в граде, который был обнесен каменною стеною. Советовал, чтобы воины стерегли и днем и ночью приближение врагов и уверял их о победе. А сам помышлял, как бы удалиться из града тайно, и не дать народу узнать мое бессилие. Что и сделал в следующую ночь. Велел духам отнести себя в некоторое отдаленное и возвышенное место, дабы видеть несчастный конец любимо-

му граду и, если возможно, то и подать помощь моим волхвованием.

Вечер шестнадцатый

— С рассветом сего несчастного дня я видел приближающееся белое войско и остановившееся стройно близь града, в коем видел я народ, бегающий во страхе. Но Оркан, властелин мною поставленный (коего имя теперь только упомяну), является без страха, удваивает стражу по стенам, избирает лучших воинов как пеших, так и всадников, повелевает отворить ворота и исходит на отражение врагов своих. Я хотя и знал погибель его, но вложил в него мужество и силу, дабы не пал без отмщения. Выводит он войнство и учреждает его, пеших, вооруженных длинными копьями и широкими щитами ставит в середине. Конников же устраивает по крылам. Сам с избранными всадниками, вооруженными метательными копьями и саблями идет вперед. Но белые воины были уже готовы к обороне. Ужаснулся я, увидя щиты их, блистающие как солнце. О кои ударяя мечами своими, производили звук, подобный грому: а появившееся знамя среди их полчища прогнало все мои чары сопутствующие Оркану, и оставили в нем только природное мужество и силу. Уже войска сошлись на расстояние метания стрелы, стрелы полетели как град с обеих сторон, но дерзновенный Оркан, не желая сражаться издали, с окружающими своими ударил на передовую дружину белых воинов. Рука его поразила первого с ним встретившегося, и в ярости кидается в середину дружины. Все низвергает, что ему противиться хочет. Войско его, увидя

успехи начальника, с яростью бросилось на белых воинов, и казалось, что их опрокинет. Но сии стояли как твердая стена, защищаясь щитами и поражая мечами. Оркан же, в ярости прогоняя дружину, мечется в ряды противных воинов. И делает из них великую сечу. А сопутствующие ему воины, не уступают в храбрости. Левое крыло белых воинов не только начало уступать, но и побежало, гонимо Орканом. Но правое, предводительствуемо воином, одетым в серебряные доспехи, и с золотым на голове шлемом, столь жестоко ударило на левое наше крыло, что с первого раза сбило с места, расстроило ряды, и гнало, как овец, ко граду. Я ужаснулся увидя, что от руки всадника в серебряных латах летали головы с воинов моих, иных разрубал надвое, иных опровергал и с конем. Одним словом, половину войска, вышедшего из града, побил и вогнал во оной.

Оркан, в ярости не ведая, что большая половина войска погибла, гонялся за бегущими, но, получа вестника, что город в опасности, возвращается, скрежеща зубами, и не щадит встречающихся, ни своих, ни противных воинов, подавляя тела убитых конем своим. Приближаясь ко граду, видит белых воинов стремящихся на стены, а своих уже не находит. Тогда в бешенстве, один кидается на целое полчище, но видит навстречу к себе скачущего белого князя. Сей-то был тот воин, о котором я тебе уже сказал. Копья их друг на друга направленные преломляются от жестокости ударов о доспехи их, но всадники пребыли на конях нимало не пошатнувшись. Тогда мечи возблистали в руках их. Оркан, как разъяренный тигр, не щадит себя и в ярости своей ищет только наносить смертельные удары. Но белый князь больше защищается

нежели поражает и как бы желал прежде утомить врага своего, нежели поразить. Противник его, приметя сие, бросил щит и, схватя меч в обе руки, с великою силою ударяет в шлем белого бия. Но сей успел подставить свой щит, который от сильного удара Орканова раздробился в мелкие части, а меч тягостью своею упал на шлем биев. И удар был еще столько силен, что почувствовал его белый воин. А лишась своего щита сам пришел в ярость и не стал щадить Оркана. Тут виден был между ими страшный бой, и воинство, как победители, так и побежденные, оставя сражение, смотрели на них. Если доспехи белого князя были крепки, то и Оркановы были не хуже, ибо сделаны из самой чистой и крепкой стали, а шлем на голове в подобие крылатого змея. Оружие сие я сам делал, употребляя к тому волшебство мое, но меч белого князя разрубил его во многих местах. Оркан же не слабее поражал сопротивника, и видна уже была кровь текущая по серебряным латам. Тогда-то расвирипел белый князь, и с великою силою ударяет Оркана по шлему. Очарованный шлем разрублен надвое, и Оркан без чувств падает с коня, в белом войске было слышно радостное восклицание, а во градском виден был страх и ужас. Белые воины окружают лежащего Оркана, но князь их, скочив с коня, мечом их отдаляет и подошед к нему голосом громким говорит: «Ты побежден, храбрый Оркан, и град твой уже в моей власти, я почитаю твою храбрость, будь мне другом и союзником и прими веру мою». При сих последних словах Оркан вскакивает как бешеный и, не имея в руках меча, выхватывает из-за пояса кинжал, крича в ярости: «Прими лучше ты мою!» — и ударил им в промежность лат белого князя. Невидимая рука ослабила смертоносный удар. Но

князь оный почувствовал и, отскочив несколько назад, кидается на Оркана и единым ударом рубает непокровенную голову его. Оркан упал, и вся моя надежда исчезла. Начальники белых войск окружили своего князя и, видя его израненного во многих местах, хотели ему помогать, но он, указав мечем на град, сказал: «Обладайте прежде градом, а мои раны не опасны, потом призвав к себе единого от старейшин своих, повелел ему: «Сопротивляющихся вам убивайте, а щадите жен и чад.» Потом двинулись поспешно войска к граду. И как врата оного отверсты были для бегущих от страха воинов, то победители с побежденными вместе в оной вошли. Я же употребил последнее мое отмщение. И вдохнул ярость в граждан, дабы с остервенением не только мужи, но и жены защищались, что они и сделали, и много погибло победителей, желающих щадить граждан. Князь же, пребывая за градом и увидав о сем, дал волю воинам не только грабить и убивать, но и весь град зажечь.

Вечер семнадцатый

Вдруг показался дым в разных местах града, раздраженные воины, отмщая кровь братий своих, не щадили ни возраста, ни лет, ни пола, и все предавали огню и мечу. Вой и плач доходил до ушей моих. Я от злости скрежетал зубами и клялся всем адом отомстить белым князьям и всему их народу. Потом удалился я от града и прибыл в сии места. Здесь совещаю я с подвластными мне духами пагубу белому народу. Рассылаю их во все страны, дабы возбудили желание в разных племенах придти поселиться на берегах Идиля, и создавши грады и твердыни, наносить ужас в страны, мне противные.

Есть высокая гора, в некотором отдалении от Идиля, на левом одного берегу, на коей вскоре воздвигнут пришедшие народы из дальних стран обширный и крепкий град¹⁸. Покорят соседние себе народы Уар¹⁹, мокшу²⁰ и черемис²¹, по берегам трех рек живущих. Сделают их своими данниками, и не только сих, но и ваш лесной народ подвергнется их власти, быв единого с ними толку Магометова, а усилясь нанесут великий вред белому народу и несколько лет дани с них получать будут. А я, видя распространившуюся власть их, в образе старца явлюсь среди града в виде Авлии, они примут и почтут меня, а я буду давать им советы на истребление белых князей и враждебной нам их веры. Но настанет время, время для меня горестное и последнее! Конец моим волхвованиям, так как и жизни моей.

Произойдет из племени белых князей сильный и храбрый муж, коего признают себе главою и нарекут падшою. Сей в юности еще начнет владеть обширную свою страну, соединит всех белых князей воедино, свергнет с себя иго мусульманов, многократно побеждать будет силы наши, два раза возьмет град, но не разорит его, наложит только дани. Я, питая всегда ненависть к народу белому, к сильному их падше, а паче к вере их, воздвигну смятение в граде, дабы свергнуть иго белого властелина. Народ меня послушается, изгоняет хана, поставленного белым падшею, возведут на место его другого и объявят вражду белому царству. И как я уже сказал, что белый падша два раза победит и два раза простит мятежников, но в третий нам как взбунтовавшимся придет он с великою силою, несмотря на все усилия наши, опровергнет стены града, и я, стоя на бойнице со всеми моими очарованиями, подавлен буду упавшею на меня стеною.

Выговоря сие, прорицатель замолк и, потупя глаза, пребыл надолго в размышлении, но я, желая знать о судьбе моей и имея еще несколько вопросов ему сделать, прервала его молчание, сказав ему: «Предречение твое меня удивляет, а о разорении града твоего Брахима я слышала от стариков наших, но не так подробно, как ты мне возвестил. Теперь прошу тебя сказать мне о собственной моей судьбе, что со мною будет?» Он, как бы от глубокого сна пробудившись, смутными глазами взглянув на меня сказал:

— Батырь-кыз! По приличию тебе дано сие имя, ибо ни единого из мужей лесного вашего народа нет тебе равного ни в силе, ни в храбрости, ни в проворстве. Да не только нет, но и никогда не будет. Хотя теперь соотчичи твои, пребывая в спокойствии, добры нравами, меж собою не враждуют, единое их дело пасти стада, разводить пчел и ездить на звероловство. Но если бы ты могла прожить двадцать Муссалей, то бы не узнала своих единоплеменных, не только по житью их, ниже по одежде. Стада их умалются, звероловство оставят, вместо тугих костяных их луков будут загнуты из тонкого леса, наподобие коромысла, на чем старухи ваши носят воду; вместо тетив, из крепких конских жил сделанных, натянут они свои коромысла свитою из мочал, а стрелы их будут в подобие веретен; а что всего хуже, то и нравы их развратятся.

— От чего же это? — вскричала я в горести, которую начала уже чувствовать при начале его слова.

— Народы, о коих я тебе упомянул — уары, мокши и черемисы, избегая власти белого князя, великими толпами будут приходить к вам. Вы по доброте вашей, сжалясь над нищетою их,

примете к себе в сожитие. Они, не привыкши же в подвижных ваших кошах, начнут себе строить жилища из дерева, станут снимать дерн с земли вашей от начала света еще не тронутый, посеют семена и будут ими питаться, чему и вас переучат. Вы, отстав от прежнего вашего хозяйства, сие новое худо поймете и будете в нищете. А они, видя вас расслабленных и не знающих, за что приняться, будут заводить между вами ссоры, и от того восстанете вы род на род, но не батырством или войною, а просьбою к поставленной над вами власти*, которая отнимет от вас ваши земли и отдаст пришельцам, а вам оставит столько, что едва пропитаться можно. Но сего ты не дождешься, как я и прежде упомянул, тем менее отец твой и все ныне живущие. А чтобы тебя обрадовать в твоей жизни, то предвещаю тебе, что ты будешь иметь мужем батыря из степного вашего народа, по ту сторону уральских гор живущего, почти равного тебе летами, равного мужеством, силы и проворства с тобою. Ты его полюбишь, оставишь дом отца своего...²²

...— Мне быть не за что, ибо я тебя первый раз вижу, и ты меня не обидел. И для того приемлю твой салям, и тебя подобным приветствую.

Он смотрел на меня со вниманием, равно и на коня моего, а потом сказал:

— Батырь! Надобно, чтобы ты сделал дальний путь, что конь твой подорвался?

Я без всякого размышления сказала ему, не привыкши притворяться и лгать, что уже близко месяца, как выехала из дома.

— Близко месяца! — сказал он и смотрел мне прямо в глаза. — Не из Кидрясова ли ты аула?

* Что мы с тобою называем Астенда-минь-кымнин.

При имени отца моего, я почувствовала, что вся покраснела, потушила глаза и терзалась совестью, что без позволения его уехала. Но как я молчать долго не могла, то прерывающимся и робким голосом спросила его, почему он знает Кидряса.

— Я тебе расскажу, почему я его знаю, — отвечал он мне, — а между тем слезем с коней, я тебя попотчиваю Кидрясовым кымызом, которого налила мне жена его на дорогу.

Признаюсь вам, добрые мои гости, что я в такой была робости от слов сего батыря, какой сражаясь с свирепыми медведями никогда не чувствовала. Слезаю с коня, треножу его, стою и ожидаю, что он велит. Он так же слез с коня и, вывязав турсук и чашку, сказал мне: «Сядем батырь! Ты давно не пивал кымызу, а особливо того, который жена Кидрясова делала. Ах, добрая мать, отдавая мне турсук, проливала слезы».

Сие слово, как стрела, мне сердце пронзила. Он подал мне чашку кымыза, я припивши отдала ему назад и, отвернувшись, стала утирать слезы, не давая однако же сего ему приметить. Но от быстроты глаз его скрыть сего не могла. Он, выпив чашку, стал наливать для меня, а я между тем ободряясь спросила его, о чем Кидрясова жена плакала. Выпей наперед чашку, а я тебе расскажу после.

Вечер девятнадцатый

— Видишь ли ты по одежде моей, что я не вашего народа?

— Вижу, — отвечала я с подобострастием, — и барсовая на тебе даха* и обувь доказывают, что ты из степного народа.

* Одежда вверху шерстью сделанная, кою по познанию многие называют ергакком.

— Ты угадал, батырь, ибо мы с вами хотя и одного племени, но в одежде и в житъе не одинаковы, что со временем можешь ты узнать. А теперь скажу тебе, кто я таков: имя мое Алдар, я считаюсь батырем и наездником между нашими семиродцами. Сим именем почтили они меня за силу и удалство мое еще в юности моей. Не только на звероловстве против свирепых наших юлбарсов я себя отличил, но и злобные пяри меня трепещут. Я многих из них побивал и отнимал добычи ими похищенные. Аксакалы наши, желая каждый принять меня к себе в родство, предлагали мне в замужество красных дочерей своих, но я отговаривался от женитьбы, а принудить меня к тому было некому, ибо отец и мать мои оставили меня еще в малолетстве. И так продолжал я мою холостую жизнь в батырских подвигах и умножал к себе любовь и похвалу моих семиродцев, кои издалека приезжали и просили меня, чтоб я защитил их или от нападения на стада их хищных зверей, или от злобных пяриев. В один день как я был приглашен (с год тому назад) на джиин к одному из почтенных наших аксакалов по имени Айсюль, увидел подле хозяина сидящего гостя из вашего народа. Айсюль приветствуя меня сказал: «Подожди ко мне, мой сын, поздоровайся». Я подошел к нему с почтением, какое мы обыкновенно старикам оказываем. Он, держа меня за руку, сказал своему гостю: «Это наш молодой батырь Алдар, которому нет равного во всех родах наших». И велел мне сесть возле себя, что у нас считается за великую честь. После обыкновенного на джиинах угощения (как думаю и у вас водится) началась борьба. Гость, от вас к нам приехавший, удивлялся удалству и проворству наших батырей, и признавался, что в их лесном

народе подобных им не видел. «А есть у нас, — примолвил он, — в кошу из почтеннейших наших стариков Кидряса, девка, дочь его, одарена такою силою, смелостью и проворством, что ни один из наших ни средолетних, ни молодых батырей с нею схватиться не смеют ни в борьбе, ни в стаскивании с коней, ни в стрельбине из лука. Лучшее ее упражнение — ездить по лесам и сражаться со свирепыми нашими медведями. Она одна убила белого медведя чрезвычайной величины, который растерзал коня ее. Но она, скочив с коня, схватилась с ним и заколола его кинжалом. Таковые ее удачи в бою со зверями возгордили ее до того, что она отвергает всех женихов за нее сватающихся. И сказала отцу своему наотрез, что тот будет ей жених, кто будет ей равен или превзойдет ее в батырстве». При сих словах Айсюль, взглянув на меня, сказал: «Алдар, вот тебе невеста. Мы все уверены, что ты ее поборешь.» Потом обернувшись к гостю спросил: «Скажи нам, хазрет, хороша ли она собою?»

Красота ее равняется ее храбрости, и она от всех наших родов прозвана батырь-кыз.

Я слушал со вниманием все речи приезжего и отвечал Айсюлю, что я еще молод и жениться не думаю. Между тем, отличившийся перед всеми борец сидел в кругу и ожидал себе спорника. Сей был по имени и по силе палуан. Росту был высокого, в плечах укладывалась кленовая наша стрела, взор имел свирепый, бороду черную густую, но короткую, и все тело его поросло шерстью, так что походил более на зверя, нежели на человека. Приехал он неожиданно с устья реки Яика, впадающего в Ак-Дингиз. Все собрание видя, что никто не смеет выйти на единоборство с палуаном закричало мне: «Алдар, неужели ты оставишь сего приморско-

го батыря победителем в наших потехах». Я встаю, подаю мне кушак, опоясавшись им, подхожу к гордому палуану, и, быв ростом меньше его на целую голову, отчаиваюсь его побороть. Но дабы не оставить безнадежных моих однородцев, схватываюсь с ним, испытываю свои силы, он меня поднимает, а я сжимаю бока ему столь сильно, что он принужден был меня отпустить. Я же пользуясь сим, принимаю его на бедро и ударяю о землю. Все собрание произнесло радостные крики, а палуан, опамятавшись, встал и сказал собранию: «Что двадцать лет я борюсь и никто меня не поборол, и батырь Алдар может хвалиться, что нет против него борца от вершин и до устья реки Яика.»

Вечер двадцатый

Сии слова произвели во мне самолюбие и гордость, тем более, что я поборол сильного батыря, из столь отдаленных стран пришедшего, а между моими семиродцами равного мне не было. Одним словом, я столь же много возмечтал о себе, как и девка лесного народа, убивши белого медведя.

Услыша мое имя, я прервала его речь: «Я верю, батырь, что ты мужествен и силен и что нет тебе в твоих родах равного, но я бы желала от тебя услышать, о чем жена Кидрясова плакала?»

— О! Сколь ты, джигит, нетерпелив, надобно выслушать себя старшего. Я еще в середине моей повести, а ты хочешь, чтобы я сказывал тебе конец. Молчи и дослушай.

Сии слова привели меня в робость, и я замолчала, а он продолжал:

— Батырь палуан, сделав мне столь лестное приветствие, взяв меня за руку сказал: «Будь мне другом.» Потом Айсюль посадил меня с ним рядом. Нас потчевали по обыкновению кымызом, и джиин скоро кончился. На другой день поехал я к себе домой, нашел, что скот мой был весь здоров и всех жителей нашего аула в спокойствии. Но в себе оного не находил. Рассказы об удалой девке кружили мне голову. Я не мог поверить, чтобы женщина могла быть отменный батырь. Хотя и из наших есть удалые, но всегда найдется из молодых мужчин их сильнее. В таком размышлении был я несколько месяцев и, наконец, вздумал ехать сюда, увидеть своими глазами и изведать самому собою. И для того пришед в один день к одному аксакалу из родственников моих, сказал ему мою думу, и что я непременно еду ее видеть, а если удастся, то на ней и жениться, и просил его, чтобы он не оставил моего скота. «Путь тебе добрый, мой сын! — сказал он мне, — поезжай.» Я простясь с ним пустился в путь, и в этом снаряде, как ты меня видишь. Целый день я ехал без всякой встречи, а к вечеру, когда я избирал себе место для ночлега, встретился со мною в незнакомой мне одежде и на доброй лошади человек. Я поздравствовал его с добрым путем и по ответу его узнал, что он был мусульман. А как обоих нас пристигла ночь, то по нескольким словам и согласились мы вместе почевать. Я его потчевал, что имел, а он вывязал из седла убитую им птицу и, ошпав, стал ее жарить. И ею меня потчевал. А между тем узнал я от него, что он путешествует, родом из Болгарии, что замечает разные диковинки и, приехав, будет рассказывать своему хану. «Что же за диковины видел ты на дороге?» — спросил я его. Он рассказывал мне о

каком-то вещуне, прорицающем будущее. А я его спросил:

— Был ли он сам и видел ли его?

— Нет, — сказал он, — я сам не был, а слышал.

— Так мало же ты привезешь вестей своему хану! Хотя не знаешь ли ты по крайней мере того, кто бы туда ездил?

— Видел я одного из лесного народа батыря, — отвечал он мне, — на добром рыжем коне в кармазинном кафтане и в черной лисьей шапке, исправно вооруженного копьем, саблею, луком и стрелами. Он встретился со мною так же как ты, и так же любопытен был знать о вещуне как и ты, и я ему рассказывал то же, что тебе, прибавя только о пути, который ведет к пещере, и он, выслушав все, — «Сего довольно, — сказал мне, — прощай, батырь!» И я думаю, что сей смельчак туда полетел. После сих слов Алдар замолчал и смотрел мне прямо в глаза, а я должна была внутренне признаться, что по словам болгарца он меня описал с ног до головы. Я хотела было перебить его речь. «Нет, подожди, — сказал он мне, — дослушай, а замолчал я для того, что хотел отдохнуть, ибо никогда столь много не говорил. В нашем народе в мои лета более слушают, нежели говорят. А ты меня помоложе, так и должен дослушать.»

Вечер двадцать первый

Поутру расстался я с болгарцем и поехал к хребту Урала, который проезжая не случилось со мною никакой встречи. И короче сказать, нигде до самого вашего Ак-Идиля, который переправясь вплавь начал встречать кочевьи ваши и расспрашивал об ауле Кидрясовом, о котором сказали мне, что он близь озера Кандры.

— Зачем ты туда едешь, Кыр-батыр? — спросил меня один как видно из почтеннейших ваших стариков, — не хочешь ли изведать силы батырь-кыза, дочери Кидрясовой?

Я признался ему, что затем еду.

— Ты не найдешь ее дома, — отвечал он мне.

— Где же она? — спросил я.

— Уехала на звероловство и домой не приезжала.

— Давно ли?

— Ближе месяца, говорят, жаль нам будет, когда батырь-кыз погибнет, а она всегда была вожакон нашим молодым батырям в звероловстве.

От сих слов забилося у меня сердце, и жаль мне стало батырь-кыза и узнал только тут, что я ее люблю. Сел на моего коня и поехал. Путь уже мне был недалек. И я увидел вдали озеро и кочевье Кидрясово. Большая белой кошмы кибитка стояла на пригорке, и множество жеребят было привязано близь ее. Первого встретившегося спросил я о Кидрясе, а он мне показал на большую белую кибитку. Подъехав к коей, увидел я у дверей сидящего почтенного старика в полосатом халате, держащего в руке палку, и голову приклоня на нее, смотрел в землю. Я подъехал близко к нему, но он не слышал ничего, я, постояв, подал ему салям. А он, как бы от глубокого сна поднявши голову, слезящими глазами взглянув на меня, сказал: «Добро пожаловать, слезь с коня и войди в кибитку.» А сам вошел прежде. Я, привязав моего коня, зашел за ним и увидел женщину немолодых лет, сидящую и также плачущую. Я спросил и ее, здорова ли она? «Пока еще здорова», — сказала она мне, утирая глаза. Старик, посадив меня и посидев немного, спросил меня:

— Ты видно издалека, батырь, и народа степного?

— Так, — сказал я ему, — я с берегов быстрого Яика и приехал видеть соплеменный мне народ лесной.

— Ах! — сказал он мне, — народ лесной в печали, а я наиболее. Молодые наши батыри лишились вожака в звероловстве, а я с женою лишился милой мне дочери батырь-кыза.

И выговоря сие оба с женою зарыдали. Я, дав утешиться их рыданию, начал им говорить: «Не предавайся печали, почтенный старец! Может быть, дочь твоя жива и к тебе возвратится. Я признаюсь тебе, что я не только принимаю участие в твоей горести, но и сам от сердца скорблю, ибо для нее одной переехал крутые уральские горы, пространные степи и переплыл широкие ваши реки. Слава о мужестве ее и силе достигла и до наших степных жилищ». Потом рассказал я подробно как о ней на джиине слышал, примолвля, что когда я не нашел ее дома, то поеду искать и без нее к нему не возвращусь.

Вечер двадцать второй

Старик, как бы обнадеженный сими словами, благодарил меня за доброе намерение, а жена его между тем подавала мне чашку кымызу, который (правду тебе сказать) я с жадностью выпил давно непивши, потом другую и третью. «В пути твоём ты, верно, проголодался, добрый батырь? — сказал мне отец батырь-кыза, а матери ее велел приготовить для меня пищу. Она вышла из кибитки, а я, оставшись со стариком, рассказывал ему о житье степного народа и о себе, и пока мы разговаривали, то старуха при-

несла мне в чашке пищу. Хозяин меня потчевал, а сам не касался оной, сказав: «Не стану я есть горячего мяса и пить кроме одной чашки кымызу, пока не возвратится моя любезная батырькыз». Во все сие время как Алдар рассказывал об отце моем, я сидела закрывши руками глаза и плакала, а он, как бы не примечая, продолжал:

— Наевшись досыта состряпанного яства руками доброй старухи и выпивши почти целый турсук кымызу, почувствовал я превеликую бодрость. Хотел тотчас ехать искать батырькыза, но Кидряс, меня остановя, сказал: «Ночуй, мой добрый гость, а завтра рано поезжай с богом, привози мне батырькыза.» Пока он сие говорил, старуха постлала мне постели, и я повалился на нее не раздевшись и спал до восхода солнца. Проснувшись, увидел я старика и старуху на молитве, а сам пошел начал седлать коня, который был расседлан по приказу хозяйскому и пущен пастись. Возвратясь же, опоясав мое оружие, благодарил Кидряса за угощение, прося притом, чтобы на меня надеялся. «Погоди, — сказала старуха, — я тебе налью на дорогу турсук кымызу». И наливши подала мне и плачущи сказала: «Ах, добрый кыр-батыр, не забудь данного слова и найди мне мою дочь.»

— Ну теперь, — прибавил он, потрепавши меня по плечу, — узнал ли ты, о чем жена Кидрясова плакала?

— Узнал, — отвечала я, — и поскочу к Кидрясу сказать ему добрую весть о батырькызе.

— Погоди, — отвечал мне грозно Алдар, — я тебя не пущу. Или ты должен со мною вместе ехать и при мне рассказывать ему сию хорошую весть, или я поеду вперед и скажу ему, что один молодой батырь едет сказать ему хорошую весть, а ты между тем недалеко от коша подожди. Я хо-

тела ему противиться, а он, схватя моего коня за повод и вынув саблю, сказал мне, что он с одного маху отрубит коню моему голову и оставит меня пешую, и тогда легко ему будет упредить меня, я принуждена была с ним согласиться, а он сказал мне: «Ты поезжай тихо, и, подъехав к кошу, стань на пригорке между деревьями, и когда увидишь меня делающего тебе маяк, поезжай тихо к кошу, а иначе я с тобой драться буду.»

Сказав сие, ударил коня своего плетью и пустился как стрела, а я ехала шагом и укоряла себя в трусости против батыря. Уже подъехала я к кошу, где мать и отец меня оплакивали, сердце мое билось и чуть не поскакала, но помня данное мною слово, остановилась в назначенном месте и едва я увидела, что Алдар дает мне маяк, как и поехала в кош шагом. Он мне после сам рассказывал, что скорое его возвращение удивило отца моего и мать. И когда он рассказывал о батыре, везущем о мне им весть, то старики приступили к нему и спрашивали в каком батырь кафтане? В какой шапке? Какое оружие и на каком коне? На что им отвечал, что вы сами его скоро увидите. И выехавши подавал мне маяк. Я уже въезжала в кош, как жители увидя меня закричали: «Батырь-кыз возвращается!» — и повторяли во многие голоса.

Отец и мать моя, не могшие ничего добиться от Алдара вышли из кибитки, видели его подающего маяк и услышали имя батырь-кыза. Народ бежал ко мне навстречу. Всякий радовался, всякий поздравлял меня с возвращением. Многие желали знать, что я так долго ездила. А между тем Алдар, приближась ко мне, ехал со мною рядом к кибитке отца моего. Я увидела его, идущего ко мне с матерью навстречу. За-

быв данное слово, поскакала к ним и, бросившись с коня, упала в ноги. «Ах! Дочь наша,... любезная наша дочь!» — возопили старики, бросились ко мне на шею и обливали меня радостными слезами. Я попеременно обнимала отца моего и мать. И сие бы, может быть, продолжалось долго, если бы Алдар, сидевший еще на коне, не закричал: «Как, Кидряс? Это дочь твоя, батырь-кыз?!»

— Да, — мой друг, — отвечал мне, — ты обещал мне ее привести и сдержал свое слово.

— Я привел к тебе батыря, а не девку. А если это точно дочь твоя, то она великая притворщица.

Сии слова заставили засмеяться моего отца, и он сказал Алдару: «Слезь с коня, батырь, и пооди сорадоваться моему счастью.»

А между тем народ сбежался со всего аула и толпился около меня и отца моего. Заглушали нас поздравлениями и кричали: «Теперь, Кидряс, дашь ты нам большой джиин на радости.»

— Охотно, друзья мои, — отвечал мой отец, — но и все соседственные и дальние аулы буду на него звать.

Потом призвав к себе несколько молодых людей сказал им:

— Джигитляры! Поймайте из табунов моих лучших себе коней. Поезжайте на них не только в ближние аулы, но за день и за два отсюда езды. Зовите всех ко мне на праздник. Скажите, что и батырь-кыз возвратился, что еще приехал ко мне гость кыр-батыр Алдар, прославившийся силою своею и проворством во всех семи родах, которого я хочу показать всем моим друзьям и однородцам.

Вечер двадцать третий

По отпращивании их велел отец мой наставлять котлы и готовить яства, которых и сам хотел на радости отведать. Сказала я уже вам и прежде, что он не прикасался горячей пищи во время моей отлучки; а между тем подавали кымыз собравшимся к нам в кибитку ближним родственникам и старикам нашего аула. Всякий, приняв чашку, припивал, все молчали и ожидали, что я начну мою повесть. Но я еще не могла собраться с мыслями от радости и не знала начинать ли мне рассказывать или обнимать мать мою, которая, как и отец, не спускала с меня глаз своих. Но Алдар, выпив свою чашку, начал говорить отцу моему:

— Почтенный Кидряс и ты, добрая Бурамбика! Не мудрено, что вы удивились скорому моему возвращению. Ибо солнце не успело еще совершить треть дневного своего пути, как встретился я с вашим батырь-кызом. Остановя его, начал с ней разговор, осматривал ее с ног до головы, а также и коня его, вспомня описание попавшимся мне болгарцом, узнал я в нем точно дочь вашу. Я просил ее слезть с коня и потчевал кымызом, которым снабдила меня на дороге мать ее. Потом принудил ее выслушать причину моего приезда в вашу сторону. И когда довел речь мою до вас обоих, то увидел ее проливающую слезы, что и утвердило меня в моем подозрении, и узнал в ней настоящую батырькыз. Когда же выслушала она от меня все, то хотела скакать вперед и принести вам радостную будто весть о дочери вашей, но я ее остановил и хотел изрубить коня, если она меня не послушается. Остальное вы уже знаете, как мы приехали, и так не заслуживаю я от тебя благодарности, будто бы привез к вам дочь вашу. Она

бы могла и без меня приехать тот же день. А я обязан счастливому случаю, который заставил меня так близко от аулов ваших ее встретить.

Отец мой, видя скромность Алдарову, не оставил сказать, что он всё ему благодарен за добрые его намерения и считает его для себя самым любимым гостем, что и расскажет всем собравшимся к нему на праздник гостям. Во время сего разговора пришли сказать, что мясо готово и по чашкам раскладено. Мы вышли из кибитки и увидели разостланные ковры и поставленные на них снеди. Отец мой посадил меня по левую руку, а Алдара по правую, мне бы как девке и не следовало сидеть с мужчинами по обычаям нашим, но как я носила мужское платье и название батыря, то и сажалась вместе с мужчинами. Ужин наш продолжался недолго, потому что были на нем только ближние наши родственники и почтенные старики из нашего аула, после которого скоро они разошлись. Отец мой пошел в свою кибитку с Алдаром, а я пошла в другую с моей матерью. Ночь спали мы весьма крепко, ибо у всякого из нас были спокойные мысли.

Солнце уже взошло выше дерева, и набожные старики нашего аула давно уже отправляли свою утреннюю молитву. А в наших двух кибитках едва продирали глаза, да может быть еще бы и спали, если бы не топот кобылиц, пригнанных для доения, нас не разбудил. Отец мой, вышедши из кибитки, велел поймать жирную кобылицу и созвав бедных из аула, сделал им угощение, а для питья поставил им три сабы кымызу. Между тем собирались к отцу моему старики и родные дабы услышать от меня мою повесть, кою я и всем начала рассказывать, прося прежде прощения у отца и матери моей,

что не открыла настоящей причины моего отъезда и тем навлекла им печаль. Рассказы мои продолжались почти до вечера и тот день не кончила, ибо часто была прерываема отцом моим и матерью да и прочими любопытствующими, и так отложено было до другого дня, с наступлением коего должна я была начать рассказы о моем путешествии. Уже довела я мою повесть до последнего моего вопроса, как вдруг услышали конский топот и шум в ауле. Все вскочили с мест и побежали из кибитки, узнать о причине. Я и Алдар были первые выбежавшие, тут увидели скачущих двух наших пастухов, у коих лошади так зарьяли, что едва скакали. Я побежала к ним навстречу и спрашивала, что сделалось? А они, заыхавшись, едва выговорить могли, что два превеликих медведя разогнали табуны наши, и каждый, схватив по жирной кобыле, их терзали. Лишь только я от них сие услышала, как бросилась к моему коню, оседлала его и опоясалась оружием, села на коня и хотела спросить еще пастухов о месте, где они оставили медведей, терзающих кобылиц. Но так удивилась, что Алдар был уже вооружен на коне и их расспрашивал. К вопрошающим нам пастухов подошел и отец мой. Я обернувшись к нему просила позволения, чтобы он не запретил мне показать удалство мое над хищниками табунов наших при кыр-батыре Алдаре. И взглянув на него сказала:

— Я уверена, что он будет мне товарищем.

— А зачем же я и на коне! — отвечал мне отрывисто Алдар.

— Так поезжайте же с богом, мои дети, — сказал нам обоим отец мой.

Алдар услыша, что он назвал его сыном: «Для сего имени, — отвечал он, — я пойду против ста медведей», и мы, ударив по тебенкам

лошадей своих, поскакали. И как места мне были известны, то вскоре мы были в той долине, где оставили пастухи медведей. Мы увидели их один от другого не в близком расстоянии, так что если на одного напасть, то другой сего бы не услышал и не увидел, ибо разделял их небольшой лесок. Тут сказала я Алдару, постоим и сделаем уговор: «Ты первый ступай на медведя убивай его каким хочешь оружием, я тебе мешать не буду, но прошу так же и тебя, что когда вступлю в бой с другим, то и ты не вмешивайся и не помогай мне отнюдь.» Алдар, видя меня, с решимостью говорящую, согласился на мой договор, и мы поехали тихо к первому медведю, и подъехав на полвыстрела стрелы сказал мне Алдар: «Остановись и смотри». А сам, взяв копьё свое под мышку, поскакал к медведю. Зверь, услыша топот, бросил свою добычу, и, став на задние лапы, ожидал батыра. А сей с такою силою ударил его копьём под переднюю лопатку, что пробил его насквозь, и зверь повалился почти без дыхания, а Алдар слез с коня и распорол ему кинжалом брюхо.

— Ты скоро окончил свой бой! — сказала я ему, — а я хочу тебя позабавить, дабы ты бою моему с медведем посмеялся.

— Да чем же ты хочешь драться? — возразил он мне, — у тебя нет копьё, так возьми мое.

— Не надобно мне копьё, — отвечала я, — а тебя только прошу, чтобы ты въехал на сей пригорок и с онога не съезжал, пока я не убью зверя. Возьми моего коня и верхнее мое платье.

— Что ты хочешь делать? — сказал мне удивленный Алдар.

— Это ты увидишь, — потом скинула я с себя кармазинный кафтан, оставшись в одном бешмете, скинула сапоги, а широкие шанхаевы

шаровары подобрала в чулки. Из колчана своего вынула четыре стрелы и заткнула себе за пояс. Колчан же повесила на коне своем, но саблю опоясала на себя, все сие видя Алдар говорил мне: «Что за чудеса хочешь ты делать? Ты, девка, с ума сходишь!»

— Ты увидишь, — сказала ему, схожу ли я с ума, поезжай и смотри.

Он, вздохнувши, поехал прочь. А я быв легка и проворна, надеялась, что успею в моем деле, и для того пошла тихонько к тому месту, где был медведь. И подойдя на верный выстрел стала за деревом и ожидала, чтобы медведь обернулся ко мне задом. Я недолго сего ждала, ибо он терзая и пожирая добычу свою, и поворачиваясь во все стороны стал ко мне спиною. А я натянув стрелу пустила ему в самую ляжку. Удар был удачен и стрела моя взошла до половины. Зверь, почувствовав внезапный удар, бросил добычу и схватил зубами за стрелу. В самое то время выбежала я из-за дерева прямо к нему и схватив с головы моей шапку дразнила его, а он, остервенившись, на меня бросился; я бросила шапку мою к нему под ноги, он же в ярости думал, что это я, стал рвать шапку, а я, между тем, пустила ему другую стрелу в переднюю лопатку, от сего удара он бросил шапку и кинулся на меня. Я же, быв скорее его в бегу, продолжала дразнить, бежала от него к близ стоящему дереву, на которое полезла с такою скоростью, как лазают наши белки, и желала привлечь за собою медведя, что и исполнилось, ибо он в бешенстве своем полез за мною на дерево, а я дразня его взбиралась на самую вершину. И как видела, что он уже от меня близко, то я скочила с вершины на сук, могущий меня удержать, а для него он был тонок, чтобы приближаться

ко мне. Я сидя на сучке дразнила его моею саблею, а он, не могши меня достать, ревел страшно, я же качаясь на длинном сучке опускалась книзу и без всякой опасности спустилась на землю и, подхватив оставленный мой под деревом лук, садила ему еще стрелу под левую лопатку, от чего зверь не мог уже на вершине сучьев держаться и стал с дерева валиться, а я, видя сие, посчитала, что он не может сделать уже никакого вреда, вынув саблю спокойно ожидала его нападение, что вскоре и последовало. Зверь упал испуская последний рев, а я подскоца ударила его саблею по морде столь сильно, что отрубилась ее прочь, чем и бой кончился. Я обернулась и хотела кликать Алдара, но он уже скакал ко мне и кричал:

— Ну, батырь-кыз, подлинно ты меня позабавила своею игрушкою с медведем, но спросила бы ты меня, каково было у меня на сердце, когда я видел гонящегося за тобою медведя. Я чуть не нарушил данного слова и едва не поскакал к тебе на помощь.

— Худо бы ты сделал, Алдар. И я бы на тебя осердилась.

Во сие время как мы с ним разговаривали, прискакали к нам поздно собравшиеся молодые батыри, но видя, что все уже конечно, только что лишь нас с добычею поздравляли. Я велела снять кожи с обоих убитых медведей, что было вскоре и сделано. А между тем, обувшись, надела свой кафтан и поехали в кош. И как путь был недалек, то гораздо прежде акшама, туда возвратились. И только что подъехали к кибитке отца моего, то Алдар, скочив с коня, схватил шкуру убитого мною медведя, бросил ее к ногам отца моего. «Вот, — сказал он, — шкура хищника табунов твоих, которого убила смелая и храбрая

твоя батырь-кыз». Потом рассказывал с удивлением мою драку с медведем и кончил такими словами: «Такой девушки во всех наших семи родах нет.»

Тогда и я, взяв кожу убитого им зверя, сказала отцу моему: «Если Алдар со удивлением рассказывает о поражении мною медведя, то и я с неменьшим удивлением видела с какою силою и проворством убил он одним ударом сего страшного медведя». Тут стали мерять кожи, и нашли их обоих равными. И так отец мой и аксакалы тут собравшиеся присудили, чтобы на будущем большом джине сидеть каждому из нас на коже убитого нами зверя.

Вечер двадцать четвертый

— Наступил уже тот день, в который званым на джин собраться было должно, посланные от отца моего, один по одному возвращались, извещая, что зов его приняли с радостью, и что ближние приедут около Уйла-намаза*, а дальние поране Икинды-намаза*. Отец им велел поближе подогнать табуны свои, как конные, так и рогатые, дабы из оных выбрать самых жирных кобылиц, для угощения ожидаемых гостей. И только что сие исполнено было, как увидели едущую толпу народа и известили о сем отца моего, а он, вышедши из кибитки вместе с Алдаром и взглянув на приближающихся, сказал: «Это ближ-

* Магометане отправляют каждодневно пять молитв, кои называются:

Иртя-намаз — утренняя

Уйла-намаз — полуденная

Икинды-намаз — пред захождением солнца

Акшам-намаз — по захождении солнца

Яртык-намаз — отправляемая перед сном молитва

ние мои соседи, кочующие по берегам Кармансана, степи у них просторные, и скотоводство великое. Овцы их приносят длинную и белую, как снег, волну, и для того видишь ты их одетых в белой одежде, кони их крепки, но не рослы».

Потом с северной стороны показалась большая артель. Отец мой всматриваясь сказал: «Если глаза мои не ошибаются, то я вижу жителей быстрой и каменистой реки Бурю. Река сия берет начало свое из горы Урала и впадает в Ак-Идиль. Берега ее покрыты непроходимыми лесами, и она, протекая меж оных, и в самые жестокие морозы не замерзает. И для того воды ее бывают покрыты зимою ак-кошами* и прочими водяными птицами, кои, быв защищены лесистыми берегами, плавают спокойно через целую зиму. Жители сей страны — великие пчеловодцы, каждый из них имеет по сто и более бортей, и ежегодно их прибавляют, а пчелы не оставляют их правдыми, прививаясь, приносят обильно меду. Но часто разоряемы бывают сии труды их от медведей, коих в лесах бирских великое множество. Нередко и жители сих хищников побивают, быв великие звероловцы, и для того видишь ты на всяком шапку, сделанную из молодого медведя. Сего почтенного аксакала, который им предшествует называют Балтас. Он в молодости своей был сильный батырь, от руки его погибло множество медведей, разоряющих борти их. По правую его руку на серо-пегом коне едет старший сын его Тлевчин. Он наследовал силу и проворство отца своего и из первых борцов их аулов. По левую сторону на чубаром востром коне едет меньшей. Его сын Кинзя, хотя не достиг он совершенных лет, но

явил уже много раз свое мужество и искусство в стрельбании из лука».

Пока Кидряс рассказывал Алдару, гости подъехали, и отец мой шел к ним навстречу. Джигитляры нашего аула принимали у гостей коней, а я, по приказу отца моего, пошла помочь слезть с коня почтенному Балгасу, который, увидя меня, ему помогающую, сказал с радостным видом: «Ай батырь-кыз, здорова ли ты возвратилась?» И дав мне руку, потом отцу моему и здороваясь с ним, сказал ему: «Поздравляю, старый мой друг, с возвращением твоего батырь-кыза. Много я скорбел, когда услышал, что она без вести пропала, и все наши жители о ней весьма жалели. Рука ее поубивала медведей в наших лесах».

Отец мой, быв занят гостями, сказал мне: «Пока я принимаю приехавших, а ты поди с Алдаром на ближний пригорок и, увидя приближающихся еще гостей, рассказывай ему, из каких они мест, из каких родов и об их житье».

Признаюсь, вам добрые мои слушатели, что я не хотела отказаться от сего приказу, да и у товарища моего видна была радость на лице. Пригорок, на который мы пошли, был недалеко от кибитки нашей и открывал столько обширности, что можно было видеть и различать едущих. Не успели мы войти на оной, как увидели всадников в красных кафтанах. Я сказала Алдару: «Сей народ есть из богатейших в нашем краю. Он кочует на тучных пажитях глубокой реки Дим, она течет из степной вашей стороны и впадает так же в Ак-Идиль. Воды ее черны, и при устье своем отличаются они чернотой от белизны Ак-Идиля. По берегам реки сей растут дуб и ильм. Она весьма рыбна, а жители богаты скотом. Кони их самые лучшие по росту, стати и добро-

те. На них-то догоняют они в степях своих волков и лисиц: приметъ, что на каждом всаднике шапка из чернобурой лисицы. Народ сей, как я думаю, самому тебе известно, принадлежит к вашему, ибо кочуют они более по степям, нежели в лесах. Я знаю из них многих по проворству и силе, и теперь могу различить и сказать тебе о некоторых. Седок на рыжем коне, отличающийся ростом и осанкой пред прочими, есть баш их сильный Итбай. К силе своей присоединяет он великое проворство, нет столь сильного всадника, который бы мог его вытащить из седла. Я видела его скачущего во всю прыть и поднимающего с земли не только плетку, но и кажбовную чешуйку. По сторону его на вороном коне, покрытом серебряным убором, есть его меньший брат Чюрюбай. Хотя он не равняется ростом с Башем своим, но силою и проворством ему не уступит. Ты видишь резвящегося и скачущего около толпы сей на саврасом коне и в голубом кафтане дерзновенного Ильчибая. Он на одном нашем джиине, поборов многих, дерзнул вызвать и меня изведать со мной силы, но и успел бедный схватиться со мной, как уже и лежал на земле, и со стыда спрятавшись в народе тотчас уехал. Алдар при сих словах смеючись сказал: «Неужели ты и меня положишь как Ильчибая, когда я дерзну вызвать тебя на борьбу». Я покрасневшись сказала ему, чтобы он не ожидал от меня пощады, когда до борьбы дойдет.

Потом увидели мы народ, кочующий около реки Уфы. «Сии наши единоплеменники, — сказала я ему, — меньше батыри, нежели все прочие. Звероловство их состоит в ловле куниц и в стрельянии белок. Их убивают такое множество, что на всяком увидишь кунью шубу. Лучшие куницы ловят у них в роде Гайнинском, и скота

у них не столько много, как у прочих жителей сего края». После сего сказала я Алдару, что не вижу еще жителей кочующих, от устья реки Ашкадара вверх по Ак-Идилю. И только что мне выговорила, как увидела вдали густую пыль, подобно облаку, и по мере ее приближения рассмотрела я тех, о которых сказала, а пыль происходила от того, что вся толпа ехала скоро. И как они уже близко от коша нашего были и ехали тише, то и могла я их различить. «Вот, — сказала я, — на сером коне гордый Муйнак. Рост он, как видишь, исполинского, сила его чрезмерна, он одним ударом сабли отрубает самому большому волу голову. Всякого необъезженного коня ловит он не укрюком*, а, наскочив, схватывает за гриву и останавливает. Он приезжал на джиин, к отцу моему, когда мне еще было только двенадцать лет, сватал за меня мимо старшей моей сестры, но отец мой, отказав, сказал, что мы еще молоды. — О! Я умею подождать, — сказал гордый Муйнак и с тем от нас уехал».

— Ах! — примолвила я, — он и теперь не за добром едет!

— Не бойся, мой добрый батырь-кыз! Друг твой Алдар с тобою, хотя бы и вся их толпа были Муйнаки, нам ничего не делают.

Таковыми-то нечаянно вырвавшимися словами давали мы знать, что друг друга любим.

— Нет ли у тебя еще какого Муйнака? — спросил меня Алдар смеючись, — который был бы тебе так страшен, как сей.

— Нет, — отвечала я, — когда взошла я в силу, то все сватающиеся ко мне и осмелившиеся изведать со мною силу бросаемы были мною как щепки.

* Веревка, привязанная к палке.

— Уже я посмотрю, как ты Муйнака бросишь!

— Я с ним не пойду, — отвечала я, — а попрошу тебя, чтобы ты меня выручил, — и взглянула на него.

А он с радостным лицом потрепав меня по плечу сказал:

— Благодарю тебя, батырь-кыз, за доверие и еще повторю, что тысяча Муйнаков нам ничего не сделают.

После сего искреннего и невинного объяснения хотели мы сойти с пригорка, как вдруг услышали близ озера крик и увидели поднимающихся с воды гусей и уток.

— Ах! Это верно, — сказала я, — едет старый Кушбай. Он с небольшим аулом кочует по реке Чермасану. Малая артель, его окружающая, состоит вся из его семейства. Он весьма тихого и кроткого нрава, набожен и почитаем во всех родах наших за честного и справедливого человека, а притом великий охотник до ловли птиц. Всех ты их увидишь с птицами, и сам старик верно явится с туйгуном* на руке.

Вечер двадцать пятый.

Сошед с пригорка, остановилась я близ нашей кибитки, а Алдар пошел к отцу моему, который был уже в кругу с гостями. По правую его руку сидел Балтас, а по левую — Итбай. Подле сего занял место великорослый Муйнак. Когда появился в кругу Алдар, то отец мой, встав с места и взяв его за руку, сказал гостям своим, что это кыр-батыр приехал из степного народа посетить меня и принять участие в моей радости.

* Белого рода ястреб.

Потом Алдар со всеми здоровался. Я заметила, что Муйнак как зверь на него смотрел, и по сделании всем приветствия, отец мой посадил его на свое место, а сам сел по правую сторону Балтаса. Пришедши после всех Кушбай, занял место подле отца моего, а прочие гости поселились по обеим их сторонам. Я не стану вам, добрые мои посетители, описывать порядок угощения того вечера, оное было как и у всех нас ведется: ели мясо, пили кымыз, а по окончании ужина отец мой объявил аксакалам, что они уже знают через званых его причину джиина.

— Знаем, — сказали старики, — ты радуешься тому, что батырь-кыз возвратился, и мы тому радуемся.

— Но чем же мы начнем? — спросил Итбай.

— Начнем мы, если угодно будет собранию, — сказал мой отец, — скачкою, затем борьбою, а кончим стаскиванием с коней.

— А как далеко мы поскачем? — спросил свирепый Муйнак.

— От кочевья Кушбашева, — сказал мой отец.

— Ладно, — заключил Кушбай, — это будет полдневной путь тихою ездою.

Потом отец мой, обратясь к Алдару, сказал: «Батырь! Утрудившегося от дальнего пути коня твоегопустишь ли ты с нашими?»

— Я бы сделал себе и коню моему обиду, — отвечал он, — если бы его не пустил.

Я, стоя позади, слушала весь разговор и пошла в кибитку дожидаться отца моего, а батыри пошли седлать назначенных к скачке коней, старики же отправлять свой акшам. Заждавшись отца моего, я просила позволения быть также с ними на скачках, для чего и коня уже пригото-

вила. И объявила намерение мое быть неизвестной скачущим. Надела на себя весьма поношенное платье, а на голову тибетейку, подобрав волосы, а сверх оной обвязала платком так, что конец оногo висел на лице.

— Да для чего ты сие делаешь? — спросил меня отец мой.

— Для того, чтобы не узнал меня Муйнак. Ибо другие все меня знают и если станут называть моим именем, то и Муйнаку я буду известна, а от сего злого человека я ожидаю всякой наглости. И никогда не забуду его слов, когда он приезжал свататься за меня еще малолетнюю.

— Ты умно дочь моя рассуждаешь, и я советую тебе держаться Алдара. И не знаю отчего, на сего батыря я весьма надежен, и ты поезжай с богом.

Я пошла в другую кибитку, где была уже приготовлена мне одежда. Весьма поношенный ергак* надела я на себя и выбрала оной в такие же шаровары. Вместо кушака подпоясалась ремнем, а за оный затянула кинжал и голову мою убрала как уже сказала. Прибор на коне был не нарядней моего, и чтобы повеселить отца в сем наряде, вбежала я к нему в кибитку. А он увидя меня с сердцем сказал: «Что за дерзкий малый! Зачем ты пришел?»

Я, поднявши платок и взглянув на него, засмеялась. Он, узнав меня, также начал смеяться и сказал: из батырь-кыза ты сделалась байгуш**. Посмеявшись с ним моему наряду, пошла я к коню моему, на которого севши вме-

* Ергак называют башкирцы и киргизцы сделанный из козьих кож без шерсти, наподобие нашей Ирхи и несправедливо называют сим именем носимые из жеребьчих кож вверх шерстью дахи.

** Бедняк, или нищий.

шалась в толпу отправляющуюся к кошу Кушбаеву.

— А сколько лошадей было на скачке? — спросил Джилкибай.

— Тут я перечесть не могу, а наутрие, когда мы выравнялись, насчитала я больше ста.

— А какие были бейге* и сколько? — спросил в свою очередь Алаберда.

— Первая — косяк кобыл с жеребцом-иноходцем. Как жеребец, так и кобылы были саврасые. Вторая — резвой конь с седлом и со всем прибором. Седло убрано было серебром и марьяном. Третья — панцирь, четвертая — лук с налучнем и колчан стрел. Пятая — сабля. Шестая — кармазинный кафтан. Седьмая — черных лилиц летняя шапка. Восьмая — калта с серебряными бляхами. Девятая — копые.

— Ты еще забыла одну ставку, — сказал шутливый Джилкибай.

— Какую? — спросила я с удивлением.

— Прекрасную батырь-кыз, которая привлечет на себя всех глаза, сердца и желанья на джиине, — шутил мой старый друг.

— Тебе рассказывает теперь уже старуха.

— Но лук ты вытягиваешь как молодая, — отвечал он.

Чтобы прервать сии замысловатые слова, Джюгра встала и налила им по чашке кымызу, да и сама вышила, дабы промочить горло, которое засохло от долгих рассказов, потом продолжала:

Вечер двадцать шестой.

Я уже вам сказала, добрые мои гости, что я вмешалась в толпу едущих на скачку. А как

* Бейге — значит ставка.

заря еще не потухла и луна была полная, то и приметна я стала в моем ергаке между наряженными моими товарищами. Всякий видя меня кричал: «Ой байгуш, только конь не по седоку» (ибо была подо мною прекрасная белая лошадь). Я попускала повод коню моему и потом удерживала, притворяясь не умеющею им править и сим наделала многим смех, которые кричали, что конь лучше седока. Я же вертясь на коне между ними, желала увидеть Алдара. Но в толпе его не находила, а отдавшись от оной увидела я двух человек, едущих рядом, к которым подбежав рысью узнала Алдара и Итбая. И поравнявшись с ними, заставила на себя оглянуться и произвела в них хохот.

— Куда ты, байгуш? — сказали они мне.

— Туда же, куда и вы, — отвечала я притворяясь косноязычною.

— Ах, заяка! — сказал мне Алдар, — да ты и сидеть не умеешь на этой прекрасной лошади.

— Да не умею, вы увидите, что я возьму первую ставку.

Сие заставило их еще более смеяться. Я отворотила коня своего и ехала позади их, а что они говорили и не слыхала.

Хотя ночь была и весьма коротка, ибо сие было в середине лета, но мы еще до восхождения солнца приехали на место. Всякий слез с коня и проваживал его. И лишь первые лучи солнца показывались из-за гор, то и начали мы выравниваться. Итбай и Тлевчин, которым поверили аксакалы учредить порядок скачки, выехали вперед и кричали всем, чтобы становились рядом, и когда они подадут знак, тогда бы и поскакали. Я, увидя Алдара, становящегося в середину, протеснилась к нему и стала с ним рядом.

— Ба, зайка, — сказал он мне, — не хочешь ли ты померяться с моим конем?

— И уйду еще, — отвечала я ему.

— Поскачем, зайка, поскачем вместе, — молвил он.

И как уже мы все были готовы, то Итбай и Балтасов сын, разъехавшись в обе стороны и остановясь, дали знак к скачке. Тут всякий завизжал и пустил коня своего, не долго скакали ровно, как великорослый Муйнак выдался вперед на сером коне своем на выстрел стрелы. Итбай, Тлевчин и верный мой товарищ в звероловстве Байджигит понуждают коней вслед за ним, догоняют его и равняются с ним. Он свирепо поглядывает на ту и на другую сторону. Я же с Алдаром скакала позади и заметила, что он не дает коню своему воли, а он, взглянув на меня, сказал: «Что ты, зайка, удерживаешь коня! Пушай», — и с сим словом послабил повод своему, Два сокола не так резво летят к гнезду своему, как мы пустились на конях своих. Уже догоняем мы равняющихся четырех батырей, и, как стрела, мимо их летим, кони наши скачут ухо в ухо, и ни на голову конскую друг друга не выпереживают. Алдар удивляется моему, а я его коню. Уже увидели мы кош отца моего, я вздумала ему открыться и подняв платок сказала: «Смотри на зайку.» Он услыша и узнав меня вскричал: «Ах, батырь-кыз, что значит твой странный наряд?»

— Это известно отцу моему и тебе только. Послушай, Алдар! Я вижу, что кони наши равно резвы, и мы прискачем с тобою вместе к первой ставке. Подскакав к оной ты остановись и ожидай тех, кои схватят ставки, а я проскачу вперед: народ и весь аул, и скроюсь.

Между тем уже прискакивали мы к ставке,

и знающие в нашем кошу Алдара по обыкновению кричали: «Кыр-батыр впереди идет», а обо мне кричали: «Не знаем другого».

Вечер двадцать седьмой

Я, проскакавши весь аул скрылась в кустах. Там дожидала меня знакомая женщина с моим платьем. Отдавши ей коня и надевши мое платье, пошла в кибитку к матери моей, а оттуда вмешалась в толпу, дабы видеть скачущих к ставкам. Тут увидели мы двоих, это был Итбай и Тлевчин. Кони их, казалось, спорили в резвости. Но Итбаев ко второй ставке высунулся вперед, оставя Тлевчина у третьей. Потом видны были вдаль четверо, одного из них отличить можно было Муйнака, ибо, он превышал ростом прочих трех. Двое из них к ставкам взяли перед, это были Байджигит, сотрудник мой в звероловстве, и Кинзя, меньшой сын Балтаса. Байджигит хотя и был позади, но к ставке оскакал Балтасова сына и взял лук с наилучшим и колчан со стрелами. А Кинзе досталась сабля. Потом прискакал к ставке свирепый Муйнак, конь его был хотя силы чрезвычайной, но не мог снести своего всадника, и в то время как Муйнак схватился за ставку, конь споткнулся и, не могши удержаться, поверг на землю своего всадника, от чего во всем народе сделался смех и хохот. А Муйнак, пристыженный своим падением, расвирипел и в ярости ударяет кулаком меж ушей коня едва стоящего на ногах и убивает его досмерти. Седьмую ставку взял Шункар, Кушбаев сын. Восьмая досталась Бикбирде, приехавшему с вершин реки Уфы, наконец, девятую взял один из кармасанских жителей по имени Иткул. Все сие

девять батырей коих кони отличились, созваны были отцом моим вместе. У всех радость была на лицах, кроме Муйнака, который с огорченным видом сказал отцу моему: «Я один не счастлив на твоём джиине. Пристыжен падением моим и коня моего; я надеялся взять первую ставку и едва взял из последних.» Отец мой прося его успокоиться предлагал из табунов своих, чтобы выбрал лучшего себе коня, но он с гордостью отвечал, что во всех табунах твоих нет ни одного такого, который мог бы меня возить. Сие хотя оскорбило отца моего, но он смолчал, как хозяин, и не отвечал ни слова. Я заметила, что Итбай искал глазами кого-то и, увидя Алдара, спросил его:

— Скажи мне, батырь, куда девался этот заика, коего конь равнялся с твоим.

— Не только равнялся, тогда как вы видели, но и до самой ставки скакал ухо в ухо. Я у ставки остановился, а он ускакал из виду вон. И я еще не знаю, мне или ему ставка принадлежит.

— Да, да,— сказали все аксакалы,— мы и весь народ видели, что он с тобою равно скакал и вольно ему было не остановиться у ставки, вы бы с ним поделили.

Отец мой предлагал садиться гостям. Батыри, получившие ставки сели вместе с аксакалами в один круг, а прочие по родам своим, и всем гостям прислуживали люди нашего аула. Яств было много наготовлено. Отец мой не жалел скота, а так же родственники наши были участниками в угощении, кымыз лился рекою из сабов и турсуков. И как следовало после обеда быть борьбе, то и велел отец мой среди аула на ровном месте постлать ковры и сделать из них большой круг, дабы старейшины на них сидели, а средолетние и молодые за ними стояли как обык-

новенно у нас водится. Не забыл также между коврами постлатъ кожи с убитых Алдаром и мною медведей. Пока сие приготовляли, гости уже насытились и благодарили хозяина. Я вам опять повторю, что все были веселы, кроме свирепого Муйнака, и он, вставши, ни к кому не подходил, и с кем не начинал ни слова и, казалось, как бы, что замышлял. Алдар, вставши, подошел к Ит-баю и что-то с ним говорил, так как и прочие старики в ожидании начатия борьбы между собою поговаривали; аксакал Балтас увидя, что место для борьбы уже приготовлено, подошел к отцу моему и прочим старейшинам, сказал:

— Хозяин угостил нас яствами и питьем, пора теперь посмотреть и на борьбу. Я хотя и стар, но люблю сию потеху и вспоминаю мои молодые лета, мало было борцов против меня, мне жаль, что не прежние мои лета, я бы с твоим батырь-кызом поборолся.

— Ба! Да где же она, добрый наш друг Кид-ряс! Должен ее нам показать.

— Конечно, так, — закричали все старики, — мы ведь радуясь ее возвращению к тебе собрались.

— Извольте, друзья мои, покажу. И в прибавок к ее удалству будет она сидеть на коже убитого ею медведя, пред приездом вашим. Также и батыр Алдар будет сидеть на такой же, ибо они убили по страшному медведю.

Потом рассказал он им, как сие случилось. Сии слова отца моего разнеслись по всему народу и сделали из сего общий разговор, а между тем шли к тому месту, где быть борьбе. Отец мой, увидя меня между народом, сказал: «Будь готова, я поведу тебя и покажу гостям.» Я пошла и надела новый кафтан и новую шапку, обыкно-

венный мужской наряд и пошла искать отца моего, как увидела его стоящего с Алдаром.

— Поди ко мне, батырь-кыз, — сказал он, — я покажу всем моим гостям победителей медведей. Каждый из вас сядет на коже убитого вами зверя.

Потом, взяв нас за руки, пошел в круг. Все собрание удивилось, что отец мой ведет меня вместе с Алдаром и знающие меня закричали: «Вот батырь-кыз! Победитель медведя.»

Отец мой сел в середине и посадил Алдара по правую, а меня по левую себя сторону. Удивилась я весьма, что не видала в кругу великорослого Муйнака. А спросить было о нем некого, ибо сидела я между отцом моим и Кушбашом.

Вечер двадцать восьмой.

— Почтенные мои гости! — начинает речь отец мой. — Прожив шестьдесят лет не видел я столько почтенных аксакалов, столько сильных батырей и молодых юношей, как в сей день. А более веселит мою старость то, что они приехали ко мне в гости для радости моей. Подлинно радость мне велика. Я считал дочь мою пропащею или растерзанную от свирепых зверей. Но бог мне ее возвратил и для того созвал я вас, моих друзей и единоплеменников на празднество к себе. Вы меня почтили, приехали, начали ваши батырские подвиги скачкой, а теперь прошу начать борьбой. От вас, почтенные аксакалы всех родов, (оборотясь, он к старикам сказал) зависит избрать борца и поставить на середину. Собрание прибыло несколько в молчании, но простосердечный Кушбаш сказал громко отцу моему: «Ты ласковый и добрый наш хозяин,

созвал нас для твоей радости, угостил нас пищею и питьем, ты и должен выставить первого борца, а кто может быть лучший борец, как твой батырь-кыз. Мы соседи твои знаем силу ее и проворство в борьбе, и мужество в убиении свирепых зверей. Теперь же собрались к тебе из мест отдаленных сильные батыри и младые джигитляры, пусть они изведуют с нею свои силы и прославят ее в своих родах.» Сии слова, как я заметила, отцу моему не показались странными. И только что он хотел отвечать, как все в кругу закричали: «Батырь-кызу надо начать», а отец мой оборотился ко мне сказав, чтобы я села в середине. Признаюсь вам, добрые мои слушатели, что мне самой того не хотелось, но я должна была повиноваться гласу народному. Не успела я сесть в середине, как подвели ко мне чернобородого и сутулого Бижберду. Он скинул с себя шубу сшитую из куницы и покрытую путнею и, оставшись в синем бешмете, схватился со мною. Я, зная все ухватки борьбы, тотчас почувствовала, что я его поборю. И для того не стала долго ходить, а подняла его и, повернув два раза, бросила от себя прочь на землю. Весь народ возгласил мне похвалу. А поверженный борец встав, качая головою, пошел к своим, я же села и ожидала другого противника, и тут увидела, пришедшего и занявшего место, меж прочими Муйнака. Он глядел на меня очень быстро, как бы рассматривал, а я потушила глаза и не взглянула бы долго, если бы не подвели ко мне молодого Кинзю. Он был со мною одних лет, весьма статен и проворен, но силы его не могли равняться с моими. Схватился со мною, старался меня поднимать, но не мог. А я, подняв его весьма легко и жадея больно ударить о землю, положила его тихонько на спину. Тог-

да старый отец его закричал мне: «Благодарен тебе, батырь-кыз, что ты не убила у меня сына. Он еще молод и бессилен, а я пошлю к тебе старшего».

— Поди Тлевчин, — сказал он, — если можешь, выручи брата и, поборов батырь-кыза, прославься в родах наших.

Сей борец достоин был меня. Был он ростом гораздо меня выше, плечист, силен и знающий все уловки. Схватившись, с ним мы много раз друг друга изведывали, подергивая и сжимая один другого. Наконец, он меня поднимает и повертывает около себя, я поднимаю ноги и жму его кулаками в бока и отнимаю у него дыхание. Он, повернув меня два раза, ставит на ноги. Потом, походя несколько, употребила и все свое искусство. Поднимаю его, и извертя около себя три раза, кладу на землю, но как мне сие стоило великого усилия, то и распахнулся мой кафтан, под коим был ергак и шаровары, а Иткул, сидящий близ Алдара, тотчас сие заметил и сказал ему громко: «Ба! ба! ба! Да не она ли и заикато была.» И если бы не было шуму в кругу, то бы, конечно, сии слова многие услышали, но к счастью моему, слышали их только некоторые близь сидящие из аксакалов. Я хотела идти из круга, поборов уже положенное число борцов, и оглянувшись увидела к отцу моему идущего Муйнака. Я села на место, а он с гордым видом начал отцу моему говорить:

— Кидряс! Восемь лет тому назад приезжал я к тебе и сватался за меньшую твою дочку. Но ты отозвался ее молодостью, теперь же я вижу, что она в совершенных летах и отличается батырством между сими маштаками. Притом же я слышал, что она избирает себе в женихи того, кто бы ее поборол или стащил с коня. Все таковые

ее угрозы страшают, как я уже сказал, сих малолетних и бессильных. Но мне с моею силою стыдно вступать в борьбу с девушкой. Я ее хочу иметь женой, а не единоборцем, и для того требую от тебя, чтобы ты ее за меня выдал. Если же в том откажешь, то я могу взять ее силою из среди всех вас и увести к себе.

Вечер двадцать девятый

Сие нахальство и угрозы, никогда неслыханные между мирными племенами нашими, привело всех в негодование. Отец мой и почтенные аксакалы от сих слов ужаснулись, молодые же, а наипаче Алдар и Итбай, пришли в великую ярость, и всякий стал требовать свое оружие. Я же, дабы их упредить, поспешила к себе в кибитку. Надела под кафтан мой панцирь, опоясала лук со стрелами и саблю взяла в руки и, севши на белого моего коня, прискакала в круг. Тут увидела я, что Муйнак окружен множеством наших батырей, подобно сильному медведю, окруженному злыми и лающими псами. Все укоряли его в вероломстве, в дерзости, в нахальстве, а он, оборачиваясь на них с сверкающими от злости глазами, не успевал отвечать. Почтенные же наши аксакалы, собравшись вместе и поднимая руки к небу, не знали, что начать. В сие время прискакала я в середину и, остановясь, громким голосом кричала: «Перестаньте, батыри, укорять изверга словами, а выслушайте меня, что я намерена сказать старейшинам и вам.» От сих слов батыри и народ раздались и оставили Муйнака одного посредине, и все с молчанием и с превеликим удивлением смотрели на меня и хотели знать, что я им скажу. Тогда я, возвыся голос мой, начала говорить, обращаясь к аксакалам,

которые и подошли ко мне близко: «Почтенные аксакалы, вы, прожившие уже столько лет, слышали ли от отцов ваших и видели ли сами, чтобы кто из родов наших в прежние и в наши времена нашелся столь дерзновенный, чтобы возмутил спокойные наши празднества, в коих не бывало ни свар, ни ссор, тем менее насильств. А сей урод приезжает званым гостем, не только требует с гордостью меня у отца моего в жены, но и хочет еще взять силою, а притом и храбрых батырей наших, не изведав их мужества, с презрением поносить. И так, прошу тебя, родитель мой, почтенных аксакалов и всех батырей позволить мне одним ударом пробить сие огромное туловище, дабы омыть нечистой кровью его обиду всем нашим племенам причиненную.»

При сих словах схватила я копьё мое подмышку и ожидала слова, как вдруг выходит Итбай с Алдаром из среди народа и становится между мною и Муйнаком, скрежеща от ярости зубами.

— Стой батырь-кыз, — сказал мне Итбай, — и удержи ярость гнева твоего, как он ни справедлив. Убиением изверга сего не вооруженно нарушится право гостеприимства, чего в мирных наших аулах не бывало. Да сохранил нас и впредь от сего великий наш пророк.

Потом обратясь он к аксакалам и к народу сказал:

— Угоден ли будет вам мой совет, почтенные собрание, чтобы я или храбрый Алдар вступили с Муйнаком в борьбу, несмотря на огромность его стана. Если из нас кто его поборет, то он должен тотчас из собрания нашего удалиться и остановить неистовое требование в жены себе батырь-кыза, никогда на джиины наши не являться. Если же он кого из нас поборет, то остав-

ляем решить дело самой батырь-кызу. Пусть она сама прольет нечистую кровь его избавит племена наши от сего чудовища.

Все собрание содрогнулось от дерзости батырей, а особенно товарищи Итбаевы, которые хотя и надеялись на силу его и проворство, но в сравнении с Муйнаком считали его гораздо бессильнее, а о Алдаре жалели только отец мой и я, и если случится, думала я, что он поборет Алдара, в тот миг пробить его копьем.

На слова двух батырей собрание согласилось, но у них сделался спор кому начать и друг другу не хотели отдать первенство, а Муйнак, видя их спорящих, с злобною усмешкою сказал им: «Ползущая тварь! О чем вы спорите, идите на меня оба и призовите еще товарищей своих, я всеми вами покрою прах земной.» Два батыря приходили от сих слов в ярость, но отец мой с прочими аксакалами, подошед к ним, сказал: «Смелые батыри и защитники наши! Вы одним вашим намерением вступить в борьбу с сим исполином привлекаете все наши сердца и мою благодарность. Прекратите спор ваш и киньте жребий, и кому бы из вас не вынулся, великий наш пророк, внемлящий правду, будет помощником.»

Батыри соглашались, жребий положен в шапку, и набожный Кушбай, читая в уме имам изъемот жребий Алдару. Показывает его всенародно, и возглашает, что Алдар вступает в борьбу. Я содрогнулась, а у доброго моего Алдара на лице написана была радость. Итбай с негодованием отходит.

Храбрый кыр-батыр с смелостью подходит к Муйнаку, подобно как древесек к толстому и высокому пню. Муйнак был в полтора раза его выше. Поднимая правую руку и схватя за пояс Алдара, он с насмешкою сказал:

— И одной руки довольно, чтобы бросить тебя из круга вон.

— Возьмись обеими, — сказал ему мой батырь, — и в то же время схватив за пояс его жилистыми своими руками, так сильно к себе повернул, что великана поставил на колени и сравнял его с собою. Народ, увидя сие, произнес радостные клики и получил надежду, а Муйнак в досаде сказал: «Ах! Негодный маштак, в тебе еще и сила есть.» Потом взялся обеими руками и, походя несколько, поднял Алдара. Все ожидали, что он его бросит с плеча, но сметливый батырь обнимает его туловище ногами своими, и коленами так сильно жмет, как крепкий всадник сжимает необъезженного коня. Заревел уродливый Муйнак и опустил Алдара на землю. Я, зная все ухватки борьбы, видела, что Алдару невозможно было столь тяжелую тушу поднять, он неминуемо упал бы под ним, ожидала, что он возьмет его на бедру, а Муйнак, надеясь на свою силу, как видно, и не думал сей предосторожности взять. Алдар, подбравшись под него, как бы хотел его поднять, а уродливый Муйнак, обманувшись сим и ослабив пояс, на него опустился думая телом своим придавать его, но искусный Алдар, подвернувшись под него, принимает на бедру и с великою силою ударяет о землю. Потом, вскочив к нему на грудь, схватил его за руки и топтал коленами крича: «Признайся, что ты побежден и что не только не будешь требовать батырькыза в жены себе, но и ноги твоей в ауле Кидрясовом не будет.»

Неописанная радость была во всех зрителях, все превозносили Алдара, хвалили и кричали: «Нет другого батыря кроме его в наших аулах.»

Я скочила с коня и подошла ближе к поверженному Муйнаку, которого еще держал под

ногами мой батырь. Ужаснулась я, увидя лицо лежащего. Глаза его закатились под лоб, во рту клубилась с кровью смешанная пена, зубы скрипели подобно ярящемуся вепрю, коего сильный пес держит, поймав за горло. После меня первый подбежал Итбай, а погом многие.

— Пусти его, мой друг! — сказал он Алдару, — Муйнак побежден тобою перед лицом всего народа, и не посмеет требовать батырь-кыза себе в жены.

Алдар послушался и оставил побежденного, но Муйнак не вставал и казался недвижим. Тут подошли к нему с ним приехавшие товарищи, стали его кликать, но он одним стоном отдавал голос. Стали поднимать огромное его тело, и насилу могли четверо посадить. Он, взглянув смутно на своих товарищей, сказал им: «Убит я больно, а что всего хуже, то и правая рука переломлена.» Потом, опершись на левую руку, встал и пошел к своим. Алдара же окружили наши аксакалы и говорили ему: «Ты успокоил нашу старость и защитил от насильства дочерей наших. Ибо если бы случилось Муйнаку сделать насилие, то бы и другие у него переняли.» У отца же моего не доставало слов благодарить его. Обнимал, прижимал к своей груди и называл любезным именем сына.

Вечер тридцатый

Когда Муйнак и ближние его удалились из круга, то аксакалы наши заставили молодых людей продолжать борьбу. Байджигит, о котором я выше упомянула, многих поборол. Но, вышедший на него, Тлевчин одержал над ним верх. Итбай высылал против Тлевчина брата своего Чюрюбая.

Сие два равных между собой борца долго между собою спорили. Употребляли всю ловкость и искусство, но не могли друг друга побороть и зрители велели им разойтись. И как круг остался пуст, то нахальный Илчибай вышел и сел среди него. Старый Кушбай выслал на него сына своего Шункара, который с первой схватки поднял его выше головы, и обернув два раза бросил на землю. Причем не мог удержаться от смеха Итбай как и все его товарищи говоря, что Илчибай весьма смел вызывать на борьбу, но по большей части измеряет собой землю. Шункар еще оставался в кругу и ожидал соперника. Иткул, взявши на скачке девятую ставку, против его вышел, но не мог устоять. Шункар принял его на бедру, весьма больно ударил и, не давшись более соперника, сошел с того места. День уже клонился к вечеру, и отец мой хотел пригласить гостей к вечерней трапезе, как вошел на середину круга рыжебородый Аслай из товарищей Муйнаковых. Роста он был среднего, но широк плечами и славился силою. Не знаю почему никто против его не выходил, а он, привставши, сказал:

— Разве нет уже никого, кто бы мог со мною побороться?

Сии его слова показались мне обидными, и я, не спросясь отца моего, встала с места и подошла к борцу, сказав ему:

— Хотя и много здесь батырей, но я, девушка, хочу с тобой побороться!

А он, усмехнувшись моим словам, схватился со мною. Я чувствовала в нем силу, не проворство, и мне хотелось его побороть, так как поборол Алдар Муйнака, то есть с бедра бросить. Я давала ему волю поднимать и вертеть меня, быв уверена, что он меня не поборет. И,

изнороя подвернувшись к нему боком, так сильно бросила, что унизанная марьяном тубетейка его, далеко с головы свалилась. Весь круг возгласил мне похвалу, а Итбай, подошел ко мне и отцу моему, возле которого я уже была, сказал: «Видно Муйнаку и его товарищу суждено было с бедра быть брошенным.» Алдар же, увидя, что все из круга встали и хотели идти с отцом моим, подошел к нему и сказал: «Мне хотелось побороться с батырь-кызом, но вы уже расходитесь!» А Итбай, услыша сию речь его, сказал ему: «Нет, мой друг кыр-батырь! Я тебе борюсь с батырь-кызом не советую, всякий из нас видел твою и ее силу. И если бы позволили мне Кидряс и аксакалы нечто сказать о вас обоих, то я бы сказал перед ними самую истину.» От сих слов отец мой, так как и прочие старики остановились, и около Итбая, сделавши круг, позволили ему говорить, а он начал им следующее:

— Вы видели вашими глазами, почтенные старейшины, происходящее на джиине доброго нашего Кидряса, желающего нас угостить со всею искренностью, но кто слышал от отцов или дедов своих, чтобы невинные потехи наши возмущены были такою наглостью, сопровождаемую великою силою. Всякий должен признаться из наших батырей, что сила их не могла бы удержать дерзновенного Муйнака, или бы должно было приняться за оружие и быть кровопролитию, отчего да избавит нас великий наш пророк! Кто же унизил его гордость? Кто низложил его? Кто сделал его неспособным впредь делать подобные нахальства? Это Алдар! Знаменитый батырь степного народа. Он лишь услышал неистовые слова Муйнаком Кидрясу произнесенные, порывался вскочить и поразить его. Но я удержал его, и стыдясь, что ни один из батырей и юношей наших не

вступается за твою почтенный Кидряс старость Пошел с Алдаром предлагать уродливому Муйнаку вызов. Жребий избрал достойного! Я хотя и желал занять его место, но не мог бы совершить сей подвиг. И так обязаны мы все Алдару, как храбрейшему и сильнейшему перед родами нашими, и можем не постыдно назвать его своим защитником. Какую награду воздадим мы ему? Стад наших он не требует быв сам богатым, да и не для них проехал он один (ибо храбрые товарищей не требуют) высочайшие горы, пространые степи и переплыл широкие наши реки. Слава о храбрости и силе батырь-кыза возбудила в нем ревнование, изведать самим собою справедливо ли о ней оныя. Приехал, видел и узнал. И хотя сам не вступал с ней в единоборство, но над сильными нашими батырями оправдала она при нем разнесшуюся о себе молву. И так почтенный Кидряс! И вы добрые аксакалы, не позволяйте вступать в единоборство Алдару с батырь-кызом. Ты, Кидряс, согласишься, а вы приговорите отдать батырь-кыза Алдару в жены, как достойному достойных.

Отец мой молчал, а аксакалы все единогласно одобрили Итбаев совет, и престарелый Балтас, взяв отца моего за руку, сказал:

— Старый мой друг Кидряс! Нельзя лучше найти жениха твоей дочери, как Алдара, а ему лучше невесты, как твой батырь-кыз.

Тогда отец мой сказал:

— Вы правы, мои друзья, нельзя не одобрить мнение Итбая, и я наутрие вам дам на сие ответ.

Вечер тридцать первый

Я побежала о сем сказать матери моей, а она, видя и слыша происходившее на джиине, сказала мне: «Далеко ты от нас будешь, любезная дочь! А жениха такого, как Алдар, из единоплеменных ты не сыщешь.» От сих слов почувствовала я жалость к матери моей и стала ее обнимать. А потом села, как бы к чему приговоренная, и не выходила из кибитки и не знаю, как кончилось вечернее угощение. Уже отец мой возвратился к нам весьма поздно, и призвав меня к себе посадил подле себя и сказал

— Добрый мой батырь-кыз! Сей день мы видели то, чего никогда не видели. Я еще и теперь без ужаса не могу вспомнить злобного Муйнака, который неволею хотел взять тебя к себе в жены.

— О! Сего бы он не мог сделать, — отвечала я отрывисто, — копьё мое пробило бы его насквозь.

— Но что бы из сего вышло! — отвечал мне с тихостью отец мой, — полилась бы кровь единоплеменника нашего, и всяк бы сказал, что дочь Кидрясова убила хотя наглого, но безоружного батыря. Нет, любезная дочь! Алдар лучше сделал. Он не убил, а наказал гордое чудовище и защитил меня и тебя, а может быть и всех. Слышала ли ты, какую награду полагает народ за его услугу?

— Слышала, отец мой.

— Но что же ты о сем думаешь?

— Он еще не изведal моей силы.

— Это ребячество, дочь моя. Ты уже теперь в летах и должна рассудить о пользе своей и о благодарности, какою мы все ему обязаны. Я думаю, что ты против воли моей и гласа народного не поступишь.

— Но, отец мой, всякий скажет мне, что я не устояла в своем слове.

— А я тебе опять повторяю, что это было хорошо прежде, а ныне не годится. Я знаю, что Алдар тебя любит и для того сюда приехал. Он видел силу твою и проворство, а ты видела его, да и весь народ был тому свидетелем. Не упрямясь, дочь моя! Я завтра о согласии моем возведу аксакалам и народу. Поди, спи с матерью, а я ожидаю к себе Алдара.

Ночь сию мало я спала, полюбя Алдара, желала выйти за него. Но гордость меня подстрекала, что, не изведав с ним силы, по воле родительской должна буду за него выйти. И так, не спавши всю ночь, встала я ранее обыкновенного. Выходила из кибитки, то опять в оную входила и тем разбудила мать мою, которая, видя меня встревоженною, смеючись сказала мне: «Это всегда бывает, дочь моя, накануне свадьбы.» А, между тем, услыша, что кобылиц наших подгоняли к кибиткам, сказала она мне: «Поди, помоги мне ловить и привязывать жеребят.» Я пошла за нею, и пока мы ловили и привязывали, гости наши уже начали собираться на середину коша. Отец мой, держа за руку Алдара, ведет его в собрание аксакалов и объявляет его женихом моим. Весь народ услышал сие с радостью, и поздравлял отца моего с зятем-батырем. «А тебя, — кричали, — Алдар, поздравляем с невестою батырь-кызом, от вас родится такой батырь какого в обоих наших народах не будет.»

Тут вздохнула Джюгра и сказала: «Народ предвозвестил правду: но батыря сего нет. Надобно вам знать, мои добрые гости, что я за год до смерти мужа моего, родила сына с удивительными весьма знаками, ибо на груди у него было подобие сабли, а на спине полумесяц, но к веч-

ной горести моей, которую муж мой и не перенес, через месяц после родов моих, сей ребенок пропал, о чем пространнее расскажу вам, когда в повести моей до того дойду.»

Состояние, в котором я тогда находилась, препятствовало мне надеть носимое всегда мною мужское платье и идти. Тут закричал мне мой отец и все аксакалы: «Стой, батырь-кыз!» Насилу я могла расслушать их крик от восклицания народного. Останавливаюсь и слушаю. «Аксакалы и народ, — говорит мой отец, — довольны твоим батырством. Теперь хотят они, чтобы ты схватилась с женихом твоим Алдаром. Повинуйся гласу народному и моему.»

Сколь ни досадно мне было, что не допустили меня со всеми десятью кыр-батырами изведать мои силы, но я должна была послушать. А Алдар, подъехав ко мне, сказал: «Поедем, любезный батырь-кыз, выброси и меня из седла.» Я с досады ничего не отвечала, а он, подъехав к оставшим своим батырям, велел им ехать вперед и смотреть, как и его батырь-кыз из седла выбросит. Я не знала, за похвалу ли мне считать сие или за насмешку, и предприняла употребить всю силу свою и искусство, только не дать себя высадить из седла.

Уже пустили мы коней своих и схватили друг друга, за пояс. Я пыталась его отделить от седла, но он был как прикован, равно и он не мог меня отделить. И уже подскакивали мы к сидящим аксакалам, как Алдар с такою силою поднимает меня, что подпруги у седла моего лопнули, и конь мой остался на свободе, а Алдар держа меня за кушак на воздухе, как орел малую птицу, с удивительною легкостью скакивает с коня и ставит меня рядом перед отцом моим, держа, еще за кушак. Признаюсь вам, дорогие мои гости, что

я от стыда и удивления упала бы, если бы он меня не держал. Но крик и восклицание тысячи голосов, от сего невиданного подвига привели меня в себя. Отец мой встав, стал обнимать то меня, то жениха моего, и всякий поздравлял нас наперерыв. А остроумный Итбай, подошед к Алдару сказал: «Друг мой! Ты победил другого Муйнака, но только благоправного и прекрасного.»

— Моя ли ты теперь, любезная батырь-кыз? — сказал мне мой жених.

— Твоя, конечно, — отвечала я, потупя глаза, — но весьма жалею, что подпруги у седла моего лопнули.

После сих слов оставила я собрание и пошла к матери моей возвестить ей о всем происшедшем. А дождавшись уже позже отца моего, услышала от него, что наутрие будет свадьба, что на батырь-кызе повешены будут лук и стрелы и сабля в знак, что она славится по всем родам вашим батырем. Сей лук столь туг, что один Алдар может его вытягивать. Не стану рассказывать о прочих подарках, доставшихся Алдару от отца его и нами привезенных, а он сам станет оными дарить.

Вечер тридцать второй²³

Отец мой взял за руки их Сибая и Буранбая и повел знакомить к старейшинам и батырам нашим, а потом с веселым видом сказал им:

— Дорогие мои гости! Приездом вашим вы подтвердили то мнение, которое я всегда об Алдаре имел. Чудная его храбрость и сила, и защита, показанная всему народу, а мне особенно, заставила меня дать ему в награду дочь мою батырь-кыз. О чем я уже объявил всем почтен-

ным аксакалам, батырам и народу, собравшемуся ко мне на джиин.

Обращаясь к Алдару сказал: «Позови, любезный сын, всех приехавших ко мне гостей твоих однородцев.» А Алдар просил позволения поставить свои кибитки на пригорке между деревьев, где я с ним стояла, и рассказывала ему о приезжающих гостях. Алдар пошел последующим кучею народа, в которую и я вмешалась. Удивилась я, увидя приехавших. Они казались быть почти одинаковых лет, и по цвету своей молодости, и едва резался у них ус. Одеты они были все в кармазинных кафтанах, шапки опущены были чернобурыми лисами, оружие на каждом оправлено было в серебро. Порода коней совсем была отменна от наших пород и казались все аргамаками, так как всадники батырями. Я внутренно радовалась, что вхожу в семейство к храброму народу. Алдар велел некоторым слезть с коней и идти с ним, а прочим верблюдов вести и поставить кибитки, показав им место. Они пошли к отцу моему, а я, подбежав к оставшимся, сказала им: «Я вас поведу на то место, где Алдар показывал и помогу вам поставить кибитки. Они поверя мне поехали за мною, а я взошла на пригорок между деревьев и сказала им: «Здесь ставьте Алдарову кибитку, ибо он сие место любит.» Они тотчас принялись развьючивать верблюдов, на коих лежали кибитки, были они другого образца. Я увидела отца моего, сидящего в середине. По правую его сторону занимал Алдар со своими, а по левую Итбай и прочие аксакалы. Я, обращаясь к отцу моему, спросила:

— Чего требуешь, отец мой, от батырь-кыза?

— Слезь, дочь моя, и подойди ко мне.

Я соскочила с коня, забросив повод на луку, и подошла к нему. А он, взяв меня за руку,

говорил мне: «Я призвал объявить тебе приговор аксакалов и народа, да и мою волю. Я просватал тебя за батыра Алдара, прославившегося храбростью как в своем степном, так и в нашем лесном народе.» Потом обращаясь к Алдару, взял его за руку и сказал: «Тебе вручаю я дочь мою! Да будет она тебе любезною женою и надежным помощником во всех батырских твоих подвигах и да благословит вас всевышний и великий наш Пророк.» Потом сложил наши руки вместе и обнял меня и Алдара. Тут-то явилась я женщина, а не батырь. Присев на колени и закрыв лицо мое руками, горько плакала.

— Не плачь, дочь моя, сказал мне мой отец, потрепав по плечу. Встань, товарищи Алдаровы желают изведать с тобою свои силы в борьбе. Покажи им, что ты достойна быть женою храброго Алдара, и что ты недаром на себе носишь имя батырь-кыза.

Вечер тридцать четвертый

Я повиновалась, сняла с себя оружие. Села в кругу, а коня моего отвели прочь. Первого, вышедшего со мною бороться и усиливающегося меня побороть, подняла я с великою ловкостью и положила на землю. Другого ударила с бедра, третьего бросила через себя и приготовлялась схватиться с четвертым, как Алдар соскочил с места и подошел ко мне, сказал:

— Довольно, любезный батырь-кыз! Я не имею более борцов против тебя поставить, а мне запретил с тобою бороться друг наш Итбай.

— Так пусть он со мною поборется! — сказала я с некоторым огорчением.

— А ему я не дозволю.

Отец мой, вслушавшись в сии слова, подошел и сказал:

— Алдар говорит правду, довольно, дочь моя.

Вечер тридцать пятый

Я не стану вам, любезные мои гости, подробно рассказывать о свадебном обряде, он бы только продолжил мою повесть, и нового в прибавок к обыкновениям нашим в сем случае бывающим, ничего бы не сказала. Наутрие, около полудня, взял отец мой меня и Алдара и привел к собравшемуся народу. Призванный мулла прочел никах*. И тем соединил нас с Алдаром. Потом муж мой дарил всю мою родню и старейшин наших, сколько упомянуть могу. Старый Балтас получил от него рысью даху, детям его подарил он по коню со всем прибором, кроме оружия. Другу своему Йтбаю и споспешнику в сочетании нас подарил он крепкую кольчугу с поясом, локотниками и нарукавниками, а на голову стальную сетку с серебряною наверху бляхою, присоединя к тому крепкий лук и колчан стрел с прибором. Набожному Кушбашу подарил два белых халата с золотыми травами и для повивала на чалму тонкую персидскую ткань, а сыну его коня с седлом. Короче сказать, ни один не остался от него без подарка. Отцу моему и матери множество надарил шелковых и бумажных тканей, которые (как я выше сказала) получают они на вымен от нагайцев. Да сверх того еще тестю своему подарил красный кармазинный кафтан с персидским кушаком, а Бурамбике серебряный каж-

* Молитва, которая читается при браках мусульманов.

бов. Мне же подвел обещанного коня с серебряным седлом и убором, украшенным марьяном и бирюзами, а на седле висел тот лук и колчан, из которого я убила медведя, и подведя, сказал: «Любезная батырь-хатын* и моя супруга! По удалству твоему и батырским подвигам я не смею тебя дарить женскими уборами, коих у меня хотя и много, но прошу тебя, чтобы ими не украшаться до тех пор, пока не родишь ты мне сына.» Сии его слова заставили меня закраснеться, а отцу моему и гостям сие весьма понравилось. Остаток дня все гости проводили в веселии и в обыкновенных степных забавах. Борьба, стаскивание с коней и стрельяние из луков продолжалось до самой ночи. А отец мой и Алдар с великою щедростью дарили состязующихся. Курайчи же в кругу аксакалов воспевали похвалу Алдару и мне превозносили щедрость отца моего, а потом все собрание разошлось на покой.

— Разумеется, и ты со своим любезным Алдаром? — сказал усмехнувшись Джилкибай.

— К чему эдакая шутка, мой старый друг! — сказала Джюгра, — сии счастливые дни уже прошли, и я пятнадцать лет оплакиваю моего любезного Алдара.

— После слез бывает и радость, — возразил ей Джилкибай, — во всяких летах можно наладить утешение. Вы радовались с Алдаром друг другу как юноши, а с другом моим Алабердой, поживете и окончите дни ваши также в веселии. И, если не будет у вас детей, то может быть, отыщется потерянный твой сын и утешит вашу старость.

— Ах, — завопила Джюгра, — не обнадежи-

* Хатын, значит женщина.

вай меня сим счастьем. Уже шестнадцать лет, как о нем ничего не слышно.

— Да как и слышать тебе, — отвечал Джилкибай, — когда ты никуда не выезжала, и у тебя никто не бывал.

— Ах! Окончим сей разговор, — перервала его речь Джюгра, — Я хочу досказать вам мою повесть, если она не наскучила.

— Нет, нет, — вскричал до того молчаливый Алаберда, — я рад ее слушать, почтенная хозяйка, — хотя бы довелось не пить и не спать.

— Когда так, то дослушайте же.

Вечер тридцать шестой

Три дня продолжалось пиршество в ауле отца моего, а потом гости стали разъезжаться и при отъезде звали нас к себе, желая, всякий из старших в роде, угостить нас. И хотя муж мой спешил домой, но не мог отговориться от ближних, как-то Балтаса и Кушбая, а к Итбаю сам непременно хотел ехать, что мы и совершили в несколько дней. Быв от них щедро одарены, возвратились мы в кош отца моего и начали приготовляться к отъезду. Признаюсь вам, любезные мои гости, что дни сии были для меня тяжки. Любовь ко мне родителей и моя к ним столько мною обладала, что разлука с ними казалась мне невозможна, но Алдар в один месяц доказал мне, что она возможна, и мы уже назначили день к отъезду. Я не могу вам рассказать, с какою горестью прощались со мною мои родители: они попеременно меня обнимали и проливали слезы и думали, что последний раз со мною прощаются, да оно и было так. Ибо во время замужества моего за Алдаром ни они у меня, ни я у них не была,

а посетили только меня сестра моя с мужем. Я насилу вырвалась из рук матери моей, и севши на коней с Алдаром удалились, а товарищи его и некоторые молодые люди из нашего аула гнали за нами подаренных коней, в том числе и косяк саврасых кобыл с жеребцом, которых мы с Алдаром выскакали. И как с нами было много скота, то и не рассудил Алдар ехать прежнюю свою дорогою, а пустились мы вверх по реке Ак-Идиль, по луговой ее стороне, дабы более ехать степью, нежели лесом. И хотя по дороге могли бы мы встретиться с кочевьем Муйнаковым, но я, быв с Алдаром, его не боялась, и так пустились мы в путь, оставляя великое и камышистое озеро Ачелы²⁴ вправо. Переехали реку Дим²⁵, близь ее устья. Приехали к черным водам Уршака²⁶ и переправились чрез оной близь горького Узяна, в Уршак впадающего. Дорогою охотились мы звероловством. Олени и дикие козы нам стадами встречались, коих, убивая, употребляли мы в пищу. Уже приближались мы к реке Ашкадару. Алдар и я ехали впереди, а товарищи его гнали за нами скот в некотором расстоянии. Подъезжая к реке увидели мы по другую сторону оной в правой стороне большое кочевье и пасущийся около его скот, как конный, так и рогатый. Пастухи, увидя нас, прискакали к нам и хотели знать, кто мы такие. Муж мой сказал свое имя, и что мы возвращаемся домой.

— А где ты был? — спросил один из пастухов.

— Был я в гостях у лесного народа.

— Не ты ли тот Алдар, который поборол нашего батыра Муйнака?

— Да, я тот самый, — отвечал мой муж, спрося при том, срослась ли рука Муйнака.

— О! Срослась, — отвечал пастух, — и он нетерпеливо хочет еще с тобой схватиться. И коль скоро узнает, что ты проезжаешь мимо кочевья его, то непременно к тебе выедет.

— Добро пожаловать! — отвечал мой муж, — лишь бы только было в поле, а не в коше его.

Не успел он выговорить сии последние слова, как пастухи поскакали в кош. Правду вам сказать, любезные мои гости, я содрогнулась. Не от того, чтобы не надеялась на силу и мужество Алдара, но боялась я коварства злого Муйнака. И для того уговаривала мужа моего, чтобы он в сем месте реку не переправлялся, а спустился бы ниже и, ехав, вниз по реке переехал на устье. Алдар, взглянув на меня с усмешкою, сказал мне:

— Любезная Джюгра! Неужели вышед за мужа батыря пропала твоя неустрашимость и сила?

— Нет, — отвечала я, — имел тебя с собою она еще умножилась, но я боюсь, чтобы не употреблена была против нас подлая хитрость.

— Против хитрости поставим мы свою, — отвечал он мне, потом дождавшись своих товарищей, равно и меня провожающих. Первых было числом двадцать пять, а моих пятнадцать человек. Все они были вооружены. Алдар, возместив им о разговоре с пастухами и о желании Муйнака с ним схватиться, сказал:

— Храбрые мои товарищи! И вы, неустрашимые провожатые! С вами я не побоюсь не только одного Муйнака с его товарищами, но если бы их и во сто крат более было, только бы не вмешался тут обман и ухищрение, а чтобы предупредить оное я с любезною моею Джюгрой и с вами степные батыри переправлюсь реку наперед, а потом вы, — сказал он моим товари-

щам, — переправитесь со скотом, и в не дальном расстоянии вниз по реке остановитесь.

Сказав сие переправились мы реку и, выехав на чистый луг расстоянием от коша на два выстрела, остановились. Мы увидели, что в кочевье Муйнаковом пригоняют табуны, ловят коней и их седлают, из сего и заключили, что приготовляются на нас напасть. Всякий из нас приготовил лук и скинул покрывки с колчанов. А дабы показать, что не мы хотим начать нападение, то всякий из нас слез с лошади и сел подле оной. Между тем переправились со скотом наши товарищи и, сгрудя оной, около его стали. Алдар, увидя сие, сказал: «Батыри! Я не знаю намерения Муйнакова, а слышу только, что он хочет со мной одним схватиться. Если оно так будет, то вы не делайте мне бесчестия и не помогайте мне. Если же он захотел напасть на нас со своими товарищами, с оружием, тогда уже я вам закричу, что делать».

Вечер тридцать седьмой

Алдар лишь кончил речь сию, как увидели мы большую толпу народа из коша к нам выехавшую. Пред коими являлся Муйнак, превышающий всех, и по сторону его ехал другой, малым чем ниже его. Увидя сие, вскочили мы на коней и лишь только сели, подскакал к нам с четырьмя людьми друг мой в звероловстве Байджигит, и потрясая копьём, сказал мне с сердцем:

— Неужели, ты, батырь-хатын, думаешь, что я, помогая тебе в поражении свирепых медведей, не могу помочь против злого Муйнака и его товарищей.

— О сем я и не думал, удалый Байджигит, — отвечал ему муж мой, — но оставил тебя с твоими товарищами при скоте, ибо и там люди на-

добны, а теперь вижу твою ревность, оставайся с нами. Жаль мне только, что польется кровь наших одноплеменников, но я не зачну, а зачинщик отвечать будет пред богом.»

Между тем Муйнак с толпой приближался тихим шагом. Удивительно нам было, что мы не зрели никакого оружия, это казалось нам добрым знаком. Толпа приблизясь на полвыстрела или еще и ближе остановилась. Муйнак, которого мы ясно от других отличали, слез с коня, и трое еще с ним шли к нам рядом пешие. Алдар, увидя сие, слез сам с коня, велел мне, Буранбаю и Байджигиту и пошли мы также четвером к Муйнаку навстречу. И сошедшись на несколько шагов, Алдар увидел, что ни на Муйнаке, ни на его товарищах не было никакого оружия, распоясал свой лук и стрелы, и мы сделали тоже. Муйнак первый нас приветствовал салямом. А мы ему тем же отвечали. Алдар держа его за руку спросил гордо:

— Врага ли я вижу или единоплеменника своего?

— Если бы я был враг, — отвечал с такою же надменностью Муйнак, — я бы встретил тебя с оружием в руках или бы для пагубы твоей употребил какую хитрость. Но я только знаменитому батырю, каков ты, хочу быть другом. Благодарю тебя, что ты укротил мое буйство и унизил мою гордость. Я в дерзости моей против почтенного Кидряса весьма раскаялся и теперь поздравляю тебя женившегося на батырькыз, и с позволения твоего хочу с нею поздороваться. Потом подав мне руку спросил: «Здорова ли я?» И примолвил, что он счастливо меня почитает, что вышла за Алдара замуж. Я здоровалась и с прочими его товарищами. Признаюсь вам, добрые мои родственники, что таковая

перемена в нашей встрече весьма меня обрадовала. А Муйнак, чтобы отвести всякое от себя подозрение, сказал моему мужу: «Я хочу тебя, Алдар, на сем же месте, на котором мы с тобою подружились, угостить.» И, обернувшись к своим, сказал, чтобы привели шесть пойманных кобылиц и везли бы котлы и дрова, а между тем, обратясь к Алдару, сказал: «Вели слезть твоим кырбатырам и с нами поздороваться.» Что услыша это аксакал Сибай слез с коня, а равно и товарищи его слезли и приветствовали Муйнака, который оказал великое уважение к Сибаяу. Потом сели все на разные круга. Муйнак и три его товарища и с ними Алдар, я, Сибай, Буранбай и Байджигит сели в одном, а прочие как наши, так и Муйнаковы смешались все вместе. Турсуки с кымызом показались в каждом кругу. Муйнак, налив чашку, подал Алдару, а тот возвратил ему назад, как то и у всех нас водится. Потом подал ему вторично. Муж мой выпил, а за ним и все прочие и так опорожня несколько турсуков, Алдар начал говорить Муйнаку:

Вечер тридцать восьмой

— Почтенный Муйнак! Подъезжая к кошу твоему, не ожидал я от тебя столь дружеского и ласкового приема, ибо один из пастухов твоих сказал мне, что ты меня не пропустишь и со мною схватиться намерен. И для того видел ты меня готового к бою. А теперь не знаю, что заставило тебя переменить свои мысли, или пастух сказал неправду.

— Батырь Алдар! — отвечал ему Муйнак — слова пастуха моего имеют нечто справедливое. Останавливать я тебя не иначе хотел, как дружеским угощением, а схватиться с тобой хотел и хочу не с оружием в руках, а степными наши-

ми забавами. Бороться с тобою не намерен, бив тобою преодолен. Стреляние из лука есть искусство, а не сила. А я хочу, чтобы то и другое вместе было, то есть стаскиваться с коней. А чтобы не нам двоим только быть на сем поприще, то выеду я сам четвертый, и ты выбери из своих стольким же числом товарищей.

Алдар на сие с радостью согласился и в товарищи взял к себе меня, Буранбая и Байджигита. А Муйнак избрал племянника своего Куслюбая. Сей был тот самый, который подле него ехал, ростом был малым чем его пониже, не старше двадцати лет и едва у него резался ус. Третий был рыжий и широкоплечий Аслай, которого я на джине отца моего последнего поборола. А четвертый назывался Кутлугильде проворный и удалой, казался быть батырь. А дабы виднее были сии подвиги, то положено было, чтобы не всем вдруг восьмерым выезжать вместе; а по двое, дабы остальные могли видеть и судить. Потом был брошен жребий, кому с кем из шестерых доведется стаскиваться. Первый вышел Байджигит с Кутлугильдой, второй Аслай с Буранбаем, а третий мне с Куслюбаем. Я весьма радовалась, что мне досталось с племянником Муйнаковым. Муйнак прежде хотел угостить пищею, а потом начать игры, но Алдар и Сибай присоветовали, чтоб начать играми, на что и Муйнак согласился. Обе толпы народа, как наша так и Муйнакова разошлись на довольно дальнее расстояние, чтобы дать состязающимся место. Байджигит сбросил с себя саблю и сел на коня, что и Кутлугильда сделал. Потом, отъехав на назначенное место, остановились и по данному знаку поскакали к нам. Мы видели их стремящихся друг друга стащить, и казались они в силах равны, но подскакивая к тому месту, где

стоял Алдар и Муйнак, Байджигит с таким проворством и силою подернул Кутлугильду, что высадил его из седла и бросил на землю. Лесные мои товарищи возгласили победу, а Кутлугильда со стыда спрятался между своими, ибо он считался проворнейшим в своем роде. После Куслюбая потом выехали дядя Алдаров Буранбай с Аслаем. Силы их казались равны; каждый из них старался своего противника отделить от седла, но не мог. Качались они оба, то на ту, то на другую сторону, и уже были близ конца поприща, как Буранбаев конь споткнулся, упал и уронил всадника. А сей так крепко держал за кушак Аслая, что и его стащил с собою с коня. Зрители возгласили обоим похвалу и сочли их равносильными. Дошла очередь до меня и до Куслюбая. Он сидел на добром рыжечалом коне. Я оглядела как всадника, так и коня с ног до головы и заметила, что подпруги у коня его были слабо подтянуты. Сказала во услышание всем:

— Батырь! Подтяни подпруги, ты поневоле должен упасть.

— Не подпругами я держусь! — сказал он мне с насмешкою. Сие показалось мне досадно, и я предприняла не щадить его. Схвативши друг друга крепко, мы поскакали. Я тотчас почувствовала, что силы его слабее моих, и подскакав к месту, где сидели Алдар и Муйнак, так крепко его дернула из седла, что оно свернулось, и в то время вкруте поворотила коня налево, тогда как он своему давал волю, и я его бросила на землю. Муйнак увидя сие закричал:

— Ай, батырь Джюгра! Ты и здесь моих сбрасываешь с коней!

— Не могла бы я, может быть высадить племянника твоего из седла, если бы он послушался и подтянул подпруги коню.

— Нет, нет, видно ырыс* наш пропал.

Потом все хвалили мое проворство и силу. Дошло дело до Алдара и Муйнака. Садятся оба на коней. Муйнаков конь превышает коня Алдарова, так как и всадник его превышает Алдара и в том-то и видела великое их неравенство. «Вы сами знаете, — примолвила гостям своим Джюгра, — легче отделить всадника от коня, когда сидишь его выше, а посему и не ожидала я удачи Алдару, и для того со страхом и отчаянием смотрела не спуская с них глаз». Муйнак схватил мужа моего за пояс, а Алдар его за ворот. Таким образом скакавши и подергивая друг друга, казались они в седлах неподвижными, но Алдар, соглася силу свою с силою коня своего, дернул Муйнака назад и в самое то время остановил своего, от чего Муйнак упал на спину коню своему, а конь от тяжести споткнулся задом и уронил всадника. Алдар же вскочил со своего коня и поднял Муйнака. Сколь ни стыдно великорослому батырю, но он признался, что не ожидал ни силы, ни уловки такой в Алдаре, и обнимая его, сказал ему, что он отдает ему первенство на играх наших.

Вечер тридцать девятый

Между тем как сие происходило, пришли сказать Муйнаку, что мяса уже готовы и раскладены по чашкам, а он позвал Алдара и всех его товарищей, а также и Байджигита со своими, а скот наш велел беречь пастухам из своего аула. И как мы шли к обеду, в то время Алдар сказал что-то на ухо одному из своих, чего я не вслушалась. Мы пришли к разостланным коврам, па-

* Башкирцы употребляют сие слово, когда не бывает им в чем удачи.

коих лежали шесть подушек. Муйнак сел в середине, посадя по правую сторону Алдара, а по левую Сибая. Ко мне же обернувшись сказал: «Хотя бы и следовало тебя храбрая Джюгра угощать женам моим, но как ты не только носишь имя батыря, но и есть из храбрейших, то и прошу садиться с нами, подле Сибая.» По другую сторону подле меня сел Буранбай, а там Байджигит, а засим и все наши товарищи. Муйнаковы же не сидели, а только старались нас угощать. И как день клонился к вечеру, и мы гораздо проголодались, то и ели много а поевши мясо опоражничивали турсуки с кымызом. В то время увидела я, что посланный от Алдара один из батырей, привел покрытого богатым ковром коня. Алдар, увидя его, велел ковер снять. Конь оседлан был седлом в серебряной оправе, и с таким же прибором. На седле висел лук с колчаном стрел, налучень и колчан украшены были серебряными бляхами, на левой стороне висела широкая и длинная сабля, и на правой привязан был чокмар* стальной весом в три пуда. Потом встав, сказал он Муйнаку:

— Почтенный батыр Муйнак! Благодарю тебя за сладкую твою пищу и в знак дружества моего к тебе прошу принять сего коня с седлом и все, что на нем привязано. Лук сей, стрелы и саблю отнял я у сильного ногайского батыря с жизнью. Он приезжал отгонять стада наши, а пал от руки моей. Чокмар сей было оружие злобного пярря, живущего в каменистых уральских горах. Я с ним сразился, убил его, освободил многих мусульман из его пещеры и взял сей чокмар. Да будет сие оружие в руках твоих на поражение наших врагов.

Муйнак смолчал от удивления, глядя на коня и прибор весь; а муж мой обернясь ко мне, Буранбаю и Байджигиту сказал: «Вы также должны подарить состязавшихся с вами, подите за подарками.» Я сказала на ухо Байджигиту, что для меня привезть, и они с Буранбаем пошли к кибиткам нашим, которые между тем расставлены были. Муйнак, вышед от удивления, сказал мужу моему: «Алдар! Ты храбр, силен и щедр в подарках. Приемлю их из дружбы к тебе. Да продолжится она не только в вас, но и в детях наших!» Потом снял он лук и наложа стрелу, велел одному из своих поставить тубетей, сказав, отведаю лук друга моего. И вытянув до копыя пробил ее насквозь. «Силен был ногайский батыр! — примолвил он, — но сильнее тот, кто его убил.» Потом отвязал чокмар и, махнувши им, сказал: «По плечу мне сие оружие.» И подойдя к близко стоящему дубовому пню, столь сильно в него ударил, что разбил его в щепки. «Видишь ли батырь Алдар, — сказал он, — что во мне есть сила, но с тобою схватиться не намерен.»

Потом обнялись они с Алдаром и принялись опять за чашки с кымызом. В сие время пришел Буранбай с Байджигитом. Первый принес в подарок Аслаю кармазинный кафтан, шелковый халат и пегого коня, а Байджигит подарил Кутлугильде саблю, оправленную серебром, и летнюю шапку чернобурых лисиц, я же подвела того белого коня Куслибаю с седлом и прибором, на котором я была на скачке. И еще подали мне в персидском шелке завернутое.

— Это что такое? — спросил меня Алдар.

— Серебряный кажбов, — отвечала я, — которым хочу подарить жену почтенного Муйнака.

— Ай, ай, ай! — вскричал, качая головою Муйнак, — ты всем похожа на мужа своего Алдара, и теперь вижу, что тебе за ним быть гораздо лучше, чем за мною.

Я просила позволения у Алдара видетсья с женою Муйнака. И как кош был недалеко, то и пошли мы в провожении всех, куда и коней наших за нами повели. Кибитка Муйнака была отменной величины. В ней было чисто и опрятно. Жена его была молода и собою пригожа, просила меня сесть, так как и прочих гостей. Посидев несколько и опорожнив чашки с кымызом, простился Алдар с Муйнаком, прося его на другой день на обед с женою. Я же, позвав ее просила, чтобы она и прочих женщин привела с собою.

Вечер сороковой

Возвратясь в стан наш, Алдар велел, чтобы рано поутру пойманы были восемь кобылиц для джиина, которым хотел он отплатить Муйнаку за угощение. Я сказала мужу моему, что наряжусь в женское платье для принятия моего пола гостей. Поутру встали рано, развьючили наших верблюдов, сняли ковры и разостлали их перед кибитками, а между тем спутники наши приготавливали мяса, а как кымызу с нами не было, то прислал несколько сабов Муйнак и притом велел сказать мужу моему, что он приведет на скачку лошадей, то не хочет ли и Алдар пустить из своих, а ставки будет ставить от себя Муйнак. Алдар на сие согласился и сказал, что и он несколько лошадей пустит. А вскоре потом и приехал Куслюбай с пятнадцатью человеками на резвых лошадях. Сам он сидел на белом коне, мною ему подаренном, из наших готовы были Байджигит и

четверо из степных батырей. Муйнаков племянник, взяв их с собою, поехал к тому урочищу, от которого уговорились скакать, сказав, что они около полудня прискачат. Проводя их, недолго мы ждали Муйнака, который в провожании аксакалов и прочих молодых людей своего коша приехал. Муж мой принял их и посадил на разостланные ковры, а я в женском моем наряде встретила жену Муйнакову с женщинами и повела их в кибитку. Муйнак, увидя меня в женском наряде, не мог удержаться, чтобы не сказать мужу моему: «Кыр-батыр Алдар! Жена твоя сильна в батырях и прекрасна в женщинах.»

Угощение началось наливанием из турсуков кымыза, пока мяса еще варились. А Муйнак между тем велел расставить ставки, коих числом было девять, я помню только две первые: конь с седлом и кольчуга. А во ожидании скачущих наши молодые кыр-батыри затеяли борьбу с Муйнаковыми, кою я, сидя с гостями в кибитке, не видала, а слышала только крик, обыкновенно при борьбе бываемый. Признаюсь вам, что мне скучна была женская беседа. Я желала бы хотя не бороться, но по крайней мере быть там и судить о борьбе. А с женщинами не находила я слов, что говорить, и очень рада была когда закричали, что скачут, и несмотря на гостей, я выскочила из кибитки и увидела, что мой белый конь со своим всадником несется впереди, весьма далеко от прочих. За ним виден был седок на саврасом коне, которого вдальеке я рассмотреть не могла, а за ним близко и третий. Куслибай уже прискакал, взял ставку и слез с коня, а третий седок со вторым начал равняться и скакали ухо в ухо. Тут я узнала их обоих, были то Байджигит и Кутлугильде. Еще было расстояние на полвыстрела, как Байджигит оставляет позади своего

товарища, и схватывает вторую ставку. А Кутдугильде, взяв третью, говорит с досадою: «Вчера ты стащил меня с коня, а сегодня оскандал». Остальные шесть ставок, сколько упомнить могу, две взяли наши кыр-батыры, а остальные Муйнаковы. Я после слышала от мужа своего, что Муйнак и все с ним бывшие удивлялись резвости белого коня, и что Муйнак подойдя к нему и осматривая сказал Алдару, что он коня сего где-то видел и, сколько припомнить может, был в скачке. И скакал рядом с твоим конем, но седока на нем я забыл. Муж мой открыл ему тайну и сказал о седоке, что заставило его удивиться и сказать: «Видно у батыра Джюгры много резвых коней, что она не пожалела сего подарить».

Потом сказано было, что мясо готово. Я же, не имея в прислужницах женщины, просила Байджигита, чтобы помог мне потчевать моих гостей, а он, повинувшись, принес большую чашку крошеного мяса, и сам вышел из кибитки. Гости мои ели и я с ними отведывала, а Алдар между тем угощал своих, насытившись мясами и кымызом, мужчины встали и пошли посмотреть лошадей и скот наш, который близко пасся, а я оставалась всегда в кибитке. По возвращении же их услышала я, что Алдар меня вызывает. Я вышла, а муж мой сказал мне: «Прими подарок от спорника твоего». Куслюбай держал за поводка доброго чубарого жеребца, у коего грива была до колен, и хвост тащился по земле и с ним еще такой же шерсти шесть кобылиц с жеребятами. А Муйнак мужу моему подарил серого жеребца с двенадцатью такими же кобылицами, сказав: «От сей породы был тот конь, который изменил мне у Кидрыса на скачке». Муж мой благодарил Муйнака, а я Куслюбая, примолвив, что он за

одного коня дарит мне семь, и что подарок его больше нежели мой. «Не больше, а меньше, — отвечал он, — ты, батырь Джюгра, подарил меня таким конем, какого не только у нас, но и во всех соседственных аулах нет, а равно седла и прибору такова. На джиинах я на нем буду всех наряднее, а о резвости его уже и слова нет». Буранбай и Байджигит получили такие от спорников своих подарки, подаренных коней велел мой муж вогнать в свои табуны.

Уже день клонился к вечеру, и Муйнак собирался домой, сказав своим товарищам и женам, что они могут идти, а он останется еще у нас. И как они простясь со мною ушли, то он, взяв Алдара за руку, вошел в нашу кибитку и говорил:

Вечер сорок первый

— Друг мой, Алдар! Прежде, нежели я с тобой прощусь, должен сказать тебе о пути, которым ты едешь. Оных два, один ближе, другой — далее. Первый лежит горами и ущельями. Если бы не было препятствий, то мог бы ты доехать и со скотом твоим в десять дней. Надобно переправиться реку Ак-Идиль, при устье Апкадара, и ехать в сии горы, которые тебе видны, но сей путь опасен. Первое от хищных зверей, хотя я и уверен в мужестве твоём и силе, а также и товарищей твоих, но можете лишиться скота тем паче, что места лесные и защищать его будет трудно. Но положим, что ты преодолеешь сию опасность, но есть еще почти непреодолимые. В самых вершинах Ак-Идила, где ты должен будешь переправляться, там есть глубокая пещера или, лучше сказать, расщелина в горе, тут живет

злобный пярйй, противящихся батырей побивает, а робких берет в плен и употребляет их в работу пасти скот свой, а иных держит взаперти в других ущелинах. И дает им самую малую пищу. «Не знаю, — вздохнув, прибавил он, — между которыми брат мой, сильный батырь Карабай! Он поехал сим путем, надеясь на силу свою и мужество, но назад не возвращался, и проходит тому уже третий год, как о нем никакого слуху нет. Сын его Куслобай хочет ехать его искать, но я его не пушу, а что всего хуже клялся Дью-Пярйй истребить всех правоверных, которые ему попадутся. И так любезный мой Алдар! Не советую я тебе сим путем ехать и подвергать себя, жену и друзей своих опасности. Другой же путь, хотя далее, но спокойнее и безопаснее. Он лежит вверх по реке Ак-Идилю. Места степные и к пастьбе удобные. В три дня поравняешься ты с горою Тюнтак-тау, а тут и начнутся кочевья твоих семиродцев.»

— Благодарю тебя, добрый Муйнак, за твой дружеский совет, но звание батыра, которым почли меня семиродцы, обязывает меня ехать путем кратчайшим, какие бы опасности я не встретил. А тем более, когда есть случай избавить страждущих мусульман от злодейства пярйя. Имея с собою товарищем храбрую Дююгру, не побоюсь я сразиться с Пярйем.

Я молчала, а Муйнак старался отвратить Алдара от сего пути, но все его просьбы тщетны, и Алдар казался весьма довольным, что узнал о сей кратчайшей дороге и благодарил Муйнака, дружески обнимая его с ним простился.

Вечер сорок второй

Солнце еще не взошло, но Алдар уже меня разбудил и всех товарищей. Призывает к себе Сибая и дядю Буранбая, советует им ехать дальним путем. От того, что оный ведет степями, то и для скота будет кормнее. «А я, — прямоловил он, — поеду с Джюгрой прямой дорогою, которою и прежде ехал. Дядя его и аксакал Сибай, не предвидя ему никакой опасности, в том не противуречили, но смелый Байджигит непременно хотел нам сопутствовать, на что и Алдар согласился. Кош был наш снят, верблюды навьючены, а мы под себя выбрав надежных коней, с товарищами нашими распрощались. Дни с три ехали мы без всякого препятствия. Между разговорами спросил Алдар Байджигита, знает ли он, что в дороге могут случиться нам опасные приключения?

— Не знаю, — отвечал Байджигит, — но когда я товарищем Алдару и Джюгре, то никаких приключений не боюсь.

— Нам будут попадаться свирепые звери.

— Я при батырь-кызе их убивал.

— Но слышал ли ты о злобных пяриях?

— Никогда.

— Ну так знай же, батырь Байджигит, что все твое мужество и смелость потребны, чтоб с ними сразиться. Сии злые духи, хотя смертны и могут быть поражены от сильных батырей, но потребна им помощь свыше.

Я надеюсь, — отвечал Байджигит, — что святой наш пророк, защитит всякого мусульманина, закон его проповедающего.

— Хорошо, увидим, — сказал Алдар.

Про себя же, добрые мои гости, скажу, что я ощущала какую-то унылость, во все три дня

в смрадных его пещерах. Действуйте с дерзновением, надейтесь на бога и его великого пророка». Выговоря сии слова, пошел он от нас к утесу горы. Прикосновением посоха его гора дала отверстие. Он вошел в оное, и гора сомкнулась.

Вечер сорок третий

Встреча с сим святым мужем меня и Алдара не столько удивила, сколько Байджигита, ибо я подобное сему уже видала. А равно и муж мой, сражаясь прежде с пярями, советы от благочестивых мужей слышал. Но Байджигит остолбенел от удивления, и мы уже надели свои доспехи и вооружились, а он еще не спускал глаз с того места, куда скрылся пустынный. Алдар обернувшись, спросил его, чего он еще ждет? А простосердечный Байджигит отвечал, что он ожидает, не выйдет ли еще сей святой муж.

— Да на что он тебе? — спросил Алдар.

— Я бы желал от него знать, в какие чудовища превращаться будет пярый, и как с ним драться.

Муж мой, усмехнувшись простоте его, сказал ему:

— Добрый мой Байджигит! Этот святой муж, который с нами беседовал, без сомнения послан от великого пророка нашего. Он (как ты сам слышал) не многоречив, но наставления его ясны, и предвещения не сомнительны. Довольно, что он предохранил нас от ран, а с какими чудовищами и как сражаться, это уже наше дело.

Выслушав сие, лесной наш батыр с поспешностью стал надевать на себя панцирь и оружие и, садясь на коня, сказал нам:

— Нетерпеливо я желаю сразиться с пярдем

его небесным жителем. Он, подошед к нам, и видя нас стоящих с прижатыми к груди руками и с потупленными глазами (как бы не смея на него смотреть), подал нам салям и, услыша ответ наш, спросил: «Кто вас завел сюда, добрые мусульмане?»

Алдар, ободрясь, сказал, что он избрал кратчайший сей путь к кочевью своему.

— Но знаешь ли ты, смелый кыр-батырь, — спросил его незнакомый, — что ты себя, жену свою и товарища подвергаешь великой опасности?

Я ужаснулась от сих слов, услыша, что он узнал мой пол, хотя я одета была в мужское платье и был на мне панцирь.

— Я слышал, — отвечал мой муж, — что нас на дороге встретит злобный пяррий. Но бог и святой его пророк от него нас защитит.

— По вере вашей с вами сбудется, — отвечал он, — распояшьте ваши оружия, снимите с себя доспехи, подите в разные стороны и сделайте омовление в сем ручье. Потом отправьте ваш акшам и возвращайтесь ко мне. Повинуясь ему мы пошли и все исполнили, а возвратясь увидели его еще отправляющего молитву. По окончании коей встал он, велел нам к себе подойти, и разделя четки на трое, сделал из них ожерелье, а для коней наших подал три бути*. Первые велел нам надеть на шею, а другие вплесть коням в гривы, примолвя: «Сие предохранит вас от ран, наносимых вам и коням вашим пяррием. Вам, дети мои, предопределено сразиться с сим чародеем, превращающимся в разные виды чудовищ, убить его и освободить правоверных, томящихся

* Бути -- молитва, кою вешают на шею лошади и вплестают в гриву, она бывает зашита в маленький из китайки или сукна треугольник.

в смрадных его пещерах. Действуйте с дерзновением, надейтесь на бога и его великого пророка». Выговоря сии слова, пошел он от нас к утесу горы. Прикосновением посоха его гора дала отверстие. Он вошел в оное, и гора сомкнулась.

Вечер сорок третий

Встреча с сим святым мужем меня и Алдара не столько удивила, сколько Байджигита, ибо я подобное сему уже видала. А равно и муж мой, сражаясь прежде с пярями, советы от благочестивых мужей слышал. Но Байджигит остолбенел от удивления, и мы уже надели свои доспехи и вооружились, а он еще не спускал глаз с того места, куда скрылся пустынный. Алдар обернувшись, спросил его, чего он еще ждет? А простосердечный Байджигит отвечал, что он ожидает, не выйдет ли еще сей святой муж.

— Да на что он тебе? — спросил Алдар.

— Я бы желал от него знать, в какие чудовища превращаться будет пярй, и как с ним драться.

Муж мой, усмехнувшись простоте его, сказал ему:

— Добрый мой Байджигит! Этот святой муж, который с нами беседовал, без сомнения послан от великого пророка нашего. Он (как ты сам слышал) не многоречив, но наставления его ясны, и предвещения не сомнительны. Довольно, что он предохранил нас от ран, а с какими чудовищами и как сражаться, это уже наше дело.

Выслушав сие, лесной наш батыр с поспешностью стал надевать на себя панцирь и оружие и, садясь на коня, сказал нам:

— Нетерпеливо я желаю сразиться с пярьем

или с одним из его чудовищ и на первого показавшегося ударю.

— Нет, погоди! — сказала я, — ты уже в свою очередь убил юлбарса, а теперь моя.

— Не спорьте, друзья мои, — сказал Алдар, — всем троим нам будет работа.

Таким образом, разговаривая, ехали мы целый день без всякого приключения, что и заставило нас с Алдаром думать, что Муйнак несправедливо рассказывал о хищных зверях, в сих местах живущих. Уже проехали значительное расстояние от вершины Ак-Идиля и как день клонился к вечеру, то и вздумал Алдар близ одной речки ночевать. Ночь провели спокойно, а поутру, вставши с восхождением солнца, омывшись отправили утреннюю молитву и пустились в путь. Мы ехали густым лесом и, казалось, что целый день оным проедем, как вдруг увидели перед собой на превеликое пространство степь и пасущиеся на ней табуны конские и рогатые.

— Что это такое? — спросил мой муж, увидя их, — здесь кошей у семиродцев не бывало. Поедемте ближе, не увидим ли пастухов!

Мы ехали, осматривались кругом и увидели одного едущего около косяков, который казалось, что не видит. И для того и не спешили мы к нему, а он, обернувшись и увидя нас, остановился. Что и мы сделали, дабы его не испугать, Алдар стал ему кричать, чтобы он к нам подъехал и ничего не боялся. Что он и сделал. А мы между тем к нему подъезжали. И как уже он от нас был близко, то увидели мы человека в разодранном платье. Я вглядывалась и как бы узнавала его, а Алдар с удивлением вскричал:

— Ба, ба, ба! Я вижу ильчи* царя Болгар-

* Посланный за каким делом, а иногда и посол самый так называется.

ского! К кому ты попал в пастухи? Что под тобою за кляча? И где твой добрый конь, на котором ты со мною встретился?

Он поглядел пристально на моего мужа и, вздохнув, сказал:

— Ах! Не смейся, батырь, моей участи. Да и вас зачем сюда занесло?

— Мы едем прямою дорогой, — отвечал мой муж.

— А я прямою возвращался от семиродцев. Да попал в плен к злому пярю.

— Экая беда, — сказал мой муж, — стало ты и не привезешь никакой вести своему болгарскому царю? И он, чать, глаза проглядел, тебя ожидая, и соскучился в ожидании твоих рассказов.

— Не смейся, повторяю я тебе, батырь, над моим несчастьем. Ты сам теперь и твои товарищи пленники пяриевы, ибо знай, что коль скоро кто въедет в сию степь, то уже не может из оной выехать, и оставшись пленником пяриевым, будет, как я, пасти скот. Если же найдется такой дерзновенный батырь, который захочет с ним сразиться, то он его или убивает, или приковывает к горе и томит его голодом и жаждою, давая ему самую малую пищу.

— Видно ты не хотел померяться с ним своей силой? — сказал Байджигит, — и для того пасешь скот.

— Насмешка ваша обернется вам в слезы.

— Мы это увидим, — отвечал Алдар, — но скажи мне, добрый болгар, где живет пярый, и как мы его увидим?

— Ничего нет легче, — отвечал он мужу моему, — вам только ехать вперед, то он верно вас встретит.

— Так ты нас к нему и проводишь? — сказал мой муж.

— Хотя и по неволе, но должен сие сделать, ибо вам уже отсюда, как сказал, выехать нельзя.

— Да мы и не хотим, — отвечал ему с надеждою Алдар.

Я, в свою очередь, спросила болгарца: «Не случилось ли ему видеть как он сражается с батырями, и под каким видом.»

— Нет, — отвечал он мне, — я еще у него только с месяц. В сие время ни один батырь сюда не приезжал. А слышал я, что с год тому назад или более дрался с ним один сильный батырь, которого он встретил в виде крылатого змея огненного цвета, но батырь поразил его чокмаром, а чародей, оглушенный его ударом, исчез. Батырь изумленный стоял, не видя своего противника, но в воздухе показался необычайной величины беркут и с шумом, как буря, на него налетел. Но проворный батырь не дал себя когтями ухватить и чокмаром столь сильно его ударил, что он отлетел от него на несколько сажень и вторично исчез. Батырь думал, что битва кончена и ехал прямо к его пещере, как вдруг увидел перед собой пярю в виде исполина, и с превеликой дубиной в руках. И хотя батырь был и сам роста немалого, но пярый превышал его и с конем. Отважный батырь не устранился, пускается к нему на коне и с великою силою ударяет его своим чокмаром, но неудачно. Батыря чокмар попадает по дубине пярюевой и раздробляется в куски. Чародей же, видя обезоруженного батыря, убивает под ним коня и бросая дубину, схватывает его. Отважный батырь не лишается надежды, схватывается с пярюем и начинает бороться, употребляет всю силу и искусство. Но пярый, наконец, превозмог. Ударяет

батыря так сильно о землю, что он лишается чувств. А пярй снимает с себя пояс и связывает ему руки и ноги, кладет на плечо и уносит в пещеру.

— Великий ты рассказчик, — сказал ему Алдар, — так расцветил нам, как бы своими глазами видел. Теперь я вижу, что знает царь болгарский, кого посылать примечать чудеса на земле.

— Я уже тебе сказал батырь, — отвечал болгарец, — что я не видал бою, а сего несчастного батыря прикованного видел, ибо пярйй сам посылал меня относить к нему малую пщцу. От батыря слышал я о сем изустно.

— Но когда ты так памятлив, то расскажи и про нашу битву царю болгарскому.

Между тем, приближаясь к жилищу чародеву, послышали мы подземный стук, от чего кони наши стали пугаться и не хотели идти вперед, мы, понуждая их, увидели перед собою, что земля расселась и извергла дым и пламя. За сим вышел крылатый зверь, ростом с большого быка, голову имел наподобие птицы, с кривым носом и шею длинную. Передние лапы вооружены были долгими ногтями, задние тоже. Хвост длинный, а крылья как бы у летучей мыши. По извержении на свете сего чуда земля затворилась и стук земной перестал. Мы все трое были в великом удивлении, а трусливый болгар поскакал прочь, крича нам: «Ну, батырь, посмотрим вашу храбрость».

Мне досадны были сии его слова. Я бросилась с копьём моим на чудовище и ударила его в шею. Рука моя не изменила: я пробила шею, но копьё мое изломалось, и зверь кидается на меня. Я выхватываю саблю, рублю его, он дерет

лапами коня моего и меня, платье и кольчуга моя раздирается, но я и мой конь невредимы остаемся. Сие придает мне смелости, я удваиваю мои удары, наношу ему раны и отрубаю переднюю лапу. Зверь заревел и стал невидим, оставя на месте своем густой дым. Я кидаюсь в него, но и он исчез. Осматриваюсь и вижу страшного арслана, кинувшегося на Байджигита. Казалось, что он пожрет его, но проворный батырь уже пустил в него стрелу и попал в самый зев. Зверь от сего падает, а товарищ мой ударяет его копьём и пробивает насквозь, и уже хотел скочить с коня, чтобы снимать с него шкуру, но арслана не стало. Алдар стоя примечал наши битвы и сказал: «Ну, товарищи, теперь моя работа приходит, стойте и смотрите, как я на вас смотрел, и отнюдь мне не помогайте». Не успел он сего выговорить, как увидели мы едущего к нам на вороном коне батыря, конь и всадник были роста необыкновенного, первый был покрыт барсовою кожею, а на втором доспехи из чешуи морских рыб, на голове шишак, изображающий крылатого змея, из челюстей коего исходило пламя.

— Дерзкий кыр-батырь! — закричал он моему мужу, — не думаешь ли ты, что поражением двух зверей твоими товарищами и кончилась битва? Нет, ты видишь перед собой сильнейшего из пярив, коему не только вы, презренные мусульмане, со лживым пророком вашим, но и никакая сила противостать не может. Погибнете от руки моей, или отдайтесь в плен без бою. Я заставлю пасти вас двоих табуны мои, а жену твою возьму к себе в наложницы.

— Враг бога и великого нашего пророка! — отвечал ему с яростью Алдар. — Прежде нежели мы будем твои пленники, я исторгну нечести-

вую душу твою и сожгу смрадный труп твой и пепел его развею.

Выговоря сии слова, бросился он с копьем на чародея, который, не дожидаясь его, скакал сам к нему. Удар с обеих сторон был так жесток, что копыя раздробились, но всадники остались на конях. Железо от копья Алдара осталось в броне пяривой, а муж мой не получил раны, сохраняем быв чудным ожерельем. Изумленный чародей, что копье и рука его, могущая разбить каменную гору, не нанесла батыру ни малого вреда, с яростью выхватывает длинную и широкую саблю и с остервенением бросается на Алдара, который также его встречает своею. Тут пачался у них бой, какого потомки наши, конечно, не увидят. Стук от ударов их раздавался в горах и ущельях Ак-Идиля. При всяком ударе пярй думал рассечь мужа моего с конем. Но видел его невредимого, хотя с кольчуги и сыпались кольца. От ударов же алдаровых рассекалась крепкая броня чародеева, и он получал раны. Одного укрепляла надежда и мужество, а другого сила очарованная. По долгом сражении и по испытании всего искусства и сил, удалось, наконец, Алдару так сильно ударить по шишаку пяривой, что разрубил оной надвое, а в сем-то и состояла вся сила чародея. Пока оный пребывал цел, пяривой получал новые силы, но став без шишака защищался уже слабо. Муж мой, приметя сие, поднимает обеими руками тяжелую свою саблю, ударяет по голове злодея и рассекает ее надвое. Огромное туловище упадает, а конь его, быв свободен, скачет к его жилищу. Тогда-то я и Байджигит поскакали к Алдару и поздравляли его с победою. А он слез с коня и начал совлекать доспехи с пяривой, а нам велел принести сухих деревьев, дабы сжечь труп его.

Лес был недалек. Мы, рубя его саблями, ломая руками, навязали в арканы большие связки и привезли. В то время увидели скачущего к нам болгара в препровождении подобных ему пленников, которые, упав к ногам Алдара, благодарили его за избавление. «Оставьте ваши поклонны, — говорил им мой муж, — а носите ко мне дров. Сожжем поскорее злодея вашего».

Не успел он сказать как кучи дров ими были натасканы, а мы, сложа превеликий костер, взвалили чародея и оной зажгли. Пока он горел, Байджигит, оборотясь к болгару, сказал:

— Ну, рассказчик царя болгарского, видишь ли, что Алдар устоял в обещании убить пярня, и горит уже, ты можешь о сем рассказать, когда возвратишься. Да не забудь сказать, что в сем бою ты нам помогал.

— Храбрые батыри, — отвечал болгарец, — теперь мне ваша шутка не обидна. Я рад ее сносить. Издевайтесь сколько хотите над моею трусостью. Вы избавители мои и многих мусульман, в пещере его содержащихся.

— А знаешь ли ты, — спросил его Алдар, — где сии несчастные содержатся?

— Знаю, — сказал болгар.

— Так поведи же нас туда, — прибавил он, — как скоро развеем прах вашего мучителя.

Вечер сорок четвертый

От множества деревьев, коими костер был окладен, восходил густой дым кверху и расходился по всему лесу. Слышен был смрад, так что мы принуждены были отойти прочь и стоять от одного на выстрел стрелы. Незаметно послышали пронзительный крик. Мы смотрели во все стороны, желая узнать откуда он происходит, как пока-

зались над костром две черные отменной величины птицы, кои, вившись вверху, пронзительным голосом кричали. Алдар, зная и наслушавшись о свойствах пяривых, заключил, что птицы сии, без сомнения, должны быть также чародеи, которые посредством волшебства, узнав о смерти его, прилетели о нем тужить и если можно спасти. «Посмотрим, — сказал он, — не достанут ли их наши стрелы». И в то же время, наложив стрелу на лук, проговоря имам, столь удачно пустил, что поразил одну из птиц в середину тела, и она упала со стрелою близь костра, а муж мой подбежав, оторвал у издыхающей голову и, вынув стрелу, бросил птицу в огонь, примолвля: «Гори и ты с тем, о ком тужила».

Я хотела стрелять по другой, но она, увидя падение своего товарища, так взвилась высоко, что никакая стрела долететь не могла и слышен был голос: «Отомщу за брата над тобою и над потомством твоим». Сей голос, произнесенный чародеем, весьма меня устранил. Я до сей поры себя упрекаю, что не успела пустить стрелу, в сию злую птицу в то время, когда Алдар пустил свою. Муж мой, видя меня смущенную, угваривал, чтобы я не верила сим пустым угрозам и что чародеи более страшат, нежели зло свое в действие произвести могут, и что он надеется на помощь магометову, коя в силах предохранить их от всех злых замыслов пяривых. «Оставь свой страх, храбрая моя Джюгра, — примолвил он, — поспешим скорее освободить правоверных, томящихся в пещерах». И оборотясь к болгарцу, сказал: «Почтенный посол великого болгарского царя! Веди нас в пещеры и ущелья, где страдают несчастные.»

При названии «послом» болгарец сам, засмеявшись, отвечал:

— С радостью поведу вас не в виде посла, но в виде тюремного караульщика. Сии отсюда недалеко, так как и жилище самого пярря, и куда вы хотите прежде? В жилище ли его, дабы видеть все, пограбленные им богатые доспехи и оружие от побежденных им батырей, или в пещеры, где заключены сии несчастные?

— Нет, — отвечал мой муж, — поспешим освободить узников, а то от нас не уйдет.

— Будет ли у вас столько силы, — спросил болгарец, — чтобы отвалить камень от хода пещеры, ибо один пяррий только мог сие делать.

— Самый смешной ты человек, хотя и посол царя болгарского, и должен быть из всех болгарцев умнее! — сказал ему, смеючись Байджигит. — Если пяррий твой силою своею отваливал, наваливал камень, то тот, кто убил пярря, без сомнения, уже может открыть себе путь в пещеру.

— Правда, правда, — отвечал болгарец, — радость или трусость, так во мне действует, что я глазам своим не верю.

Потом сели мы на коней и поехали к пещерам. Путь был недалек и мы увидели себя близь утесистых гор, покрытых дремучим лесом. Надобно было сойти с коней и идти по узкой тропинке. Болгарец шел впереди, а Алдар за ним. Тропинка привела нас к рассказанному камню. Он был четырехугольным, величиною в две маховых сажени, а толщиною на сажень. Муж мой, посмотрев на него и обойдя кругом, сказал: «Надобно оправдать слова Байджигитовы и отвалить камень.» Подойдя к одной стороне оногo, подпал плечом и упершись руками закричал нам: «Посторонитесь, товарищи, как бы вас не задавить.» Потом с великою ловкостью и силою отделил от входа пещеры и отвалил прочь

оний. Из отверстия пещеры выходил смрад, и мы должны были ожидать пока оный пройдет. Алдар, обернувшись к стоящему болгарцу, который от удивления поднимал руки кверху, сказал ему:

— Ну, что же ты стоишь, веди нас!

— Ах! — вскричал болгарец. — Надобно сыскать огня и принести сухих ветвей.

— Так что же ты мешкал до сей поры?

— Ох, батырь! Я все удивлялся твоей силе и не верил, чтобы можно было отвалить сей камень.

— Так полно же удивляться, скорее высекай огня.

Алдар, обернувшись к нам, сказал: «Помогайте вы ему и наберите скорее сухих ветвей, этот приближенный царский умеет только удивляться». Хворост был набран, связан пучками и всякий из нас, кроме Алдара, зажег свой пучок и в предшествии болгарца вошли мы в пещеру. Пещера была сначала узка, а потом становилась час от часу шире, и мы слышали вопль и стон, который, как после узнали, происходил от того, что чаяли узники приход пяривев, ибо он приходил иногда для истязания. Мучая их за то, что они осмеливались вступать с ним в бой, а не в плен отдавались. Я ужаснулась, увидя в первый раз в жизни моей заключенных людей в подземное жилище. При свете огня казались они полумертвыми, едва дышущими и почти полунагими. Алдар, отдав им салям, закричал громко, что пяривев убит, и все находящиеся в пещере свободны. Звук голоса его раздался по всему пространству пещеры. Имеющие еще силу ходить поспешно шли к нему навстречу и падали к ногам его. Он, поднимая их, сказал Байджигиту, чтобы он вывел их вон из пещеры, а одному из

пастухов велел пригнать скота, дабы поскорее сварить им пищу, а если есть у пярря кымыз, то прежде их оным напоить. Все с поспешностью, выходя из пещеры, друг друга давили, а слабых и не могущих идти выносили.

Алдар между тем в провожании болгарца спешит освободить скованных узников. Они идут далее в пещеру имея в руках зажженные пучки огня. Чем далее они шли, тем пещера была ужаснее. Висящие над головами их камни, казалось, подавить их хотели. Ночные птицы не могущие сносить дневного света, укрывались в сем подземном жилище, влетая в оное узкими расщелинами и видя его освещенным, летели прямо на огонь. Все сие смелого батыря не устрашало, а приводило в пуще нетерпение освободить поскорее храброго батыря. Наконец, подходят они к тому месту, где прикован был батырь. Алдар сказал ему салям; он, поднимая тяжелые цепи своими ослабевшими руками, томным голосом сказал:

— Кого из правоверных приводят еще страдать со мною?

— Не страдать, а освободить тебя я пришел, — отвечал ему Алдар, и схватя за цепи ломал их. Потом, взяв его за руку, выводит из подземной пропасти. Освобожденный узник, сидевший долго в темноте, не мог снести солнечного света и упал от слабости. Я кинулась ему помогать, обливая его водою. Полежав несколько, он встал, и как бы от глубокого сна открывая глаза, спросил:

— Кто вы таковые и как могли меня избавить?

— Помощью аллы и его святого пророка ты нами избавлен, — отвечал мой муж. — Но прежде нежели я скажу тебе, кто мы, успокойся, прими пищу, омойся в источнике и оденься

в прежнее твое платье, которое я к тебе тотчас пришло. Ибо весь мюлькат* пярив в моей власти. Он мною убит и сожжен.

Потом, взяв болгарца, пошел далее в пещеру, дабы и других прикованных освободить и, нашед их, разломал цепи, вывел и отдал в руки Байджигиту, а сам пошел со мною в пещеру, где жил чародей и где были его жены. Вход в пещеру был довольно просторен и она казалась высечена была из одного камня. При входе встретился нам старик, немалого роста, держащий в руках длинную обнаженную саблю.

— Неужели ты хочешь защищать вход в пещеру? — грозно закричал ему мой муж, — когда сам пярив пал от руки моей.

— Если ты кыр-батыр Алдар, то я брошу мою саблю, — отвечал страж, — но если другой кто, то не войдешь сюда.

— Я тот самый, которого ты изрек.

— погоди еще, — сказал старик, — если ты точно Алдар, то покажи твое ожерелье, которое тебе дал на пути святой муж.

От сих слов сделались мы почти безмолвными, и муж мой, помолчав несколько, показал ему оное и спросил: «Вот оно! Да почему же ты меня знаешь?» Вместо ответа бросил он свою саблю и упал к ногам Алдара, а потом, став на колени, начал говорить:

— О батырь! Избранный небом для избавления правоверных от мучения злых пярив, тебе одному предопределено было избавить нас. Я сам мусульманин, — продолжал он, — и сторож уже сорок лет стоя на страже в сем подземном жи-

* Мюлькат — имущество, богатство.

лице богоненавистного дью-пярия. Быв еще молод, дерзок и невоздержного житья заехал я сюда и хотел сражаться с чародеем, но силою ли своею или волхвованием он победил меня. Держал долго скованным, а потом приставил стеречь вход сей пещеры, вооружа руку мою саблею, от которой никто устоять не может, разве покровительствуемый святым нашим пророком. Я расскажу тебе храбрый батырь в коротких словах для чего спросил я тебя об ожерелье, которое вижу на шее твоей. Три дня тому назад снилось мне, что я стоял под великим утесом красной горы, вижу, исходящего из расселины оной некоего благочестивого мужа, держащего в руках своих длинные марьяновые четки. Он, подошед ко мне, и сказал суровым голосом:

— Мряс! (так мое имя) грехи юности твоей изглажены из хартии греховной страданием, претерпенным тобою в постыдной службе злого духа. Великий наш пророк обратил к тебе свое святое лицо и повелел мне сказать тебе, что вскоре приедет в ваше пагубное жилище избранный кыр-батыр Алдар в провожании жены своей и одного еще лесного батыря. Он убьет злодея и избавит правоверных из его неволи. Узнавай его по четкам сим, из которых я сделаю ему и двоим товарищам его по ожерелью. Сабля твоя сокрушится от прикосновения к Алдару, и ты получишь от руки его смерть за свою дерзость. Сей день сбылся мой сон. Я слышал о битве вашей от приехавших ко мне пастухов, узнал, что убит сам пярий и что ты застрелил одного из братьев его в виде беркута, а другого жена твоя не успела, что ты их сжег, извел из подземных жилищ страждущих мусульман, и я ожидал тебя к себе, дабы узнать, точно ли ты имеешь на себе, данное от святого мужа оже-

релье. Теперь все сбылось, благодарю бога и его пророка за избавление наше, а ты имеешь полную волю над всеми нами.

Вечер сорок пятый

По выслушании от старика его краткой повести, спросил Алдар:

— Кто живет еще в сей пещере? Нет ли еще каких узников, и где все доспехи и платье, которое снимал чародей с батырей, с ним сражающихся?

— В пещере сей, — отвечал Мряс, — живет его жена и несколько дочерей ханских, украденных пярием, а панцири, оружие и платья лежат в особливом месте, если угодно, я тебе все покажу.

— Пойдем прежде к женщинам, — сказала я мужу моему.

— Хорошо, — отвечал Алдар. — Мряс! Веди нас к ним.

Мы шли недолго и остановились у одного камня, которым был завален вход.

— Здесь они живут, — сказал нам наш вождь, — пярий всегда заваливал их камнем, когда выходил с каким батырем сражаться, надобно иметь силу отвалить его.

— Об этом я тебя просить не буду, — отвечал мой муж, и от одного толчка ноги камень отвалился.

Пещера освещалась бледным светом, исходящим из каждого угла оной, отчего лица на женщинах были как бы мертвые, и они, увидя нас, подняли жалостный вопль. Муж мой, унимая их, спросил: есть ли из них мусульманки? «Все мы правоверные», — отвечали они, — и держимся в неволе пярия».

Пока муж мой их о сем расспрашивал, я желала узнать, что такое светит в углах и, подошед, щупала рукою и к удивлению увидела, что это был чирюк*. Потом подошла я к женщинам и, приветствуя их, поздравляла со свободою. Спрашивала, которая из них пяриева жена. «Я ношу сие имя», — отвечала из них одна. Она была женщина лет двадцати пяти, весьма недурного лица, но уныла и печальна. Муж мой сказал мне, чтобы я вывела их из пещеры и там бы их расспрашивала, а я, — сказал он, — пойду со стариком и вынесу платье и оружие батырям. Я взяла за руку жену пяриеву, а прочие пленницы, схватясь друг за друга за нами шли. Вышед из пещеры, увидела я Байджигита в кругу несчастных батырей, нами освобожденных, раздающим с болгарцем и прочими пастухами им чашки с кымызом. Я отвела женщин в сторону и объявила им, что я женщина и жена батыря Алдара, освободившего их от неволи и убившего мужа ее пярия.

— Ах! — вскричала жена его, — не называйте сим именем сего злодея, ибо я имела женихом одного из ханских детей молодого батыря, отменного вида и удалства. Отец его славный Узбекхан²⁷ кочует в вершинах Иртыша. Я была просватана за Аккубяка, и уже наступило время взять ему меня к себе. Я с подругами своими выехала в поле по обычаю нашему поскакать на конях. Доброта коня, на нем убор и мой наряд отличали меня от моих сверстниц. Мы были в поле до полудня, резвясь и стаскивая друг друга с коней, и хотели уже возвращаться домой, как вдруг увидели мы волка. Все мы завизжали и поскакали за ним. Я, имея коня резвее

* Гнилое светящееся дерево, что у нас называется мышиный огонь.

всех прочих, была впереди и догоняла волка, как вдруг он пропал. Я думала сперва, что он ушел в нору, скакала кругом и искала норы, как передо мною расступилась земля, и оттуда пошел густой дым. Из коего вылетел на крылатом змее пярій. Я ужаснулась и закрыла обеими руками глаза и в ту же минуту почувствовала схваченною себя с коня. Открывши глаза, увидела себя на воздухе в руках чародеевых. К вечеру мы уже были в сем месте, пярій оставя меня до утра под присмотр старика, защищавшего вход, пришел ко мне на другой день и нашел меня в слезах. Я, увидя его, начала вопить, драть себе волосы и царапать лицо. Он, уговаривая меня прежде ласкою, потом угрозами, дал мне несколько дней на размышление. По истечении коих велел мне готовиться быть его женою. Я ужаснулась от сих слов, а он, оставя меня Мрясу, велел меня уговаривать. Сей добрый старик, хотя и сторож наш, говорил мне совсем обратное, велел надеяться на бога и его святого пророка и не забывать читать имам, а особливо тогда, когда пярій ко мне придет, а также, чтобы я не оставляла пять раз молиться в день; и для омовения он всегда приносил мне воды. В назначенный день явился ко мне пярій.

— Что, — сказал он мне, — одумалась ли ты и хочешь ли быть моей женой?

— Нет, — сказала я сердитым голосом, — я хочу лучше умереть от твоей руки, нежели согласиться быть твоею женою. И я надеюсь, что святой наш пророк не допустит меня до сего беззакония.

— О! — сказал он смеючись. — Я не стану спрашиваться твоего пророка и получу то силу, чего не мог добиться от тебя по доброй воле.

И в то время хотел он меня обнять, но как

скоро коснулись руки его до меня, то он заревел, как раненый медведь, и отскочил от меня прочь.

— Ах, скверная магометанка, — вскричал он. — От чего ты так жжешься?

Я удивилась сама и не знала, что ему отвечать. А он, постояв, пытался опять меня схватить, но всякий раз с криком отскакивал прочь и, в бешенстве своем произнося хулу на бога и на святого нашего пророка, от меня ушел. Я, оставшись одна, сколько ни думала, не могла понять, что удерживало его сделать мне насилие. Добрый мой друг Мряс не оставил ко мне прийти и, найдя меня спокойною, спрашивал, что значил крик злобного чародея. Я рассказала ему все, а он, качая головою, сказал мне:

— Счастлива ты, Гюльбика (так мое имя), тебя защищает святой наш пророк. Скажи мне, — примолвил он, — не носишь ли ты на себе дагуата?

— Ношу, — отвечала я.

— Так он-то тебя и спасает.

— Да как же он тогда меня не спас, когда чародей похитил?

— Тогда пярый сделал тебя только пленницею, ибо бог наказывает, но не погубляет, а теперь ты бы погибла, если бы согласилась с пярием, и для того тебя дагуат спас. Ради бога, не скидай его.

— Я весьма обрадовалась слыша сие, да к тому и вспомнила, что мать моя, отдавая мне его, говорила, что сей дагуат дал ей один святой муж, сказывая: кто сей дагуат носить будет, до того не коснется никакая неистовая рука! Да и подлинно так: в продолжение года, который я здесь в горе провела, ничего не мог он силою сделать, а добровольно я не соглашалась, сколько ни старался он меня уговорить,

просьбы его были напрасны. Наконец дал он мне волю выходить из пещеры и ездить смотреть табуны его, давая мне хороших коней. Таковая свобода подала повод думать пленникам, что я его жена. Я было покусилась один раз уйти, но к удивлению моему, не могла выехать, и всякий раз приезжала к пещере. Старик Мряс растолковал мне, что вся земля владения пяриева была заколдована, что въезжать в оную было можно, а выезду из оной не было. И я бы так же как и все наши узники скончалась бы здесь, если бы святой наш пророк не послал вас к нам на помощь.

Вечер сорок шестой

Так кончила свою повесть Гюльбика, и я была весьма рада, что она не жена пяриева, для чего и спросила ее: «Разве у него жен не было?»

— Были, — отвечала она, — две, от коих у него детей не было, и за то чародей убил их обоих.

— А подруги твои также верно украдены были все злым чародеем?

— Они все похищены были или от женихов, или от отцов, и иные весьма недавно.

Я, заметя двух, отменно пригожих, спросила: «Откуда они, и кто были их отцы?» Одна мне сказала:

— Я из Золотой орды, дочь ногайского бия, кочующего вниз по реке Идиль, называюсь Гюльбустан. Меня похитил пярий из рук моей матери, с которою ездила в гости к своим родственникам. Он явился к нам в виде вооруженного батыря, остановил нас на дороге и с великим нахальством требовал, чтобы меня ему отдали. Мать моя засмеялась сему, ибо сопровождаемы были мы восемью из наших мурз, исправно воору-

женными, на которых надеялись, что уймут его дерзость. И один из них, не стерпев его слов, ударил плетью по лицу. Сей несчастный удар стоил бедному Кучуку (так звали сего мурзу) жизни. Пяри с превеликим зверством кинулся на него, схватил за шею и с такою силою ударил о землю, что он тут же испустил дух. Остальные семеро пустили в него свои стрелы. И хотя всякая стрела не миновала пярив, но они отскакивали от панциря его, как от камня. Храбрые мурзы наши принялись за сабли, но и они вдребезги рассыпались о кольчугу его. А пярив, подняв свой чокмар, с нескольких ударов перебил шестерых, а одному сказал: «Поезжай в свою Золотую Орду и скажи, что сильнейший из пярив взял сию девку себе в невольницы». Потом оттолкнул мою мать, которая держала меня в руках своих, а меня схватил, как ястреб маленькую птичку, и поскокал со мною. Я не могу тебе рассказать, по земле или по воздуху он нес меня, ибо я была без памяти. И не прежде пришла в чувство, как увидела себя среди сих женщин. От страха и от горести сделалась я больна, так, что добрая моя Гюльбика и прочие подруги отчаялись о моей жизни. Но я благодарю великого нашего пророка, что он наслал на меня сию болезнь, а без того была бы я обещена злым пяривем, теперь хвала богу и заступнику нашему Магомету и вам, как бы от него посланным на избавление мое.

Выслушав ее приключение спросила я другую, подле нее стоящую: «Откуда она?» Сия девица была роста немалого, стан ее был подобен тонкому талу*, волосы и брови имела черные, гла-

* Башкирцы уподобляют тонких и высоких женщин тальнику, прямо растущему.

за такого же цвета и большие. На щеках был бледный румянец, и прежде, нежели начала мне отвечать, слезы покатались у нее из глаз. Потом, отерши их, начала мне говорить:

— Я самая несчастная девушка, дочь одного из богатейших туркменских мурз, которого, как и матери моей лишилась еще в младенчестве и воспитана была теткою. Младенческие мои лета провела я кое-как, не зная и не желая ничего. Но как начала приходить в возраст, стали меня называть хорошею, и по богатству, которое мне после отца и матери принадлежало, стали ко мне свататься многие женихи, но тетке моей не хотелось меня отдать и искала такого жениха, который взял бы меня одну, а имение мое оставил бы ей. А как такого не находилось, мне никто из молодых наших батырей не нравился, с которым бы я могла тихонько уйти и выйти за него замуж. И так оставалась я без всяких желаний. Но с полгода тому назад приехал в кочевье наше один знатный и богатый каракалпак. Сей народ живет близ Аральского моря, от кочевьев наших дней на десять езды. Зачем сей гость в жилище наше приехал, мне было неизвестно, но я часто его видала проходящего к одному из дальних моих родственников. А потом стал ходить и к моей тетке. Несколько дней прошло, и я ничего не замечала, а в один день спросила меня моя тетка, каков мне кажется сей богатый и знатный каракалпак? Я улыбаясь сказала, что он мне кажется чертом.

— Как чертом? — с сердцем она сказала.

— Конечно так, ибо что может быть чернее и гнуснее его, к тому же стар и безобразен.

— Да ты знаешь ли, глупенькая Тансылу (так мое имя), что он за тебя сватается? И я дала

слово тебя за него выдать. Ты будешь счастлива, он чрезвычайно богат и знатен в своем роде.

От сих слов тетки моей пришла я в превеликое сердце, наговорила ей много дерзких слов, упрекала ее, что хочет похитить мое имение, что упускала выгодных для меня женихов, с которыми бы я, может быть, была счастлива. Сии мои справедливые упреки ей не понравились, и она, злясь схватила меня за длинные мои косы и била, пока устала. Я однако же не переставала ей говорить, что я лучше умру, нежели пойду за сего урода. Но все сие было тщетно, и я была за него просватана.

Несколько дней спустя, когда я в один вечер была одна в кибитке и сидела за работою, взшла тетка в сопровождении Мурата (так звали каракалпака), двух еще стариков и одного муллы. Тетка моя их посадила и сказала им, что она племянницу свою выдает за Мурата и чтобы мулла читал никах*. Сии слова как стрелой меня поразили, и я, подняв превеликий крик, бросилась было из кибитки бежать, тетка моя и двое стариков меня схватили. Завязали мне рот, дабы соседи не услышали мой крик, вывели из кибитки и посадили на верблюда, на которого сел со мною и сам Мурат. Верблюд нас понес с великою скоростью. Недалеко от кочевья нашего дожидались Мурата его товарищи, коих было человек до десяти. Некоторые ехали на конях, а другие на верблюдах со вьюками. Тут развязал он мне рот и сказал, что если я буду кричать, то он опять мне завяжет.

Я, быв в его руках, долженствовала повиноваться. А он, лаская меня, говорил, что я буду богатейшая и знатнейшая в его роде. И как сва-

* Никах — венчальная молитва.

дебная молитва не закончена, то он намерен свадьбу сделать, приехав домой. Сии слова меня обрадовали, и я не знаю, какая-то надежда мне являлась избавиться от руки Мурата. И так посадя меня на верблюда одну, сам сел на другого, и, продолжая путь до полуночи, остановились ночевать.

Вечер сорок седьмой

На другой день надобно было переезжать песчаные места, от чего и езда наша была тиха. Каракалпак, видя меня спокойною, был сему весьма рад и говорил мне много ласковых слов, на кои хотя я и отвечала, но с потушенными глазами. Путь наш продолжался без всяких препятствий, и уже Сыр-Дарья была у нас в виду, как увидели мы на воздухе огненный шар. Он летел с полуночи прямо на нас, и над головами нашими с великим треском лопнул. Мурат и его спутники падали на землю, иные с коней, иные с верблюдов. Я одна, не знаю почему, осталась на моем и увидела перед собою на крылатом вороном коне батыря во всеоружии. «Девица, — сказал он мне, — я избавлю тебя от сего каракалпака, он не достоин иметь тебя женою». Я хоть и не упала с моего верблюда, но от страха не могла произнести ни слова. А между тем батырь на крылатом коне, схватив меня с превеликим проворством, посадил позади себя и закричал Мурату и его товарищам: «Ищите себе другую девку, а эта мне надобна». Выговорив сие, пустился он со мной. Я держала его за пояс так крепко, что руки мои онемели, и не привыкши летать по воздуху, была я без памяти. Долго ли были мы в пути, того я сказать вам не

могу, но три дня тому назад была уже я в пещере, в которой вы нас нашли. От необыкновенного пути я весьма ослабела, и женщины сии привели меня в чувство. А я в сие короткое время не успела еще со всеми познакомиться и не знала, благодарить ли мне их, или нет за попечение обо мне, ибо я из одного зла попала в другое. Теперь же да воздаст им и вам, наши избавители, великий пророк. И да не подвергнет нас впредь подобной участи. Тем кончила Тансылу свою повесть.

Я желала знать и о прочих женщинах. Одна из них постарее сказала мне со слезами:

— Не спрашивайте нас, мы к несчастью наложницы пяривеы. Не имели мы столько твердости, ниже столько надежды на покровительство святого Магомета. Иные были обольщены, иные уstraшены. И так просим: не заставляйте нас объявлять наш стыд. Несчастье бы наше усугубилось, если бы мы имели от пяривеы детей. И для того-то похищал он вновь девиц, дабы произвести свое мерзкое племя.

Я сколько могла старалась ее уговаривать, чтобы она не печалилась. Грех их невольный, что, бывши пленницами, нельзя им было противиться против столь злобного духа, и что бог, видя их раскаяние, конечно, их простит.

Пока я с ними разговаривала, подошел ко мне мой муж и старик Мряс, которому сказала я, чтобы он женщинам принес пить и есть. Алдар спросил меня, не хочу ли я посмотреть избавленных батырей, которые теперь несколько успокоились, надели свое платье, и уже им роздано оружие, которое хранилось у пяривеы. Я пошла с ним и нашла их, сидящих в кругу. Радость являлась на лицах их. Алдар подвел меня к одному чернородому батырю, лицо которого мне

казалось знакомым. Роста он был весьма большого и не старше сорока лет.

— Вот, — сказал он мне, — добрая моя Джюгра! Кого нам бог велел освободить. Это брат друга нашего Муйнака, так искренно нас угостившего. Это тот сильный батырь Карабай, от которого едва не пал пярый. Два очарования им были истреблены. Но сражаясь с самим чародеем сокрушилось его оружие, и тем только превозмог враг его.

Я пожала руку Карабаю и поздравила его со свободой, а он, привставши, взял мою, жал крепко и сказал:

— Бог воздаст сауап* мужу твоему и тебе за избавление меня и многих мусульман. Посмотри на них, как они все воссылают благодарные молитвы ко всевышнему и просят, дабы он сохранил вас от всякого зла.

Я просила его, чтобы он сел и отдыхал, а сама, отойдя от него, смотрела на других. Глаза мои остановились на одном батыре в кармазинном кафтане. По левую сторону лежал его панцирь, по правую лук со стрелами, а сабля лежала перед ним. Вид он имел мужественный, отчаяние и печаль изображались на лице его, и он, как бы не чувствуя своей свободы, смотрел на свое оружие с негодованием. Я спросила мужа моего, знает ли он имя сего батыра, и каким случаем сюда попал?

— Я его расспрашивал, — отвечал он мне, — это удивительный человек! Он не радуется ни свободе своей, ни возвращенному оружию, а прозяная имя жены своей, говорит: «На что мне оружие и свобода, когда не мог найти любезную свою Гюльбику».

— Ах! Я ему могу принести хорошие вести. Да как его зовут? — спросила я мужа своего.

— Аккубьяк, — отвечал он мне довольно громко.

Батырь, услыша имя свое, взглянул, а я спросила его: отдохнул ли он и в силах ли от меня выслушать хорошую весть?

Он, поглядев на меня пристально, сказал:

— Я не знаю батырь, кто ты таков?

— Я товарищ Алдара.

— Вы уже принесли хорошую весть страждущим мусульманам, освободив от плена.

— Я хочу тебе особенно сказать.

— Нет для меня хорошей вести! Погибла моя любезная Гюльбика.

— А если я тебе скажу, что она жива?

От сих слов вскочил батырь и, схватив саблю, спросил меня отрывисто: «Где она? Пойдем ее освободить». Я, схватив его за руку, сказала ему: «Успокойся, батырь, Гюльбика избавлена, но еще не знает сей радости, что ты здесь».

— Она была во власти чародея! — и с сим словом сел, потупив глаза.

— Послушай, Аккубьяк! Хотя невеста твоя и была во власти чародея, но она так непорочна, как райская девица! Святой пророк наш защитил ее от насильства неистового врага ее. Собери силы свои, батырь! Пойдем, я ее покажу тебе.

Алдар слушал меня с удивлением и сказал:

— Подлинно, ты принесла ему хорошую весть! Поведи же его и покажи, что для него всего милее.

Алдар взял Аккубьяка под руку, ибо от слабости он не твердо был на ногах, а я шла перед ними и, не доходя до женщин, остановила их, чтобы меня подождали, пока я подведу к нему Гюльбикю и, пришед к женщинам, сказала ей:

«Бог сугубо награждает твою чистоту, он избавил тебя от врага твоего и возвращает тебя твоему любезному жениху. Пойдем, вон он с Алдаром тебя ожидает».

И лишь только я выговорила, она бросилась опрометью. Я не успела на нее взглянуть, как она была уже в его руках. Они схватили друг друга и плакали от радости. А мы с мужем радовались, что великий пророк наш избрал нас на освобождение сих супругов.

Вечер сорок восьмой

Аккубьяк и Гюльбика, видя нас, стоящих и с радостью смотрящих на них, кинулись к нам, первый обнимал моего мужа, а вторая меня, и мы бы долго не вырвались из их рук, если бы не подошли к нам Байджигит и Карабай, которые, увидя Аккубьяка, обнимающегося с женщиной, захотели узнать о сей внезапной их встрече, коим Алдар сказал, что батыр Аккубьяк нашел свою невесту, которую пять лет считал погибшею. Муйнаков брат и лесной батырь хотели знать, каким образом Аккубьяк потерял свою невесту, и просили его рассказать. Но муж мой советовал им, чтобы обождать несколько, пока сварят мяса, ибо время и нам после трудов поесть. Любопытные Карабай и Байджигит согласились на сие, и последний поспешил приготовлением обеда. А велел Мрясу, болгарцу и прочим пастухам расстелить найденные у пярня богатые ковры и спешить подавать мясо.

— Да пора и вам, дорогие мои гости, обедать! — примолвила Джюгра. Я столько расплодилась вам в моей повести, что и забыла вас оным потчевать.

— Правда, повесть хороша и удивительна, — сказал шутливый Джилкибай, — но и поест надобно. Ибо уже солнце гораздо зашло.

— А мне совсем есть не хочется, — отвечал Алаберда, — я бы трои сутки не пивши и не евши рад слушать рассказывающую Джюгра.

— Твое дело женихово, тебе так и надобно, а мне поистине есть захотелось, и так заслушался, что и чашки кымызу не выпил.

Так разговаривали два друга, пока хозяйка ходила за обедом, но вошедшая Джюгра с кушаньем прервала их речь. Она, подавши им по обычаю вымыть руки и длинное полотенце, просила их отведать еестряпни. Джилкибай, проглотивший горсти две бишбармаку, сказал:

— Обед, на котором повесть твоя, почтенная Джюгра, остановилась, верно не так был хорошо приготовлен, как сей?

— Тот был для меня вкуснее, — отвечала она, вздохнувши. — Я сидела тогда подле храброго моего Алдара, которого считала сладостью моей жизни.

— Вот! Это уже и не по сердцу нынешнему твоему жениху, — сказал веселый Джилкибай.

— По сердцу или нет, — отвечала Джюгра, — я не хочу его обманывать и говорю ему в глаза, что если предопределено ему быть моим мужем, я буду ему послушна, но любить так, как Алдара, не могу. Да и он сам от меня сего требовать не может.

— Почтенная Джюгра, — сказал Алаберде, — сказанное тобою есть самая истина. Брак наш с тобою не есть от самохотения, а от предопределения. Я не хотел и не думал ни на ком жениться, что уже слышала. Батырь в серебряной броне велел мне последовать совету моих однородцев. А святой пророк пустынный утвердил

меня в этом и велел мне непременно к тебе ехать. Да и сама ты, добрая Джюгра, в повести своей нам нечто о нем сказала.

— Да, сказала я, — отвечала Джюгра, — что я его знаю, что он в печали моей после Алдара утешал меня и предвозвестил мне второй брак, для какого-то чудного происшествия, о коем однако от меня скрыл.

— Да разве это не чудное будет происшествие, — возразил Джилкибай, — когда мы убьем еще пярня, без чего Джюгра и руки Алаберде не даст.

— Правда, что это великое дело, — отвечала Джюгра, — и прославит вас во всех семи родах. Однако же не то, что предвозвестил пустынный, и я сколько его не спрашивала, он открыть мне не хотел да и вопрошать запретил. И так повторяю вам, что брак мой с Алабердой должен быть непременно, если вы убьете другого врага моего.

Оба друга клялись, что они затем приехали, чтобы защитить ее от врагов или умереть, разговаривая таким образом, опорожнили, однако же, всю чашу и выпили еще по несколько чашек кымызу. Хозяйка спросила их, не хотят ли они отдохнуть, что де ей и самой надобно. Гости согласились, и Джюгра, их оставя, ушла в маленькую свою кибитку.

Алаберда и его товарищ спали бы еще долго, если бы не разбудило их ржание жеребят и кобылиц. Ибо наступило время Джюгре отвязать первых и пустить к матерям. Алаберде, вышед из кибитки, застал ее в сей работе, и упрекал ее, что она не заставила себе помочь. «Будет еще и вперед тебе время помогать мне», — отвечала она, покрасневшись.

Сии слова были вместо масла нашему пожилому жєніху. А потом вышел Джилкибай из

кибитки. Они оба ходили около косяков и дожидались, покуда удосужится хозяйка. Она не замедлила вылить надоенное молоко в сабу и с турсуком свежего кымыза подошла к ним.

— Довольны мы твоею пищею, — сказал Джилкибай, — брюхо сыто, но душа желает дослушать твоей повести. И так просим тебя оную продолжить и окончить.

— Извольте слушать, мои любезные гости. Помните, я остановилась что велено было Байджигиту поспешить обедом. Ковры были разостланы и большие чаши с мясом расставлены. И хотя освобожденные нами уже и насытились, однако же муж мой просил всех, чтобы побеседовали с нами, а также и женщин в особом от нас кругу посадили. Байджигит и для них разостлал ковры и часто из нашего круга ходил к ним. Я же с Гюльбикой села с мужчинами, подле меня сел Алдар, а подле ее Аккубьяк, а Карабай сел подле Алдара, я уже вам сказала, почему вкусно мне было кушанье, и так я ела много. Муж мой, увидя болгарца, вскричал ему: «Подойди ко мне, ильчи!» И велел ему сесть против себя. Кормил его, по обычаю нашему, из своей горсти и смеючись говорил ему:

— Не забудь же, ильчи болгарского царя, рассказать ему, как тебя угощал кыр-батыр, только лишнего не лги!

— Если я буду рассказывать то, что я видел своими глазами, то в том мне не поверят!

— Зачем же и посылать, когда не верить! — отвечал мой муж. — Да, нашел ли ты своего коня и свое болгарское платье и оружие?

— Конь мой пасется с прочими, — отвечал он. — А платье и оружие Мряс мне отдаст.

— Поди же поскорее нарядись и приходи сюда, дабы я тебя видел настоящим ильчою.

Мясо было съедено, и чаши унесены, а на то место поставлены тапяны* с кымызом. Муйнаков брат держа в руках чашку сказал Аккубяку:

— Житель быстрого Иртыша! Расскажи нам повесть свою и батырские подвиги. Как лишился ты невесты своей и как, наконец, подпал равному со мною жребию?

Вечер сорок девятый

— Когда уже вы сами изрекли имя той реки, при которой отец мой кочует, — начал сим повесть свою Аккубяк, — то и остается мне к сему прибавить и назначить место в лучшее летнее время кочевья нашего. В полуночной стороне видны от нас высокие горы, хребты коих покрыты дремучими лесами, изобильные разных родов зверьями. Из среди их истекает быстрая река, называемая Ульба²⁸. Иртыш, приемля в себя ее воды, выливается из гор в просторную долину, откуда видна степь сопредельных нам кыр-казаков²⁹. Народ, богатый скотом и с нами враждующий. Нередко делают они набеги на кочевья наши, и хотя сами богаты скотом, но из единой охоты к хищничеству отгоняют табуны наши. Правда, что редко им сие удается, и по большей части платят за то своею жизнью. Отец мой, Узбек-хан, состарившись в батырском ремесле, поручил нам — двенадцати сынам своим — смотрение за скотом. Каждый день один из нас объезжал табуны, примечая по реке Сакмы**³⁰ не перешли ли кыр-

* Чистая деревянная кадка, в кою из сабов наливают кымыз и перед гостей ставят.

** Следы, или шляхи.

казаки, и если сие из нас кем примечено было, тотчас даем знать в кош отца нашего, тогда остальные одиннадцать братьев садятся на коня, последуемы молодыми людьми. Поспешают гоняться за ними.

— Есть ли из кыр-казаков батыри? — спросил Карабай.

— Есть весьма сильные и искусные в стрельбе из лука, а наиболее проворно действуют копьем. Я из них многих знаю, и могу назвать имена их. Сильнейший из них называется Каратаубатыр, Буранбай и Жанузак, последние из них больше хитры, чем сильны. Сии батыри никогда не ездят на промысел во многолюдстве, а всегда одни. Я сие знаю потому, что с Каратау встретился сам и изведаль силу. И сие случилось за несколько месяцев перед сговором моим с Гюльбикою. Не стану я вам рассказывать о битве, которую с ним имел, ни о следствиях после оной происшедших. Это заняло бы много места в моей повести. А скажу только, что бой наш кончился в его неудачу. Он был мною изранен и взят в плен. Я, почитая его мужество и силу, отпустил его с позволения отца моего без выкупа. А кыр-казаки, видя своего батыря возвратившегося, дали нам слово, чтобы не делать набегов на нашу сторону.

Я уже упомянул, — продолжал Аккубьяк, — что происшествие сие было за несколько месяцев до сговора с Гюльбикою, а теперь расскажу вам случай, как я ее увидел и полюбил. Мы были званы на джиин, в кочевье к одному из почтенных наших аксакалов по имени Кутлубай. Званых гостей было много, и после обыкновенного угощения начали мы степные свои игры, скакали и стаскивали друг друга с коней. Давлетбай, молодой и проворный батырь, сын Кутлубаев, видя подо

мною резвого коня и что я нескольких джигитляров уже высадил из седла, подъехав ко мне, сказал: «Конь твой резв, и ты сам батырь. Я видел твоё проворство и силу и желал бы тебе показать сестру мою Гюльбику, которая также бросает девок из седла, как ты мужчин. Если ты хочешь, поедem посмотрим. Отсюда недалеко все девушки собрались и, верно, уже начали свои игры».

Я с охотою согласился, и, ударив по тебенькам, поскакали мы на ближнюю гору, на коей остановившись, увидели мы рассыпавшихся по долине девушек. По платью их можно было уподобить разного рода цветам, колеблющимся ветром. Иные были в синих и красных, иные в голубых и зеленых кафтанах, а солнечные лучи, ударяя в их головные уборы, отражали блеск. Иногда разделялись они на две толпы, нападали друг на друга и стаскивались с седла. Иногда, собравшись вместе, скакали во всю прыть, дабы видеть резвость коней своих. Я заметил, что девушка на белом коне, в красном кафтане была всех проворнее, а конь резвее, и для того спросил своего товарища:

— Не это ли сестра его?

— Ты угадал, батырь, — отвечал он мне.

— Ты правду сказал, много она побросала девок с седла. Нельзя ли поближе к ним подъехать и попробовать с ними силы.

— Очень можно, поедem.

И лишь только поехали мы к ним, то несколько девушек прискакали к нам и, окружая, спрашивали: не хотим ли мы с ними поскакать или изведать силы? Товарищ мой сказал, что он охотно принимает их вызов и для того привел с собою гостя. А между тем и прочая толпа нас окружила. «Скакать, скакать!» — закричали все. Я советовал выровняться и назначить место до коего скакать.

«Видишь ли ты, батырь, — сказала одна из девок, — вон вдаль дерево? Мы поскачем до него и оттуда назад». «Согласен», — отвечал я.

Потом выровнялись и пустились. Сначала скакали кучею, а затем иные начали отставать, иные брать перед. Белый конь со своею всадницею начал многих оскакивать и был уже первый впереди. Я попустил поводя своему аргмаку, а он, бывши приготовлен к скачке, с такою резвостью скакал, что оставил всех позади, и я начал равняться с Гюльбикою. Она, увидя меня, с ней равнявшегося, ударила своего коня и по обыкновению гикнула. Конь прибавил резвости, но и мой не отставал. Мы двое далеко отделились от задних и прискакали первые к дереву.

— Надобно здесь остановиться, — сказала мне Гюльбика, — и подождать отставших, дабы они видели, что мы у дерева были.

Вечер пятидесятый

Пока прискакали задние, смотрел я на Гюльбику, не говоря ни слова. Она также на меня поглядывала и, потупя глаза в землю, сказала, что резв твой аргмак и мой белый конь считается первым между всеми, которых ты видел. Я отвечал ей, что если бы я на него не надеялся, то бы и не пустил его с ней равняться. Таким образом, рбеля мы друг друга, разговаривали о конях, а на уме, может быть, совсем другое было. Но не доставало нам слов, ей от стыдливости, а мне от застенчивости, и мы промолчали бы долго, если бы не подскакали к нам задние, между коими Давлетбай спрашивал меня: «Уже вы давно здесь?»

— Давно, — отвечала Гюльбика.

— Что, сестра, — сказал он ей, — видно игрений конь Узбекова сына не тупее твоего буз-аргамака?*

— Теперь еще неизвестно, — отвечала она, — ибо прискакали мы вместе, а увидим, что будет в возвратный путь.

Выговоря сие, поскакала назад. Кони наши с Гюльбикою оторвались от прочих. Я заметил, что она поуждала своего, а мой еще был в силах, и мог бы уйти, но мне сего не хотелось и я его удерживал, что, однако же, Гюльбика заметила. Уже близко было то место, где оканчивалось наше поприще. Мой бы конь верно ушел, но я не дал ему воли и прискакал вместе, слезли с коней и их водили. Вскоре прискакали к нам и прочие, и услыша, что кони наши вместе пришли, удивлялись одинаковой резвости. Я, не рассудя долго остаться в девичьей толпе, сказал своему товарищу, что пора ехать, и не заезжая к нему на джиин, поеду прямо в мое кочевье. Давлетбай удивился моей торопности и уговаривал меня остаться, но я поупрямился, и севши на коня, поскакал. Домой приехал уже ночью, но ночь сию худо спал. И девушка на белом аргаме не выходила у меня из ума. Вставши рано поутру, пошел я к отцу моему и сказал, что бывши на джиине видел Гюльбику, дочь аксакала Кутлубая, что она мне понравилась, и просил его ее за меня послать посватать. Отец мой весьма был рад, ибо давно мне предлагал о женитьбе, но я всегда отговаривался. Призвав к себе почетных из нашего аула, послал их к Кутлубаю сватать за меня дочь его. Посланные на другой день возвратились и привезли мне радостную

* Буз, значит, белый, говоря о конской шерсти.

весть, что Кутлубай соглашается выдать за меня дочь свою. Да и Гюльбика охотно за меня идет. Отец мой, не желая долго медлить, послал меня с большим числом людей нашего аула. Ведены были кони, везены были подарки. Кутлубай уже нас ожидал, встретил, угостил. Меня особенно приветствовал и говорил, что он радуется вступить в родство с ханом и иметь зятя батыря. На другой день призван был мулла для прочтения никаха. При нем и при прочих старейшинах объявила согласие свое Гюльбика. Молитва брачная прочтена и тем, как вам известно, кончилось. Но я при всей моей радости, чувствовал какой-то страх и объят был ужасом, не понимая и сам отчего. Гюльбика, вставши, просила отца своего, чтобы он позволил ей с подругами ее, во-первых, оплакать свое девство, а потом, по обычаям их, поскакать и порезвиться на конях. Отец ей сие дозволил. Она, встав, взглянула на меня и вышла вон, у меня же померк в глазах свет, увидя ее отходящую. Колени мои подогнулись, и я упал. Товарищи мои меня подняли и вывели из кибитки, а я, опомнясь, смотрел во все стороны и говорил: «Она уехала!»

Один из аксакалов, смеючись, сказал мне: «К ночи будет!» Сия насмешка вывела меня из иступления, и я хотя принужденно, но принял мой прежний веселый вид. Однако же не мешался в забавы, которые тогда отправляться начали, и как бы предчувствовал свое несчастье, ходил и все смотрел в ту сторону, куда уехала моя невеста.

День уже клонился к вечеру, а некоторые из подруг моей невесты не возвращались. Уже некоторые из празднующих начали говорить, что долго не едут, как вдруг увидели мы с той горы, куда я перед тем выезжал, скачущих в россыпь

и необычайно кричащих девок. Празднующие сим были встревожены, все бегут им навстречу, куда и я побежал. Первые прискакавшие девки кричали: «Она пропала! Она пропала!» И сей крик повторяем был и прочими подскакивающими.

— Кто она, — вопрошает во многие голоса народ.

— Невеста, Гюльбика, — отвечали они.

При сем слове я остолбенел, а потом пришел в превеликую ярость. Сердце у меня билось, члены дрожали, но опомнясь, кинулся я к одной скачущей девке, хватаю коня ее за повод, останавливаю, спрашиваю, куда они дели мою невесту и что с нею сделалось?

— Ах, несчастный батырь, — сказала она мне. — Среди игр наших и скачек, попался нам волк, за которым мы пустились. Гюльбика, сидевшая на буз-аргамаке, резвость коего тебе известна, была всех впереди, и догоняла зверя, нам казалось, что она уже достает его плетью, как вдруг зверь пропал, и около Гюльбики сделался густой дым. Мы оробели и не знали, что делать? Скакать ли в дым или нет! Но вскоре увидели вылетевшее из дыму крылатое чудовище, на коем сидел батырь и держа Гюльбику на руках полетел с нею на полночь.

Вечер пятьдесят первый

От слов сих стоял я как громом пораженный. Приехавшие со мною товарищи и аксакалы меня окружили. Старались меня утешить, но я ничего не внимал. И долго им не отвечал, наконец, опомнясь, сказал я: «Пойдемте к Кутлубаю». Пришед к сему почтенному мужу, нашли мы его в слезах, а мать Гюльбики рыдающую. Я, увидя его, упал

к нему на шею и сказал: «Отец мой! Я еду искать Гюльбику и не возвращусь к тебе без нее».

Потом, вышел, из кибитки, спрашивал мое оружие и коня. Товарищи мои ужаснулись от странного моего намерения. Старались мне отсоветовать или по крайней мере говорили мне, чтобы я ехал к отцу моему, и с его позволения предпринять сей неизвестный путь. Но все было напрасно. Я ничего не внимал и даже не хотел подождать до утра и сам пошел искать моего коня и оружие. А нашед оное, опоясал колчан со стрелами и саблєю, сел на своего коня и просил аксакалов, со мною приехавших, чтобы они утешили моего отца, а если я и не приеду, то у него останется еще одиннадцать сынов. При сем слове ударил я своего коня и поскакал куда и сам не знал. Ночь была светлая, потому что тогда было полнолуние. Я вспомнил, что чудовище полетело на полночь, и для того ехал я так, чтобы луна светила мне взад. Я ехал целую ночь, и солнце осветило меня в неизвестных мне местах, но сие меня не устрашало, в голове моей была только полночь. День весь также провел я в пути, не давая отдыха коню своему, и к вечеру почувствовал я голод, да и конь мой нагибался и хотел щипать траву. Я слез с него, дабы отдохнуть и провести тут ночь, и весьма удивился, увидя в тороках моих полный турсук кумыса, который я не заметил, сядясь на коня, и кто его привязал, не знаю. «Сего турсука довольно мне!» — сказал я сам себе и больше одной чашки в день я пить не буду. Поутру встав рано, поехал я далее. Удивлялся, что никого не встречаю, и ни от кого узнать не могу, в каких я местах. А всего мудренее, что и никакой зверь не попадался. Таким образом продолжал я многие дни. Проезжал горы, леса, степи, и турсук с кумысом я опорожнил и от голоду

уже начал слабеть, что и принудило меня стрелять птиц и ими кормиться. Уже прошёл месяц, как я был в пути, потому что в другой раз увидел я полную луну. В один день, проезжая густой лес, услышал я страшный звериный рев. Я смотрел вокруг, но в густоте леса ничего нельзя было видеть, а рев, казалось, ко мне приближался или я к нему ближе подъезжал, и выехав на поляну, предоставилось мне странное зрелище. Арслан* дрался с крылатым джиланом**. Сей последний имел кожу огненного цвета, а крылья черные подобные нетопырю. Ноги звериные и острыми ногтями вооруженные, голову длинную, и нос кривой, как у беркута, только несравненно толще. Хвост же имел длинный с острыми чешуями. Сии два зверя дрались с остервенением. В арслане видна была сила и проворство. Он с великою легкостью бросался на змея, нападая на него и с головы, и с хвоста. И я приметил, что крылья змеиные лапами льва были разодраны. От чего сей последний потерял способность подниматься на воздух, а, становясь на задние лапы, схватывал передними льва и раздирал на нем кожу, а более наносил ему вред длинным своим хвостом, вооруженным острыми чешуями. Лев же хотя и терзал его сильными своими лапами, но как тело змеиное покрыто было также чешуею, то и не мог он раздирать его. Я, видя их бой, стал сожалеть об арслане, почитая его царем зверей, и вдруг пришла мне мысль, что батырь, увезший любезную мою Гюльбику, сидел на крылатом змее. Выхватываю из колчана стрелу, кладу на лук и, подскакав к бьющимся, пускаю стрелу в

разодранное крыло змею, как бы зная, что под крыльями чешуи не было. Стрела взошла по перья, от чего змей спрыгнул кверху, а я успел другою стрелою попасть ему под другое крыло. Змей же, увидя меня, хотел броситься, но лев, кинувшись на него, остановил, а я, скочив на коня и выхватив саблю, бежал к джилану и, не знаю для чего, кричал: «Прочь Араслан! Я один его убью!» Араслан, как бы разумея меня, отскочил прочь, а я, подбежав, ударил змея по голове и разрубил ее надвое. Змей, однако же, успел ударить меня своим хвостом, но уже без силы, а я другим ударом отрубил ему оной, также лапы и голову. Араслан, видя, что я врага его убил, подошел ко мне тихо, и, ласкаясь, лег к ногам моим и лизал оные. Я почувствовал радость, что услужил столь сильному зверю. Гладил его и обтирал кровь с его ран и, вспомнив, что в турсуке моем была вода, вывязав его, обмывал ему раны. Лев казался столь признательным, что валялся передо мною и движениями своими как бы благодарил меня. Опорожня турсук с водою на львиные раны, вздумалось мне сжечь змея, и для того пустил коня моего пастись, пошел в лес, начал саблю мою рубить мелкие деревья и таскать в кучу. Лев, видя меня в сей работе, побежал сам к лесу и сильными своими лапами ломал сухие ветви и деревья и клал в один со мною костер, что весьма меня удивило. Наклававши довольно дров и вырубя огня, зажег снизу оной, а потом, брав изрубленные части змеиною тела, стал бросать на костер. А лев мой, увидя, что я истребляю и остатки его врага, начал около костра прыгать и, подбегая ко мне, ласкался. Хвост, голова и лапы сгорели, надобно было сжечь и туловище, для чего я подошел к нему и смотрел как бы лучше взять. Лев узнал

мое намерение, подбежал, схватил за длинную шею змея и тащил к костру, а я уже и взвалил его на него. Лев начал опять около костра прыгать, изъясняя тем свою радость. А я от усталости отойдя от костра и сняв подушку с седла моего, лег отдохнуть. Лев подбежал ко мне и, полизав мои ноги, сделал еще несколько радостных скачков и побежал в лес, оставя меня в превеликом удивлении о происшедшем. Полежав несколько, уснул я в первый раз по отъезде моем очень крепко и, пробудясь, увидел моего льва, принесшего ко мне молодого дикого козленка. Козленок был еще жив. Он положил перед меня и придерживал лапою, не трудно догадаться, что это принесено было для меня в пищу. С молитвою зарезал я козленка, снял кожу и, отрезав заднюю ногу, стал для себя варить. А остальные отдал льву. Он однако не прежде съел свою часть, покуда увидел меня изжарившего и начавшего есть. Пообедав с новым моим знакомым, пошел я садиться на моего коня. Араслан, увидя, что я хочу ехать, стал ко мне ласкаться. И взяв потихоньку за кафтан мой, как бы хотел вести меня. Я же, не ожидая никакого зла от сего зверя, думал за ним ехать. А лев делая прыжки, бежал передо мною. Он привел меня к чистому ручью, где я остановился, напоил коня, а сам молился. И коль скоро я сел на лошадь, лев, паки ласкаясь ко мне, побежал передо мною и почаству на меня оглядывался, за ним ли я иду. Он, видя меня, пошел вниз по ручью, который от прочих, в него втекающих, делался изрядною рекою. Потом довел он меня до пробитой тропы, на которой увидел я следы человеческие, сие меня крайне удивило и обрадовало. Ибо уже другой месяц, как я не видал человека. Подавшись несколько вперед, уви-

дел я сквозь деревья большую поляну, а выехав на оную, представилась мне на берегу реки белая кибитка и не далее от нас, как на выстрел стрелы. Тут мой лев начал опять прыгать около меня и, побежав к кибитке, стал лапою царапать дверь, а я остановился и с коня не слезил. «Погоди Араслан», — услышал я женский голос из кибитки.

Вечер пятьдесят второй

Дверь у кибитки отворяется, и выходит женщина лет весьма пожилых, в китайском зилени*. Голова и шея обвита была белым повивалом. Я, увидя ее, спросил, здорова ли она? А она мне тем же приветствовала и просила меня слезть с коня и взойти в кибитку. Взошед в оную, увидел я опрятство и чистоту. Хозяйка потчевала меня кымызом. Потом спрашивала меня, кто я. Откуда? И как к нам заехал? Я рассказал ей все то, что вы от меня уже слышали, прося притом, чтобы сказала мне о льве, меня к ней проводившем, и о удивительном его смысле.

— Лев сей, — начала она мне рассказывать, — есть хозяин здешних зверей**, в лесах сих живущих. Он бережет меня и моих двух кобыл, питающих меня молоком своим. Не удивительно, что он к тебе приласкался и довел до

* Платье, носимое женщинами, сверх коего надевают они еще другое.

** Башкирцы думают, или думали прежде, что звери имеют своего начальника, или хозяина, которого они называют нясы. По большей части отдают они сию власть льву, как сильнейшему из зверей. И что сей нясы может превращаться по желанию иногда и в человека, и что они так же духи, как яри, но по большей части благие, и что могут посягать с женщинами, иметь от них детей, и сии дети по нуждам превращаются также в львов.

моего жилища. Ты оказал ему великую услугу, убиением зверя, сего адского исчадия, которое, прилетая, пожирало его львичищ. Может быть, без твоей помощи погиб бы он и сам. Пока я с ней говорил, услышал у дверей блеяние козленка, старуха, услышав также, сказала: «Лев верно принес тебе пищу, поди зарежь, а я тебе сварю. Вышед из кибитки, увидел я льва, держащего в лапах молодого козленка и еще четырех молодых львят. Я взял козленка и, прочитав молитву, зарезал, а пока свеживал его, лев лизал мои ноги, львяты же прыгали около старого. Потом отдал я мясо старухе, а сам пошел пустить коня моего пастись. Лев, как бы примечая за мною, сделал большой круг около коня моего, львята же, бегая за ним, каждый оставался в четырех сторонах круга, показывая тем, что они берегут коня моего. Тут я увидел наяву то, что слышал от стариков в ребячестве. Они рассказывали, что если араслан обежит какой лес или поле, то уже никакой зверь отсюда не выйдет, и я приметил, что конь мой лишь только доходил до того места, где шел лев, то возвращался назад. Между тем, пока я удивлялся льву, хозяйка принесла пищу и просила меня войти в кибитку. Поставя перед меня чашку с мясом, сама села поодаль. Я спросил ее, для чего не хочет со мною есть. На что она отвечала мне, что она давно уже не ест никакого мяса и питается только кымызом, которого и мне налила в большую чашку. Пока я ел и пил, старуха налила в большую чашку воды, поставила перед собой и, вынувши свой дагуат, читала над водою и, читавши долго, смотрела в воду, потом взглянула на меня и увидела, что я уже обед мой кончил. «Сыт ли ты?» — спросила она меня. Я благодарил ее за угощение и хотел выйти посмотреть моего коня.

— Пстой, батырь! — сказала она мне. — Сядь и выслушай, что я тебе скажу. Помощь, которую ты оказал льву убиением змея, сделала и мне великую услугу. Ибо если бы змей растерзал льва, то и мне не оставаться бы живой от сего чудовища. Желая вознаградить тебя, прибегла я к таинственной моей книге и смотрела в воду, дабы сказать тебе, кончишь ли ты благополучно свой путь и найдешь ли свою невесту. Узнала только, что ты, по претерпении великого несчастья, покровительством святого пророка найдешь свою невесту и чудным образом возвратишься восвояси. Теперь ступай с богом, лев проводит тебя до хребта Уральских гор, но далее с тобою не пойдет.

Я благодарил старуху за обнадеживание, вышел из кибитки и пошел к моему коню, взнуздал его, сел, а старуха, видя меня готовым к отъезду, сказала мне: «Прощай батырь!» Спутник мой, лев, побежал передо мной, я ехал целый день, следуя за львом, и как ночь настала, остановился я ночевать, а лев не забыл опять обежать круг меня и коня моего, и увидя, что я, сняв подушку с седла, лег, отойдя от меня, лег и сам. Ночь сию провел я спокойнее прежнего и уснул крепко в надежде на слова пустыницы. А поутру рано проснувшись, пустился я с товарищем моим в путь и не помышлял, что скоро должен буду с любезным моим спутником расстаться. Уже солнце казало полдень, и мы подъехали к превысокой горе, я заметил, что лев мой переменил свою поступь, прежде он был весел и около меня прыгал махая длинным своим хвостом, а когда поднимались мы на гору, шел он тихо, повеся голову и опустя хвост часто ко мне оборачиваясь, испуская тихий вой. Я не знал сему причины, пока не выехал на вершину горы.

Лев, доведя меня до камня, из под которого бил ключ чистой воды, остановился и глядел на меня. Я сначала не знал, что о сем думать, махал ему рукой вперед, но лев, как бы меня разумея, качал головою. А я, вспомнив слова старухины, узнал, что я на самом хребте Уральских гор и что лев меня далее провожать не может. Слез с коня и стал обнимать льва, показывая тем, что я с ним прощаюсь, а он, разумея меня, лег у ног моих, вздыхал и, что меня более удивило: слезы капали из глаз его. Я очень тронут был признательностью благодарного моего спутника и сам с ним проливал слезы. И, обнявши его еще раз, сел на коня и с крайним сожалением от него поехал, а он, вскочив на камень, смотрел мне в путь и при всяком разе, как я на него оглядывался, произносил он страшный рев. Вы не поверите, храбрые батыри! С каким унылым духом я ехал. Слова старухины о предстоящем мне несчастии и разлука с добрым моим арасланом в такую ввергли меня задумчивость, что я не правил моим конем, а опустя повод дал ему волю: в таком состоянии застала меня ночь и принудила опаматоваться. Я проводил оную не лучше дня и коня моего держал на чумбуре, давая ему пастись близь себя. На другой день и следующий потом был я несколько спокойнее, стрелял для себя птиц и утолял голод, а вода была мое питье. Наконец в четвертый день по разлуке с львом приехал я в сии плачевные места, сразился также с чародеем, как и прочие, и так же заключен был с ними в пещеру и теперь освобожден твоею храбростью сильный Алдар, увиделся с моею любезною Гюльбикою. Предсказания старухи сбылись, теперь остается мне довести мою невесту до нашей родины.

Не успел кончить Аккубьяк свою повесть, как увидели мы бегущего к нам Байджигита, который кричал: «Он идет! Он идет!»

Вечер пятьдесят третий

От сих слов все повскакали со своих мест. Один муж мой, не вставая с места, спрашивал его: «Кто такой идет? И отчего он так испугался?»

— Сей святой муж, который предвещал нам победу и скрылся в горе.

— Добро пожаловать! — отвечал спокойно мой муж, и пошли мы все к нему навстречу.

Он уже был от нас недалеко, Алдар и мы все, увидя его, прижав руки к персям, приклонили головы. А он, увидя наше пред ним смирение, подавши нам салам, примолвил: «Здоровы ли вы, добрые мусульмане?». Потом, приступя к моему мужу, сказал ему:

— Тебя, Алдар, поздравляю с победою, ниспосланною от великого нашего пророка. А вас (оборотясь к прочим) с освобождением от неволи лютейшего врага правоверных. Я пришел к вам по воле пророка, дабы утешить несчастных содержащихся в мрачных пещерах чародея перенесением их каждого в свое место. Сие произвело радость на всех. Всякий кидался к ногам Авлии и верил словам его, да и нельзя было не верить. Он, поднимая их, говорил, что недостойно ему поклоняться, а приносили бы только благодарение посланнику божию, которого он исполнил волю. А шли бы все приготовиться к икендинамазу, который он сам с ними отправит. Все повиновались, всякий пошел сделать омовение, а потом собирались на молитву и ожидали позыву от пустытника. Я, идучи с женщинами,

видела мужа моего, стоящего с Байджигитом. Мне казалось, что они о чем-то говорили, а как у них от меня тайны не было, то и хотела я быть участницею их разговора. И только что подошла, то Алдар смеючись мне сказал:

— Знаешь ли, что лесной батыр затевает?

— Не знаю, — отвечала я с удивлением.

— Задумал жениться!

— На ком? — спросила я.

— На ногойской девушке.

— Надобно знать, пожелает ли она.

— О том-то мы и говорим, — отвечал Алдар, — и просим тебя, чтобы ты у ней о сем выведала. А Байджигит, угощая женщин, успел уже ей несколько слов сказать. Итак послушай, Джюгра: когда мы пойдем на богомолье, а вы, отправивши свое в некотором от нас отдалении, после молитвы можешь Гюльбустана спросить.

Не успел мой муж сего выговорить, как услышали голос, зовущий на молитву. Алдар и Байджигит туда пошли, а я к женщинам, хотя по одежде моей могла бы я быть вместе с мужчинами, но пол мой верно бы открыл святой муж. Итак, все женщины, собравшись особливо от мужчин, ожидали, как они начнут молиться. Мы увидели вышедшего на небольшой холм пустытника, а батырей наших, пастухов и прочих, стоящих перед ним рядами. Молитва их продолжалась долго, ибо Авлия после молитвы делал им поучения. Я, увидя что молитва их кончилась, пошла к ним и увидела Авлию, стоящего посреди батырей и прочих, который начал им говорить следующее:

— Остается мне вам возвестить последнюю волю великого нашего пророка, который, как отец, печется о правоверных. Все, здесь в неволе находившиеся, увидят свою родину, кроме Гуль-

бустана и Тансылу. Сие две несчастные, отлученные от их родины в награждение за страдание их получают себе здесь мужей-батырей. Первая выйдет за лесного батыря Байджигита, твоего, храбрая Джюгра, сотрудника, а вторая за сильного Карабая, Муйнакова брата. Сие предопределено им при их рождении: быть отлученным навсегда от своей родины.

Потом, увидя старика Мряса, велел ему подойти к себе. А тот, подошед, повергся к ногам его.

— Встань доселе бывший страж злобного пярня, — сказал ему Авлия, — ты обрел благодать нашего пророка. Грехи твои прощаются. Ты завтра узришь места, где ты родился и, напоминая свое заблуждение, обратись к богу, еще ты можешь умиловить молением, ибо аджаль и нафьяка твои продолжатся еще один муссаль.

Потом, увидя батыря Аккубьяка, сказал ему:

— Ты, храбрый Иртышский житель, с невестою своею увидишь завтра при восхождении солнца кочевье тестя своего Кутлубая. Потом найдешь отца, мать и братьев твоих здоровых.

Затем, увидя меня, стоящую позади Алдара, сказал мне:

— Храбрая Джюгра, поди возвести ногайской и туркменской девушкам, что оне предопределены в жены сказанным от меня батырям.

Я с радостью повиновалась и идучи в толпу женщин, увидела Гюльбустан и Тансылу сидящих особо от прочих подруг. Я забыла вам сказать, почтенные мои гости, что я не успела спросить Гюльбустан, согласна ли она выйти за Байджигита. И так подойдя к ним спросила их, о чем вы говорите?

— Ах, батырь Джюгра, — отвечали они мне

в один голос, — мы видели обе одинаковый сон, который разлучает нас с нашей родиной.

— Какой же это сон? — с удивлением я спросила, — расскажите.

— Я видела, — сказала Гюльбустан, — что сей святой муж взял меня за руку и подвел к батырю, нас угощающему, которого, как слышала, называют Байджигитом и сказал: вот тебе жена.

Я спросила, усмехнувшись, рад ли был батырь?

— Весьма рад, — отвечала она, покрасневшись, и от восторга упала к ногам Авлия.

— А ты довольна ли была своим женихом?

— Я не знаю, — отвечала она и закрыла лицо рукавом.

Сие было для меня добрым признаком, и я уже могла другу моему Байджигиту сказать, что он ей не противен. Потом Тансылу рассказала и свой сон:

— Я видела себя, стоящую одну близь Авлии, а он пошел в толпу мужчин, вывел оттуда великорослого чернобородого и мужественное лицо имеющего батыря. Вот тебе, сильный Карабай, — сказал он, — туркменскую девушку в жены бери, она была на родине своей несчастлива, а с тобою счастливо поживет.

Я остолбенела от удивления, выслушав сны двух девок, и, помолчав, сказала им: «Поистине сны ваши справедливы. Я послана от святого мужа возвестить вам, что вы обе назначены в жены тем батырям, о которых говорите. Подойдите поближе, вы услышите его голос. «Потом пошла я сказать о сем Алдару; и не успела появиться перед пустынником, как он сказал громко Карабаю и Байджигиту: «Подите к невестам нашим, вон они стоят!»

Не знаю, как Карабай, а Байджигит приметно

с радостью побежал. Авлия же, помолчав несколько и обратясь к моему мужу, сказал:

— Алдар, останешься ты здесь с Джугрою, Байджигитом, Карабаем, двумя невестами сих батырей и десятью пастухами и со скотом пярпевым, который тебе весь принадлежит. Ступай с богом в свое кочевье, соверши там при себе брак Карабая и лесного батыря и отпусти в дома их.

Только что кончил он сии слова, как подбежал к нему болгарец и, упав на колени, просил: «Как мне доехать до своего царя?» — «Так же, как и прочие».

— Мне бы хотелось еще поездить и посмотреть, дабы было с чем к царю явиться.

— О, суетность человеческая, — возгласил Авлия, — таскаться по свету и замечать происшествия, дабы по приезде рассказывать оные с прибавлением, чему может быть, и не поверят.

Потом, обратясь ко всем нам, сказал:

— Не перенимайте сего, добрые кочевные народы! Оставайтесь в кочевьях ваших и без великих нужд не оставляйте дома ваши. Сей суетный царедворец (указал он на болгарца) может быть несчастливим перед царем своим, когда все рассказы его покажутся ему ложны (выговоря сие Авлия стал невидимым).

Вечер пятьдесят четвертый

Удивление наше было несказанно, видя пропавшего из глаз наших Авлию. Всякий молча смотрел друг на друга, и как бы желал спросить, куда он девался. Алдар, которому уже не в первый раз видеть подобные чудеса, начал речь ко всем с нами сущим:

— Не удивляйтесь, батыри, о виденном вами, а возблагодарите всесильного аллу и его святого пророка за ниспосланные на нас чудеса и несомненно верьте, что все, святым мужем сказанное, с нами сбывается.

Потом велел он Мрясу, болгарцу и прочим пастухам все пограбленные пожитки пяривы вынести из пещеры, где они хранились и разделил оные всем поровну. Оставляя себе только доспехи, совлеченные с пярия и коня его, а саблю, с которою Мряс защищал вход пещеры, подарил Карабаю, потом всем назначенным от Авлии на другой день явиться дома велел он, сверх принадлежащих им коней дать еще по нескольку из табунов пяривых, которых бы они, перевязав арканами, и концы оных перевязали себе за пояс, и так бы легли спать. Остальной же скот, по слову Авлии, ему следовавший, велел десяти пастухам беречь до утра. Остаток дня провождали в питье кумыса и в радостных и дружеских разговорах, каждый себе предвещал радость, какую он причинит появлением своим дома. Солнце уже закатилось, и мы начали прощаться друг с другом. Аккубьякова признательность была нескончаема, он, обнимаясь с Алдаром, проливал слезы и клятвенно уверял мужа моего, что он приедет навестить его и не посмотрит на дальний путь. Обещать было можно, но исполнить трудно, любезные слушатели, и мы Аккубьяка у себя не видали.

— Повесть твоя, кажется, приходит к окончанию, добрая Джюгра! — сказал Джилкибай.

— Конечно, меньшее осталось, нежели вы выслушали, да разве вам она наскучила.

— Ай нет, нет! — закричал Алаберде, — для бога продолжай, а у друга моего, видно, чешется язык от молчания, и для того он перебил твою

речь. Я же охотно желаю дослушать, как вы доехали домой, как отпраздновали свадьбу сильного Карабая и удалого Байджигита и последующее потом.

— Хорошо, — сказала я, — когда так, но прежде выпейте по чашке.

И как оные были опорожнены, то Джюгра продолжала:

— Уже я вам сказала, что мы друг с другом распрощались и пошли спать. Я взяла двух невест и легла с ними особо, а муж мой с Карабаем и Байджигитом, спали мы очень спокойно и крепко и не прежде проснулись, как солнце начало нам светить в глаза. Встаем и с удивлением видим событие слов пустынного, и всех им назначенных ни одного с нами не было, ниже их скота, и сколько ни казалось нам сие непонятно, но мы сему верили. Один маловерный болгарец прибежал ко мне, залыхавшись крича: «Их не стало, куда они девались!»

— Они теперь дома, — отвечал ему скромно муж мой, — а если бы и ты пожелал, то и ты был бы дома.

— Ах! батырь, сказать тебе правду. Я не верил сему старику, ибо видел многих при дворе царя болгарского подобных ему, с постными лицами, отправляющих пять намазов в день, но притом великие обманщики.

— Ты можешь называть обманщиками своих! — сказал ему сурово муж мой. — А нам явившийся не есть таков. Ты видел своими глазами, и если ты осмелишься о нем что-нибудь еще сказать, то я тебя как негодяя и неблагодарного запру в пещеру и привалю камнем.

Сии последние слова произнес муж мой столь грозным голосом, что болгарец задрожал и упал к ногам Алдаровым.

— Подлый царедворец, — сказал ему с насмешкою муж, мой, — встань и поди лучше седлай коня своего.

Потом и мы начали седлать своих и убираться в путь до отъезда. Однако же проворный Байджигит изготовил нам пищу, и мы, пообедав, а товарищи, навьюча коней оставшимся пяриевым мюлькатом, данным им от Алдара, пустились в путь, который и продолжали весьма весело. Разговаривая друг с другом о прошедшем, муж мой со мною и оба жениха с их невестами ехали всегда впереди, а за ними пастухи гнали скот.

В один день проезжали мы дремучий лес. Болгарец, ехавший с нами, забавлял нас своими рассказами о болгарском царстве, о богатом царе, о складенных из камней домах, о золоте и серебре, которым они украшены были. О почестях, какие воздают царедворцы царю, о великом числе войск его и о батырях, в числе коих и себя помещал, и что царь болгарский поручил ему некогда войско против соседних народов, что он их разбил и своею рукою убил предводителя. Он сие рассказывал с таким жаром, как бы был из великих храбрецов. Вдруг услышали позади крик от пастухов. Мы остановились, а муж мой, обратясь к болгарцу, и таким же голосом, каким он рассказывал про своего царя, сказал ему:

— Я тебе поручаю узнать, что за шум позади!

А он, не опомнясь еще от своей похвальбы, поскакал туда, где слышан был крик. Между тем скот бежал нам навстречу и казалось, как бы кем был гоним, и вскоре потом увидели скачущего болгарца, а за ним гонящегося страшного медведя. Медведь, догнавши, схватил коня за зад и повалил его, а болгарец вместо того, чтобы

скоча стрелять в зверя, терзающего коня его, бежал пешком к нам навстречу, прося нас о помощи. Запнулся и упал и продолжал лежа кричать, как бы сам терзаем был от зверя. Сие происшествие произвело в нас смех, но Муйнаков брат, скоча с коня и выхватя саблю, побежал прямо к медведю. А сей, видя его бегущего, встал на задние лапы и показался мне отменной величины, конечно, не менее белого медведя, но сильный Карабай, как видно привыкший убивать зверей, не допустив его к себе, отрубает у него лапу и вторичным ударом разрубает голову, и как мы к нему подъехали, то он обернувшись к мужу моему сказал:

— Я обновил твой подарок, храбрый Алдар. Сабля сия мне по плечу.

Мы попеременно хвалили его храбрость и искусство и при том заметили, что невесте его приятен был сей его подвиг. Байджигит же, оглядываясь во все стороны, спрашивал:

— Где же храбрый предводитель царя болгарского?

— Вон он лежит, — сказала я, — и не знаю — от страха жив ли он!

Потом, соскоча с коня, подняв отрубленную лапу медведя и подражая голосом реву медвежьему, подошла к болгарцу и стала его царапать лапою. А он, думая, что царапает медведь, начал опять кричать, что произвело в нас великий смех, а я, схватя левою рукою за пояс, подняла и, поставя на ноги, показывала ему отрубленную медвежью лапу, сказав:

— Вот рука того предводителя, которую ты отрубил.

Мы продолжали смеяться, а он, глядя на нас, сказал:

— Вам смех, батыри, а медведь все мои кости перещупал.

— Ну, — сказал Байджигит, — если все такие храбрецы у царя болгарского, то царство его долго простоит. Если не люди, то медведи их разгонят.

Между тем пастухи сгрудили скот и к нам подъехали и рассказывали, что сей свирепый зверь кинулся в середину табуна и разогнал их, который, однако же, они собрали. Кожа с убитого Карабаем медведя была снята, и он покрыл ею коня невесты своей. Потом продолжали мы путь до вечера и расположились ночевать при одной речке, выехав из леса.

Вечер пятьдесят пятый

На другой день с рассветом дня подняли мы свой кош и продолжали путь без всякого препятствия и около полудня появились на хребтах Уральских гор, откуда уже можно было видеть места кочевьев наших. Оставалось нам тихой езды со скотом дни на два или менее. Высочайшую гору из всех, Иремели называемую, оставили мы в левой стороне. Муж мой рассказывал нам имена всех гор и рек и означал места кочевьям семиродцев.

— Мой кош, — говорил он, — вниз по реке Яйку, отселе на два дня езды на добром коне. Места степные и к пастьбе удобные, и мы послезавтра около полудня там будем.

И так продолжая путь, увидели мы на третий день вдали пространные степи и множество скота на нем пасущегося. И как страна сия известна была одному Алдару, то и показывал он нам

разные аулы, называя каждый по имени своего аксакала*.

Подаваясь вперед, увидели мы едущих пастухов...³¹ Отвечала Джюгра: «Лишение Алдара столь для меня горестно, что я забыть сего не могу, и чем приятнее мне тогда было время, тем для меня теперь горестнее, но не стану уже вам упоминать подобного до самой моей разлуки с Алдаром, и так послушайте».

Продолжали мы путь в кругу молодых людей, которые скакали около нас, резвились и стаскивали друг друга с коней. Муж мой, приметя, что у них есть и удалые, сказал им:

— Батыри! Не хотите ли изведать силы с бывшей батырь-кызом, а теперь моей женою.

— Весьма согласны, — сказали они, — если ты позволишь?

— Поезжай, любезная Джюгра, — сказал мне мой муж, — покажи им, что ты достойна быть их родственницею.

Я сложила с себя лук и колчан со стрелами и с ними поскакала. Первый, с которым я схватилась, выброшен был мною из седла весьма легко, потом другого и третьего, и пока я таким образом их выбрасывала, число встречающихся с нами умножалось: все они останавливались и смотрели на мое удалство, как вдруг из середины подскакивает ко мне чернобородой батырь средних лет, немалого роста и широк в плечах. Я, с ним схватясь, сказала:

— Поскачем к Алдару, и там ты меня выброси.

Он согласился, я схватила его за ворот, а он меня за кушак. Чувствовала я, что он пытался

* Башкирцы называют деревни свои по именам стариков, и если старик умрет, коего имела деревня, то уже дают ей имя другого старика, по нем оставшегося.

меня вытащить, но не мог. И как мы близко были уже Алдара, то я, употребляя всю силу и проворство, стащила его с коня и бросила перед самым Алдаром. Муж мой от удивления остановил своего коня и вскричал: «Ба, сильный Рысбай и верный мой товарищ! Ты меня встречаешь не на коне, а под конем!» И скоца на землю, стал с ним обниматься. Батыр Рысбай, считавшийся из лучших наездников, пристыжен был падением и, не подавая салям Алдару, угрюмо спросил его:

— Какого ты удальца с собой привез, что и меня с коня сбросил!

— Это моя жена, — отвечал Алдар, — бывшая батырь-кыз.

— Как, жена твоя, — вскричал кыр-батыр веселым голосом, — так это мне не обидно, если бы она была слабее меня, то бы не годилась тебе быть женою.

Потом обнимал мужа моего, поздравлял и со мною здоровался, а равно с Карабаем и Байджигитом и, сев на коня, ехал с нами.

Таким образом едучи, приближались мы к кочевью Алдарову, которое стало быть видно на берегу быстрого Яика. Уже из оною шли и ехали к нам навстречу толпами, как с правой стороны увидели мы едущих человек до пятидесяти и более верхом. Байджигит, всматриваясь, сказал:

— Это едут Буранбай и Сибай, вон и скот за ними гонится.

И, отдав коня пярива Карабаю, поскакал к ним навстречу, и только что подъехали, то увидели мы, что и они все к нам поскакали. Алдар и я поехали к ним навстречу и с радостью обнялись с Буранбаем, Сибаем и прочими. Все сие было ввиду аула нашего, из коего выехал

нас встретить Кинзябулат с аксакалами. Муж мой, увидя его, соскочил с коня, что и я сделала, и шли навстречу нашим аксакалам, которые, обнимая мужа моего, поздравляли с возвращением и радовались, что женился на той, на которой желал, а Рысбай, подошед к Кинзябулату, сказал:

— А меня поздравьте, что жена Алдарова выбросила, как ребенка, из седла.

— Ай, ай! — вскричал старый Сибай, — ты, батыр-Джюгра, не ела нашего мяса и не пила нашего кымыза, а лучшего батыря из седла высадила.

Кинзябулат, удивляясь слышанному, вторично поздравя Алдара с женою-батырем, просил в кош, сказывая, что и обед был готов.

Вечер пятьдесят шестой

Хотя недалеко мы были от коша, но опять сели на коней и поехали к нему: встречены мы были всеми жителями аула, который, как я уже сказала, был при реке Яик и так велик, что конца его не видно было. И если я удивлялась прежде кибиткам, привезенным товарищами Алдаровыми к нам в кош, то усугубилось мое удивление, когда я увидела до ста им подобных и всякая из них окружена была множеством скота. Кинзябулат подъехал с нами к своей кибитке, слез с коня, что и мы сделали.

Жена Кинзябулатова встретила нас, а муж ее, указывая на меня, сказал: «Вот жена батыря нашего Алдара, а потому и родственница наша. Проси ее и с подругами к себе в кибитку. А между тем поведу в свою Алдара и его товарищей».

Вошед в кибитку, увидела я опрятство и чистоту, на урундуках были посланы разноцветные ковры, а по решеткам висели разные женские платья и кажбовы. Не успели мы сесть, как вошло множество женщин. Всякая со мной здоровалась, поздравляла с приездом, многие из них были любопытные знать, здоровы ли мы приехали. И не было ли в пути каких препятствий? Я начала было им рассказывать, как вдруг пришли сказать нам, что мясо уже поставлено, хозяйка, вставши, взяла меня за руку, а подруг моих взяли другие. Вышед на двор, увидела я в двух местах разостланные ковры и поставленные между ними яства. Одни для мужчин, а другие для женщин. Я искала глазами моего Алдара и наконец увидела его, идущего с Карабаем и Байджигитом, последуема аксакалами. Потом сели мужчины и женщины в таком отдалении, что можно было друг друга видеть и узнать в лицо. Я опять вам признаюсь, добрые мои гости, что неприятна мне была женская беседа. Но уж нечего было делать, одна из женщин подошла ко мне с водою и полотенцем, а потом к Тансылу и Гульбустану и к прочим. Яство наше состояло из бараньих мяс отменно жирных, а потом подавали кружками нарезанные казы*. За сим следовал по обыкновению кымыз. Обед наш продолжался довольно долго, и уже солнце было гораздо низко, когда мы встали. По омовении рук благодарила я хозяйку за угощение и увидела, что мой муж и хозяин шли к нам. Последний спросил меня: «Сыта ли ты, любезная род-

* Соленые лошадиные кишки, чпшеные салом. Башкирцы заготавливают оные для лета, дабы, поевши соленого, был больше на кымыз позыв.

ственница? Я его поблагодарила. Потом, обернувшись к жене своей:

— Послушай Баллыбика, — сказал он ей, — батырь Алдар пойдет со своею молодой женою почевать к себе в кибитку. А ты возьми двух подруг к себе, пусть они поживут с тобою до свадьбы.

Я взглянула на невест, которые застыдились и закрылись рукавами и пошли с хозяйкою, а я осталась с моим Алдаром, который, привыкший меня видеть между мужчинами, шел со мною к ним, а они, увидя его со мной идущего, подходили к нам, и всякий заглядывал мне в лицо, а мужа моего на перерыв спрашивали, что с ним случилось во время его езды?

— Друзья мои! — отвечал он им, — вы знаете, что я не говорлив, тем меньше теперь, что еще не нарадуюсь на вас, найдя всех здоровыми, а я вам найду такого рассказчика, который целую неделю будет рассказывать да еще и с прибавкою, ибо он за тем и шатается по свету, чтобы все замечать и пересказывать.

— Я готов, — услышан был голос позади Алдара. — Хоть теперь, если прикажешь.

Муж мой, обернувшись назад и увидя болгарца, сказал ему:

— Теперь погоди, великий ильчи болгарского царя, ты можешь им рассказывать завтра и после, а теперь пора отдыхать.

А подошедшим к нам Карабаю и Байджигиту сказал:

— Друзья мои, пойдите, со мною, вам готова кибитка близь моей, а между тем войдите в мою и поьем еще кымызу.

Вошед в кибитку, я нашла ее отменной величины и убранства. Ковры в ней были постланы богаче, нежели у Кинзябулата, стены увешаны

разным оружием. Сайдаки, сабли, чокмары, разные доспехи и панциры были украшением кибитки, два молодые джигита взошли и принесли чистый тяпан с кымызом, который налили в каповые чашки. Первую подали к Алдару, а он, припивши и поднеся мне, сказал:

— Ты, любезная Джюгра, теперь у меня гостья, а завтра будешь хозяйка, выпей моего кымыза.

Потом подали Карабаю и Байджигиту, которые говорили, что такого давно не пивали. Опорожнивши чашки, сказал мой муж:

— Товарищи мои, храбрые батыри! Я не намерен долго томить ваши желания. Послезавтра отпраздную вашу свадьбу. А завтра подождем гостей, за которыми я уже послал. Я хочу, чтобы сильный брат Муйнаков и верный мой сотрудник Байджигит видели моих однородцев и познакомились с ними, а равно и прочие лесные батыри, нас провожавшие.

— А где же они? — спросила я. — Я видела их, что они вместе с вами ели, но где ночевать будут?

— Не заботься...³²

Кусяк бий

О существовании четырех родов; о том, как жили они, каждый выбирая своего батыра

В старину жил хан по имени Масим.
Был он мудр, ученый ум в себе носил;
Справедлив во всем, равно же и богат,
Пребывал во славе, правил в меру сил.

У него двенадцать биев под рукой:
Развлеченья, смех, веселье день-деньской;
В ханстве воинам отважным нет числа —
В том соперничать не мог с ним хан иной.

Мусульманин — сам от тюрков — Масим-хан¹
Султанат его обширней многих стран:
Бор сосновый, горы, зеркало озер —
Побережья Агидели — ханский стан.

Проводил он игры с воинством своим -
Все старались преуспеть в них перед ним.
Неспокойно было в мире в пору ту —
Войны правили обычаем мирским.

Друг у друга вырывали силой скот:
То один захватит, то наоборот;
Сильные над слабыми чинили фуд,
Убивали и неволили народ.

В пору ту четыре рода, говорят,
Проживали всяк на свой манер и лад
На земле, что Масим-хан им подарил;
Жили, каждый своему батыру рад.

Каждый род свое название имел.
Предводитель рода был могуч и смел.
Хоть четыре рода в ханстве было том,
Всяк пред верою одной благоговел.

«Тангаур» — так назывался род один;
Хлеб растили здесь, свозили на овин.
Выделялся среди всех Тимеркотло —
Вряд ли в силе кто-нибудь сравнится с ним.

«Род Тамьяна» — назывался род второй.
У него, как у других, батыр был свой.
Имя он такое же носил — Тамьян —
Рисковать за род готов был головой.

Третий род имел название — «кыпсак»
В нашу повесть мы его и впишем так.
В том роду был знаменит один батыр —
Мощь слона в нем, сердце льва... Зовут — Бабсак.

Род четвертый звался «хайн»². Их земля
По соседству с Масим-ханом пролегла.
Легковесен был характер тех людей —
Не прореха ли в их разуме была?

Главарем у них был Каракулумбет,
Хайновский род берег от зла и бед.
У одних крадя добро, они другим
Продавали, наживаясь много лет.

Многолюден хайнов греховный род
(По числу он прибавлялся каждый год);

Огнестрельных ружей не было тогда:
Только лук да меч — вот воинов оплот.

Как сказали мы, в том, каждом из родов,
Богатырь свой — там обычай был таков.
Каждый воинством бесчисленным владел —
Жили воины под пологом шатров.

Славу те четыре рода обрели
Средь племен их окружающей земли.
Но оставим их, и взор свой обратим
К Масим-хану — наша повесть так велит.

О том, как в кочевье Масим-хана пришла
беда; как хан обратился за помощью к четырем
родам, как послал гонца с фарманом.

Как-то вышел на охоту Масим-хан,
Разъезжал по малохоженным местам;
А вернулся по прошествии трех дней —
Видит: паникой объят родимый стан.

Весь народ к владыке тут же побежал:
Гнев небесный, мол, на голову нам пал.
«Когда были на охоте вы, таксир³,
Много крови пролилось», — один сказал.

Весь затрясся Масим-хан от той молвы,
Даже спала тибетейка с головы;
С трона ханского сошел он, сам не свой,
Стали круглыми глаза, как у совы.

В это время появился, чуть дыша,
Человек один, от ужаса дрожа,
Слово молвить позволенья попросил
И рассказ повел, сбиваясь и спеша:

«На горе Муйынсаклы⁴ мой пасся скот.
Наши дети там резвились без забот.
Сорок пять — не меньше — было малышей,
Когда страшный появился хищник тот.

Всем верблюдам животы он распорол,
Из их трупов гору целую возвел.
Сорок пять детей решили заодно
Биться с хищником, что страшен был и зол.

Сорок чад злодей на тот отправил свет.
На пяти других оставил тоже след,
Лишь немногие от лап его спаслись
И кровавый принесли домой привет».

К Масим-хану обратился весь народ —
Каждый в страхе и смятенье слезы льет:
«Если что-то не предпримем мы, тот зверь
Завтра всех нас на кусочки разорвет».

От предчувствия опасности такой
Потеряли люди сон свой и покой.
И к батырам четырех родов решил
Обратиться хан наш собственной рукой.

Написал в письме он: «Милые друзья!
К вам, батыры, обращаюсь с просьбой я:
Если в горе не поможете вы нам,
Будет смерти предана страна моя».

Тут Тимеркотло, в роду своем отец,
Средь батыров самый первый удалец,
Весть от хана получив, оставил дом,
Распростившись с ним, с родных уехал мест.

Был же возраст у батыра — двадцать лет,
Но успел узнать его весь белый свет.

Коль пешком шел — по колени уходил
В землю, яму оставляя там, где след.

Он решился в путь отправиться большой,
Чтоб помочь в чужой беде любой ценой.
И в повозку голубую в тот же миг
Запряжен был иноходец вороной.

Только вдруг промолвил слово — точно гром,
Оглушило всех оно на месте том:
«Не пристало нам в повозках разъезжать!..»
И решил он в путь отправиться пешком.

Он сто восемьдесят выбрал молодцов —
При оружии — проверенных бойцов;
И, с народом попрощавшись, вышел в путь
К Масим-хану — на его тревожный зов.

До Тамьяна весть Масима донеслась,
И душа его волнением зажглась.
Добрых воинов собрав сто пятьдесят,
Выйти в путь Тамьян решился в тот же час.

Полтора ста было воинов при нем,
Что отвагою берут, а не числом.
Вот с народом распростился, и затем
В путь отправился, родной оставив дом.

И до хайнов посланье донеслось,
Состраданье в людях вызвало и злость;
По рукам оно пошло: желали все
Прочитать — так обглодать желают кость.

Въехал Каракулумбет в толпу людей,
Хоть никто не говорил о вести сей, —
Догадался сатанинским он чутьем
О прибытии безрадостных вестей.

Великан-батыр был Каракулумбет:
Пять быков везли стрелу его вослед.
Если спал — то пять ночей и дней подряд —
В том соперников ему, наверно, нет.

Каракулумбет тут громко зарычал:
«Собирайся весь народ — и стар, и мал!»
Аксакалов он собрал, держал совет:
Надо ехать, мол, коль сам Масим призвал.

Кое-как успев посланье прочитать,
Он велел коня могучего седлать,
Лучших воинов из рода отобрал,
Чтоб друг другу были воины под стать.

Было воинов тех триста пятьдесят —
Каждый яростной решимостью объят.
Распрощался с домом Каракулумбет
И пустился в путь — таков его ответ.

Ураз-хан был с Масим-ханом наравне.
Род его башкирским был в той стороне;
Созывали ханы каждый год майдан,
Дружбой верною довольные вполне.

Хан любовь к кыпсакам давнюю питал,
Их подарками и лаской наделял,
И Бабсак-батыру мир своей земли
Охранять от чужеродцев доверял.

На коне лихом по кличке Карагир
Объезжал владенья ханские батыр.
Больше месяца с седла он не сходил,
Охраняя и спокойствие и мир.

Ураз-хан благоволил ему во всем,
Верность, мужество и ум ценил он в нем.

«Даст алла — ему вручу я дочь свою», —
Говорил нередко он в кругу своем.

У него та дочь единственной была,
Луноolikoю красавицей слыла.
Только встретились они, и навсегда
Их сердца любовь великая слила.

Как увидятся — конца объятьям нет.
Грел сердца их обожанья жаркий свет.
Той любви предела не было... В слезах
Расставались, преданности дав обет.

Ямиля — так звали девушку. Огнем
Полыхала всякий раз она при нем.
Ураз-хан мечтал их вскоре поженить
И на свадьбу им поставить новый дом.

Вот Бабсака как-то раз к себе призвал,
Дал благословенье им, добро и мал*.
Целый месяц продолжался пир горой —
Весь народ на этой свадьбе пировал.

На майдане силой мерились борцы,
Их подбадривали деды и отцы.
Состязались родовые скакуны —
Ими правили отважные юнцы.

Ямилю Бабсак домой к себе привез.
Был он счастлив, преисполнен светлых грез.
Бархат, золотого, шелка и серебро,
Драгоценностей привез он полон воз.

А Бабсаку восемнадцать было лет.
На полях сражений равных ему нет.

* Мал (баш) — разнообразный скот

Но неожиданно и негаданно в их дом
Незнакомец вдруг пожаловал чуть свет.

Под гонцом был иноходец вороной,
В пене весь — видать, покрыл он путь большой.
Он письмо Бабсаку тут же протянул —
Сразу видно, человек он был чужой.

Был гонцом от Масим-хана тот седок.
Дни и ночи гнал коня как только мог —
Вез послание владыки своего,
Чтоб Бабсак в беде негаданной помог.

Прочитав письмо, Бабсак оцепенел.
В злую весть он долго верить не хотел.
При жене он дал согласие свое,
Ибо в помощи он видел свой удел.

Знал Масим: всегда откликнется кыпсак,
Если управляет воинством Бабсак;
И, едва услышав клич, собрался он —
Издавна в роду кыпсаков было так.

Стал готовиться батыр в далекий путь
(Разве мог гонца с отказом он вернуть?):
«Коль призвал нас хан, то надобно помочь, —
Лишь в поддержке в час тяжелый — дружбы суть».

Он решил: «Алла велит мне помогать,
Родила на то меня батыром мать,
На веку чудовищ разных и зверей
Приходилось мне немало убивать».

О решении узнав его, народ
Опечалился; никто не ест, не пьет.
Говоря: «От нас уходит наш батыр», —
Тот и этот ненароком слезы льет.

Опечаленная, плачет Ямиля,
К Масим-хану не ходит его моля.
Чует, что уже обратно не вернет
Ей Бабсака чужеродная земля.

Обращается Бабсак к своей жене,
От смятенья не оправившись вполне:
«Ямиля моя, послушай, что скажу, —
Те слова пылают пламенем во мне:

Коль алла велит, вкушу я пыль дорог,
Испытаю все, что уготовил рок.
Ведь и дома человек умрет, когда
Истечет судьбы его последний срок.

Сына ты родишь два месяца спустя.
Свет прольет ему отцовская звезда:
В руки меч возьмет и бить пойдет врага,
Упорхнувши из родимого гнезда.

Утешеньем это будет, коль умру.
Быть всегда благополучью ко двору.
Пусть алла да не оставит этот дом,
Пусть он будет вечно добрым на миру!»

И, сказав слова те, собираться стал,
Чтоб направиться с друзьями в ханский стан.
Восемь воинов достойных взял с собой.
А потом час расставания настал.

Пред отъездом осмотрел тех восьмерых,
Снаряженье и коней проверил их.
Прощавшись, в путь отправился Бабсак,
Уводя с собою ратников лихих.

О том, как четыре батыра четырех родов
приехали к Масим-хану

Всех батыров Масим-хан оповестил,
Никого не позабыл, не упустил.
Сто верблюдов приказал зарезать он.
Чтоб привольно всяк приезжий тут гостил.

В час, когда встречать собрался он друзей,
Припекать стал жар полуденный сильнеей,
Заклубилась, закружилась пыль столбом,
Возвещая о прибытии гостей.

Донесли Масиму: «Видим мы вдали
Исполина, чуть заметного в пыли,
Великана — будет ростом с минарет...
Досточтимый хан, встречать его вели!»

Услыхав об этом, поднял хан глаза
И с трудом он разглядел, что небеса
Подпирает богатырь Тимеркотло.
А потом уж различил и голоса.

Прибыл раньше всех Тимеркотло на зов,
Сел на место красное без лишних слов.
С Масим-ханом говорил батыр, когда
На дороге пыль вздыматься стала вновь.

«Хоть та пыль и далека, но все ж она
Для меня знаменья доброго полна.
Будь то вражье чье-то войско иль набег,
Воля божья в том небесная видна!»

Так промолвил и в клубящийся буран
Стал внимательнее всматриваться хан.
Видит: воинов числом сто пятьдесят,
И Тамьян средь них — могучий пехлеван.

Вот уж два батыра здесь из двух родов —
Рад Масим, он не жалеет сладких слов.
Так сидят они, беседуют втроем...
Но опять клубится пыль среди холмов.

Ближе, ближе пыль дорожная, и вот
Затянулся снова пылью горизонт,
Вот и всадники видны уже. Они
Подпирают черной тучей небосвод.

Каждый Каракулумбета тут узнал
(Важный миг рассказа нашего настал);
Под батыром был скакун из скакунов —
На лихом скаку он молнии метал.

На караковом тулшаре тот батыр
Средь других батыров первый богатырь,
Рода хайнов вождь Каракулумбет
К ним подъехал, озирая гордо мир.

Так батыров стало трое, говорят.
Разговор у них пошел на общий лад.
Лишь Бабсака нет. Не ведает никто,
Что с ним: едет, или повернул назад.

Рады тем, что собрались в одном кругу,
Развлекались те батыры на лугу.
За весельем не заметили они,
Что стемнело на зеленом берегу.

В сон глубокий погрузился весь народ —
Стар и млад, уставши от дневных забот.
Но, нарушив вдруг покой и тишину,
Грянул гром — и ходуном земля идет.

Разбудил тот грохот всех. Смирняя страх,
Три батыра вознеслись на стременах,

Самых чутких, смелых выбрали бойцов,
Ну а слабых же оставили в шатрах.

«Подает ли снова хищник голос свой?
Кровожадный враг сюда ль идет войной?» —
Так гадают тот и этот. А один
Говорит: «Гора схлестнулась с горой».

Тут какой-то старец молвил: «Не беда!
То не враг, а верный друг идет сюда.
Погодите: будет здесь он на заре —
Сами вы его узнаете тогда.

Говорю вам: то не чудище, не враг
Наполняет громом-гулом ночи мрак,
То — в пути к нам однодневном рвется вскачь
Богатырь лихой и добрый — не чужак».

Прав был старец-прорицатель: ехал к ним
Богатырь Бабсак. Клубилась пыль, как дым.
И копыта Карагира тишину
Разрывали грозным топотом своим.

Слыша это, успокоился народ.
Ночь прошла, и вот рассвет уж настает.
Грохот страшный слышен уж совсем вблизи.
Даже час как будто длится целый год.

Все тут высыпали, чтобы посмотреть
На коня того, что был тяжел, как медь.
Подъезжает к ним Бабсак-батыр, и с ним
Восемь тех, что с ним готовы умереть.

Бьет копытом огнеокий Карагир.
А над ним могучий высится батыр;
Он к Масиму подъезжает, и ему
От своих передает привет и мир.

«Ассалямаглейкум, хан мой! — говорит, —
Твоя слава по земле давно гремит.
Не сердчай, что опоздал. Я искуплю
Ту вину хорошей службой», — говорит.

Так сказавши, поздоровался потом
Он со всеми, кто стоял на месте том.
И повел Масим батыров в ханский стан,
Что и золотом сверкал, и серебром.

В честь батыров он устроил пышный пир,
Где воспет был каждый прибывший батыр.
Верил хан, что с их прибытием опять
Установятся везде покой и мир.

Он велел шатры раскинуть на холмах,
Показал свой щедрый нрав не на словах.
«Слушайте меня, родные и друзья! —
Произнес, — и да простит меня аллах!»

Стал тревожен и печален его лик.
Головой в глухом предчувствии поник
Каждый, молча ожидая, что же им
Скажет хан Масим в тревожный этот миг.

Масим-хан обратился к батырам, • обещав
всенародно восславить того, кто убьет крово-
жадного хищника. Также обещал он тому храб-
рецу половину своих ханских сокровищ:

«На меня, батыры, гляньте, — он сказал.
— С нетерпением я всех вас ожидал.
Отыщите людоеда поскорей,
Где б он ни был — среди лесов, полей иль скал.

Выезжайте же в те доли и леса,
И на горы, что уходят в небеса.

Бродит хищник там чудовищный. О нем
Я в посланиях подробно написал.

Разыскать прошу я хищника того,
Острой саблей тушу распороть его.
Коль убьете — да поможет вам алла! —
Мир вернете в лоно ханства моего.

Если хищника убьете вы, и мне
Принесете его шкуру, я вдвойне
Одарю вас, не жалея ничего —
Лишь народ бы в мире жил и тишине.

Громким пиром победителю воздам,
Поделю свою страну с ним пополам,
Выдам замуж за него дочь Гаухар
И во власть ему двенадцать биев дам.

Пожелав батырам доброго пути,
Приглушил он боль сосущую в груди.
И батыры, хана выслушав, потом
Поднялись — пора им было в путь идти.

Каждый верных своих воинов собрал,
Наставления последние им дал.
И, сердечно попрощавшись, в дальний путь,
Не задерживаясь боле, поскакал.

Вчетвером пока что движутся. Друзьям
По степям пришлось скитаться и лесам.
Вот подъехали к развилине дорог,
Что сулит им путь-дорога впереди?

Каракулумбет-батыр, Тамьян-батыр,
Следом шли Тимеркотло, Бабсак-батыр —
Целый месяц ищут хищника они,
Вязнут в топях, выезжают на такыр...

Разбросала их судьба — кого куда...
Вот Бабсак к горе подъехал. Чище льда
Серебро струилось сверху, и вокруг
Духом мускуса была вся местность залита

О том, как Бабсак-батыр убил льва-людоед

По горе той долго-долго он бродил,
Ел плоды лесные, если находил.
Как-то шел он вдоль ручья, и видит вдруг
Льва огромного, что сладким сном почил.

И едва Бабсак-батыр увидел льва,
Сердце сжалось, закружилась голова.
Приближаться с божьим именем он стал
К зверю страшному, дыша едва-едва.

Взял он в руки камень черный и большой,
Запустил во льва могучею рукой,
Но пронесся мимо зверя камень тот
И с разлета камень раздробил другой.

И от грохота того проснулся лев,
Рык исторгнул, на батыра поглядев,
(Был громаден зверь, высок, как минарет)
Вспыхнул в хищнике тотчас ужасный гнев

Мощь кипела в нем свирепая. Стремглав
Он метнулся на батыра, зарычав.
В этот миг Бабсак пустил в него стрелу —
Лев взревел, на землю черную упав.

Да, упал и задохнулся в тот же миг
Внутренностями, и стоном обернулся рык.
А стрела батыра, льва пробив насквозь,
В яр вошла, что нависал, угрюм и дик.

Подошел Бабсак к поверженному льву
И, глазам не веря, видит наяву
Людоеда. Чтоб Масиму показать,
Льву язык отсек, как сорную траву.

Расщепил затем он надвое стрелу,
И стрелы той половину, как иглу,
В брюхо льва, как доказательство, воткнул
И сказал затем: «Конец отныне злу».

Он другую половину взял с собой
И поехал к Масим-хану в час ночной,
Чтоб скорее сообщить о смерти льва
И обрадовать все ханство вестью той.

Чтоб идти быстрее, сбросил он бешмет,
Подвернул рубахи полы, и чуть свет,
Наконец, ступил в пределы той земли,
Где ему сулили рай на много лет.

К Масим-хану он явился прямо в дом
И немедля рассказал ему о том,
Что ужасного он хищника убил
И оставил его тело под холмом.

Услыхав об этом, тотчас Масим-хан
Повелел созвать невиданный майдан,
Пригласил на этот праздник весь народ.
Веселился сам всюду от счастья хан.

О том, как Каракулумбет стрелял в мертвого
льва и, вернувшись, объявил всем, будто это он
прикончил хищника; о том, как батыры Тимер-
котло и Тамьян опровергли это утверждение:

Пусть же праздник свой проводит хан Масим
И гостеприимством радует своим.

Мы же, к Каракулумбету воротясь,
На его дела вновь взоры обратим.

Очень много он земель преодолел
И пришел его терпению предел.
Вот на льва, что был Бабсаком умерщвлен,
Он на всем скаку однажды налетел.

Льва лежавшего увидев, он решил,
Что тот спит, и тут же в лук стрелу вложил,
Да предела натянул он тетиву
И стрелу ту в зверя мертвого пустил.

Лев не вздрогнул и не бросился бежать —
Оставался в неподвижности лежать.
В грудь вошла наполовину та стрела,
Продолжая оперением дрожать.

Каракулумбет-батыр ко льву спешит.
Тот по-прежнему недвижимый лежит.
Понял тут батыр: алмазною стрелой
Людоед был уж до этого убит.

Вырвал он стрелу, запущенную им —
Мертвый лев лежал, как камень, перед ним.
Он отрезал зверю ухо, и затем
Поскакал туда, где праздновал Масим.

Поскакал он в те края во весь опор,
С ходу в ханский завернул большой шатер,
И с порога громогласно объявил,
Что он зверя застрелил на склоне гор:

Хан от слов его на месте подскочил,
Там, где в радости пред этим ел и пил,
И слуге немедля в ханский свой шатер
Пригласить Бабсак-батыра поручил.

Тот на ханский зов явился, и тотчас
Каракулумбета видит, и зажглась
В сердце у него тревога — у того
В его сторону косил недобро глаз.

Он в шатер вошел, и хану задает
Свой вопрос, что сердце мучает и жжет:
«Для чего ты пригласил меня, мой хан?
Что тебе опять покоя не дает?»

«Вот сидит батыр. Клянется, что убил
Зверя, что тобой убит не да: но был.
Я подумал: есть секрет какой-то тут,
И тебя позвать поэтому решил.

«Я, — сказали оба вы, — убил стрелой
Хищника — могу поклясться головой».
Кругом голова моя теперь пошла.
Чтоб поверил я, представьте знак мне свой!

Говорит Бабсак: «Пришел я на твой зов.
За слова свои ответить я готов.
Знак, который я принес, ты видел сам.
Что сказать — я не имею больше слов.

Ну, а если не поверили, тотчас
Поведу ко льву убитому я вас,
Убедитесь в правоте моей тогда —
И поймете, кто обманщик среди нас».

За Бабсаком молвил Каракулумбет:
«И я тоже свой готов держать ответ», —
И прихваченный показывает знак —
Ухо льва, какого вряд ли видел свет.

Говорит: «Я льва убил своей рукой,
Срезав ухо, прихватил его с собой.

Кроме уха, что отрезал я, на нем,
Можешь верить, нету меты никакой».

Из шатра все трое вышли. Не в чести
Было споры бесполезные вести.
Взбаламутил Каракулумбет народ —
Небылицы стал он разные плести.

Масим-хан решил ту ложь разоблачить,
Победителем Бабсака объявить,
Над двенадцатью вазирами его
Главным бием навсегда провозгласить.

«Прав Бабсак — правдивы все его слова, —
Молвил всадник, проверявший тушу льва.
Каракулумбет же всех нас обманул,
И, выходит, лжива вся его молва».

Забирает Каракулумбета стыд,
Черный пот с него потоками бежит.
Триста пятьдесят батыров тут его
Загалдели от позора и обид.

А Тимеркотло и богатырь Тамьян,
Зверя не найдя, обратно в ханский стан
Возвращались, и вдруг видят, что народ
Колобродит — споры, ссоры и разброд.

Тут, поняв, в чем дело, два богатыря
Подъезжают, нетерпением горя,
И, Бабсака подтверждая правоту,
«Ты послушай и поверь нам!» — говорят.

Труп чудовища мы видели вдвоем,
Подошли к нему, и вот на трупе том
Знаки те нашли, о чем сказал Бабсак, —
Полстрелы, язык, отрезанный мечом.

Пасть в крови была. Раскрыв ее слегка,
Мы увидели всего пол-языка.
И торчало что-то в глотке там. Мы в пасть
Руку сунули — сполна ушла рука.

Оказалось: в тушу вбитая стрела
Не вместилась и наружу поползла.
И у хищника отточенным концом
ВЫшла в глотку, как огромная игла.

Услыхав про то, Масим возликовал,
Вновь на праздничный майдан народ созвал,
За Бабсака дочь свою решив отдать,
Сокровенную он думу загадал.

О том, как Каракулумбет стрелял в Бабсака,
как истребил род кыпсаков

Каракулумбет собрал своих людей
И отъехал от Масима поскорей.
«Мы должны убить Бабсака и лишить
Род кыпсаков вожака», — изрек злодей.

И, промолвив те слова, он лук берет,
Оставляет всех на месте, и идет
Прямо к тем, кто веселился на пиру, —
Отшатнулся от злодея весь народ.

Свадебный пир кипел вовсю, и Масим-хан,
говорят, поставил Бабсака во главе двенадцати
биев. Он выдал за него замуж дочь свою Гаухар
и объявил о том всему миру

И тут народ увидел, как Каракулумбет стал
приближаться к счастливому своему сопернику.
Глаза его были налиты кровью. Люди стали го-
ворить Бабсаку: «Встань со своего места, ба-

гыр, иди ему навстречу! Он задумал что-то недоброе». Бабсак на это отвечал: «Вставать с места, где сидишь, — женское дело. Не поднимусь я с этого места, не взгляну на него!»

И еще он сказал такие слова:

«С места я уже не встану, где сижу,
Выполнить совет я ваш не поспешу.
Если выстрелит проклятый хаин, что ж,
Я без страха на судьбу свою гляжу».

Вот свой лук расправил Каракулумбет,
Стал он целиться — ужель спасенья нет?
С тетивы летит алмазная стрела...
И померк в глазах Бабсака белый свет.

Он навывлет спину недруга пробил,
И в крови его навеки утопил.
Что бедняге было делать! он поник
Головой, и на траву упал без сил.

Каракулумбет хвалился: «Я не за глаза
Силу грозную кыпсакам доказал!»
И, подобно ишаку, издавши рев,
Растерявшихся людей своих позвал.

Вот такое сотворил тот хаин зло.
Вероломство это всех огнем ожгло.

Посоветовавшись между собой, два батыра — Тимеркотло и Тамьян — решили сообща уничтожить Каракулумбета вместе со всеми его воинами. Но Масим-хан стал их отговаривать: «Видно, есть в этом деле божья воля, так не спешите проливать новую кровь!»

После этих слов никто не тронул Каракулумбета и даже слова единого ему не сказал.

Восемь воинов Бабсака решили похоронить своего батыра, но Каракулумбет не позволил им этого сделать: «Не дам рыть свою землю, девайте тело куда хотите!» Тогда воины Бабсак-батыра поехали в свою страну, отдаленную дневным путем, и привезли оттуда землю в батманах, ею засыпали тело Бабсак-батыра...

А Тамьян с Тимеркотло явились в дом
К хану, чтобы о решении своем
Объявить: «Хотели сделать мы добро,
А на бойню угодили под шатром.

Ты позволь, таксир, уехать нам домой,
И живи своим умом и головой.
Каракулумбету другом иль врагом
Будь — у нас отныне путь совсем иной».

С ним батыры попрощались, и потом
В путь обратный собрались они вдвоем.
Во вражде со всеми Каракулумбет
Гарцевал в седле при воинстве своем.

Возвратились два батыра в край отцов —
В дебри гор, озер и девственных лесов,
О мытарствах рассказали там своих...
Мы ж с Бабсаком кончим дело парой слов.

Пал Бабсак-батыр. Остались сиротой
Сын, жена и весь народ его родной.
Гордым соколом вчера еще парил,
А сегодня в мир отправился иной.

Многим так судьба силки свои плетет,
Мало тех, кто от силков ее уйдет:
Будь ты баем, будь батыром иль царем —
Никого суровый рок не обойдет.

Словно женщина ревнивая, судьба —
То капризна, то сварлива, то слепа.
Мужем доблестным играя, иногда
На добро к нему бывает так скупа.

Кто всевышнего забвенью предает,
Кто молитвы забывает, — жалок тот.
Паутиной нечестивцев оплетен,
Он без имени и веры пропадет.

Не обманывайтесь хитростью судьбы,
За сокровища не расшибайте лбы.
Пусть скота у вас немного, но зато
Честно добыт он — душой вы не рабы.

Каракулумбет-батыр вернулся от Масим-хана,
прожил неделю на родной земле, всех людей сво-
его рода — от шести до сорока лет — созвал
воедино и отправился походом на кыпсацкий
род, чтоб до последнего истребить потомков Баб-
сака.

Чёрной мезью налит Каракулумбет.
Он грозит кыпсакам морем зла и бед.
Норовит весь род Бабсака истребить —
И жестокости такой не видел свет.

Из-под палки он погнал своих людей
На кыпсаков. Утопил в крови, злодей,
Стариков, старух и женщин... Убивал
Не жалея, даже маленьких детей.

На корню уничтожил он славный род,
По крови шагать заставил он народ.
До последнего младенца вырезал.
Повелел своим угнать кыпсаков скот.

И уж, кажется, последнего добил.
Сделал все, чтоб мир Бабсака позабыл.
И, как пес, искал, где скрылась Ямиля.
И нашел ее — и страстно полюбил.

Как голодный зверь, к вдове ворвался в дом
Страшный голос загремел его, как гром,
Всех заставил от испуга задрожать:
— Выходи!.. Иль разнесу я все мечом!

В страхе дверь ему открыла Ямиля,
О пощаде супостата не моля;
Тут, красу ее увидев, стих батыр,
Тайной страстью свою душу веселя.

— Одевайся, — Ямиле он говорит, —
Видишь, пламенем душа моя горит.
Заберу тебя к себе — ведь ты одна
Здесь зачахнешь от страданий и обид.

На тебе женюсь — избавлю от беды,
Коль младенца в животе не носишь ты.
Если скажешь: «Не пойду», — тебя я вмиг
Заколю, и за собой сотру следы.

Ямиля пред ним от ужаса дрожит.
И измучен, и растерян ее вид.
«На жене Бабсак-батыра я женюсь», —
Думает палач, и похоть в нем кипит.

Одевают Ямилю почти силком.
Богу молится несчастная тайком,
Слезы льет: «Ах, покидаю навсегда
Мужа милого, Бабсак-батыра дом!..»

Каракулумбет посадил Ямилю на своего тул-
пара и отправил в свою страну.

По истечении нескольких дней он и сам воротился к себе домой. Завидую красоте новой жены, две другие жены Каракулумбета стали наговаривать на нее мужу: «Она же беременна, в ней остался плод Бабсака. Смотри же: если она разродится его ребенком — не носить тебе головы!»

И от тех слов душу Каракулумбета объял страх. Чтобы погубить зародыша в утробе женщины, он стал растирать ее тело волосяными вожжами. Не в силах снести муки, воскликнула Ямиля: «Если убить желаешь, то убивай скорее, только не мучай меня понапрасну, я не беременная!»

Каракулумбет потребовал от нее доказательств. Не зная, что предпринять, Ямиля, махнув на все рукой, указала на двухгодовалую телку, бродившую во дворе: «Если вон та телка при плоде, то и я тоже беременная. Если яловая, — я тоже без плода». Каракулумбет велел зарезать телку, которая, к счастью Ямили, оказалась яловой. И все тут в один голос стали у нее просить прощения, говоря: «Зря мы тебя как изводили!»

Вполне удовлетворенный доказательством Ямили, Каракулумбет взял ее себе третьей женой. Избавившись таким образом от смерти, стала жить Ямиля в доме Каракулумбета.

О том, как родился Кусяк-бий,⁵ как он пошел дорогой своего отца

Когда со дня гибели Бабсака исполнилось два месяца, родился у Ямили сын. И назвали его Кусяком. Все люди рода хайнов думали, что родила она от Каракулумбета. И только одна

девяностолетняя старуха-знахарка знала о том, что это сын Бабсака, но никому о том не сказала.

Когда родился на свет Кусяк, снова напал на Каракулумбета тайный страх, сердце его обьяли ужас и тревога. Не в силах перенести такое, он проболел три дня и три ночи подряд. А причина болезни была такова: когда Каракулумбет подошел к колыбели младенца и хотел его поцеловать, тот схватил ручонками его бороду и сильно ее потряс. И случай этот вселил в душу Каракулумбета глубокое беспокойство, заставил его задуматься. Красота и удалство Кусяка были написаны на лице. В годовалом возрасте он уже имел силу десятилетнего мальчишки. Когда, подобно другим младенцам, бился в плаче, требуя материнской груди, вся одежда на нем трещала по швам, превращаясь в клочья. Поэтому и рубашки и штаны для него шили из шкуры старого быка.

Лишь Кусяк ступил на землю и шагнул,
Как к бедру уж меч алмазный пристегнул.
Ликом светел, станом крепок и могуч —
Будто облик вновь отцовский он вернул.

Лишь семь месяцев прошли, а он, грудной,
Уж не жметя к своей матери родной:
Выглядит намного старше своих лет —
Сразу видно: сын Бабсака удалой.

Вот исполнился ребенку ровно год.
Глядь — с мальчишками на улицу идет.
Даже тех, кто старше в пять иль десять раз,
На лопатки в состязаниях кладет.

Подрастал он не по дням, а по часам —
Сам красавец, богатырь сложеньем сам.

Он в четыре года многих силачей
Посрамил, не вняв их просьбам и слезам.

А в пять лет борол он всех богатырей —
С ним схватиться на майдане лишь посмей!
И его уже успели полюбить
Много девушек с огнем на дне очей.

А потом ему исполнилось шесть лет
(Был мальцом, теперь — батыр, какому нет
Равного на белом свете... Будет срок —
Станет бием и затмит он солнца свет!)

Как-то осенью Кусяк пошел играть
За аул, когда ушла из дому мать.
Слово за слово, поссорились друзья:
Он — один, а ребятни аульской — рать.

Но смеяться стал Кусяк и задирать
Всех подряд; трусливых вынудил бежать.
Затаив к задире смертную вражду,
Сговорились его дети отстегать.

Но Кусяк тут гневом вспыхнул, и тотчас
(То ли будет, коль продолжим мы рассказ!)
Он с мальчишками стал драться не шутя:
Тех пришиб, а этим выбил глаз.

Разбежались все скорее кто куда,
Зная, что похуже ждет их здесь беда.
Невзначай попался под руку ему
Сын старухи, знавшей тайнство плода.

Искалеченный могучею рукой,
Обратился тот к насильнику с мольбой:
«Если грех ты свой желаешь искупить,
Отнеси меня ты к матери родной.

Я у матери один. И если вдруг
Я умру, она не вынесет тех мук —
Вслед за мною встретит смертный час она...
Донеси меня до материнских рук!»

У Кусяк-батыра гнев мгновенно спал.
Сироту он поднял, нежно приласкал,
Расспросил, где проживает тот, затем
В руки матери мальчишку передал.

Льет старуха слезы горькие. Пред ней —
Сын-калека, неживого чуть живей.
И корит она Кусяка: мол, нигде
Столь бездушных я не видела людей.

Говорит Кусяк: «Во всем я виноват.
Пред тобой вину загладить буду рад.
Не кляни меня, пожалуйста, прошу —
То, что было, не вернешь теперь назад».

Та: «Зачем обидел сына моего,
Исcoverкал жизнь сиротскую его?
Лишь добро тебе дарила я, и что ж? —
Кроме злобы, не вернул ты ничего.

Помогала Ямиле я, как могла,
Твоей бабкой повивальной была.
Но, конечно, ты не знаешь ни о чем —
Твое прошлое тебе — сплошная мгла».

Потом старуха сказала так: «Выслушай меня
дитя мое! Если ты ничего не знаешь, я открою
тебе одну ужасную тайну».

А Кусяк ей: «Рассказывай, инэй,⁶ я ничего
не знаю».

И тогда старуха ему говорит: «Дитя мое, если
уж ты такой сильный, отплати убийце кровной
местью за смерть своего отца!»

Удивился Кусяк: «О какой кровной мести ты говоришь, если отец мой жив и здоров? Ведь его никто не убивал, никто не замучил!»

Старуха на это: «Нет, дитя мое, ты не сын Каракулумбета, ты — наследник Бабсак-батыра».

«Какого еще Бабсак-батыра?» — еще больше удивился Кусяк.

И тогда старуха обо всем поведала ему во всех подробностях: о том, что отец его был славным кыпсацким батыром Бабсаком, о том, как он погиб от руки Каракулумбета, как тот пошел с войском на род кыпсаков и уничтожил его до последнего человека, как принудил Ямилю выйти за него замуж и как та доказала ему свою бесплодность, и тем спасла себя и своего ребенка от неминуемой гибели.

Рассказ старухи привел Кусяка в сильнейшее волнение.

«Бабушка, откуда ты все это знаешь? Почему заставляешь меня убить Каракулумбета?» — спрашивает он.

Отвечает ему старуха: «Я сама из кыпсацкого рода, выдана была сюда замуж еще в прежние времена, когда роды жили в мире и дружбе. Теперь они жестоко враждуют между собой. Потому и мне отчий дом кажется желанным».

Так сказала старуха, а потом добавила: «Если мне не веришь, расспроси свою мать, она подтвердит мои слова».

Говорит Кусяк: «Что, если мама не захочет ничего сказать?»

«Если так, я научу тебя одной хитрости, — отвечает старуха. — Если она не захочет тебе сказать правду, попроси ее нажарить тебе пшенакурмаса. Она выполнит твою просьбу. Только пусть подает тебе курмас не в чашке, а в ладонях. Тогда ты сожмешь кисти ее рук и спросишь:

«Кто мой отец — Каракулумбет или Бабсак? Говори правду!»

Кусяк простился со старухой, пришел домой и попросил мать нажарить ему курмас. Мать поднесла ему горячие зерна в ложке, но Кусяк их не взял. Тогда она подала их в голых ладонях, а Кусяк возьми да и сожми кисти ее рук, спросив при этом: «Кто мой отец — Каракулумбет или Бабсак-батыр? Говори только правду!» Жареный курмас так припекал руки Ямили, что она не выдержала: «Дитя мое, твой отец — Бабсак-батыр!» И после этого она поневоле вынуждена была рассказать сыну всю правду.

Таким образом, разузнав тайну своего происхождения, Кусяк сказал своей матери: «Мама, я убегу к дедушке своему Ураз-хану. Сделай вид, что ты ничего не заметила. На будущий год, в это же время, я вернусь обратно и сам буду знать, что мне делать!»

Очень не хотела Ямиля отпускать сына, но разве можно перечить такому богатырю! Отпустила, проливая горячие слезы.

В это время Кусяку было всего шесть лет.

В один прекрасный день он исчез — сбежал к Ураз-хану.

Вот добрался он до Ураз-хана, прошел в его дворец и почтительно с ним поздоровался. Ураз-хан принял его приветствие и стал расспрашивать, кто он и откуда. «Я сын батыра кыпсакского рода Бабсак-бия», — отвечал Кусяк. Ураз-хан посадил мальчика себе на колени и стал расспрашивать про его мать — дочь свою Ямилю. Мальчик ответил, что мать его жива и здорова и стал просить у Ураз-хана войско, чтобы отомстить Каракулумбету за убитого им отца. Радостью озарилось лицо Ураз-хана. «Поживи у нас с годик, и тогда возьмешь из моего рода часть войска

и поедешь мстить за своего убиенного отца», — ответил он.

А мы вернемся к Каракулумбету.

По прошествии трех дней после исчезновения Кусяка Каракулумбет спрашивает у Ямили: «А куда подевался наш сын?» Ямиля ему в ответ: «Не знаю. Вчера с сотней мальчишек пошел играть на поляну и назад не возвращался».

Множество людей вывел Каракулумбет на поиски мальчика. Искали его в горах и лесах, в оврагах и поймах рек, но нигде не могли отыскать. В конце концов решили, что мальчика сожрал какой-нибудь дикий зверь, или сам он куда-то сбежал. На том и прекратили дальнейшие поиски.

О том, как Кусяк-бий отомстил за отца кровной мстью, как от четвертого рода осталась одна-единственная душа

Целый год прожил Кусяк-бий в доме Уразхана, затем отобрал себе восемьдесят лучших богатырей из его войска и начал истреблять жителей рода хайнов. Среди этих восьмидесяти воинов был батыр по имени Хигезяк.

В одну из черных ночей Кусяк тайно вошел в стан Каракулумбета и встретился со своей матерью. Он вывез ее вместе с девяностолетней старухой кысакова рода из того стана и велел Хигезяк-батыру: «Проводи мою маму к Уразхану, и этих тоже отведи вместе с ней!» — и с теми словами передал ему двух женщин и мальчика, сына старухи. «Отомщу за отца и вернусь через пять месяцев!» — обещал он матери.

Пусть Хигезяк вместе с женщинами и мальчиком добираются до Уразхана, мы же с вами вернемся к Кусяк-батыру.

Кусяк вместе с семьюдесятью девятью воинами кыпсакова рода стали поголовно истреблять людей четвертого рода. Но при этом семьдесят восемь батыров Кусяк-бия тоже сложили головы, сражаясь с войском Каракулумбета. И остался Кусяк с одним-единственным батыром.

Но и вдвоем они нещадно уничтожали хайнов, рубили саблями, кололи копьями, пронзали стрелами. Убили жен и детей Каракулумбета. Никого не щадил Кусяк-бий из рода своего кровника. И только Каракулумбета никак не мог отыскать.

Когда бродил он так, разыскивая Каракулумбета, повстречался ему мальчик. «Ты не видел Каракулумбета?» — спросил его Кусяк...

Истребил Кусяк ему противный род.

Сиротою лишь одно дитя бредет.

— Не приметил ли где Каракулумбета ты?
Кусяк-бий вопрос мальчишке задает.

— Сирота я, — отвечает тот малец —

От сраженья я сбежал с рассветом в лес.

Видел я, куда удрал Кара-акэ,

Сразу понял, что пришел его конец.

Я — пастух. Его баранов пас пять лет.

От лишений проклял я весь белый свет.

Ни копейки мне акэ не заплатил —

Пусть за все от вас получит он ответ.

Принуждал он дни и ночи спину гнуть —

До сих пор болит все тело, ноет грудь.

Начал пищу добывать я воровством.

Говорил себе: «Такое не забудь!»

Каракулумбет сбежал от вас стремглав,
Словно пущенная с тетивы стрела.
Видел сам я: он заполз под этот стог —
Не убьешь его — он причинит немало зла.

Я уверен, что вот в этот самый миг,
Словно мышь, под стогом он к земле приник.
Он под стог и девушку мою увлек —
Сам я слышал из-под стога ее крик.

Взор у Каракулумбета страшен был.
Я уверен, что, скрываясь, он решил:
«Коль умру — дитя оставлю от себя..»
Потому ее под стог и затащил.

У Кара-акэ⁷ коварный нрав, таксир.
Осторожней будь, ловя его, батыр.
Если сможешь ты живым его поймать,
Пусть душа его покинет этот мир».

Говорит Кусяк-батыр ему в ответ
(Его голос добротой, теплом согрет):
— Сирота, тебя не трону я. Ищи
Свое счастье сам — от нас запрета нет.

Я тебе дарую волю, — говорит, —
Вытри слезы и прими достойный вид.
Пусть порхает мотыльком твоя судьба —
Ты от нас не испытаешь зла и бед.

Ты сказал про Каракулумбета нам.
С благодарностью я внял твоим словам.
Попроси, что хочешь: если я смогу,
Все исполню — все, что хочешь, то и дам.

Отвечает сирота: «Тогда к тебе
Просьба есть — внемли, таксир, моей мольбе:

Ты моей подруге милость окажи —
Быть ей вечною звездой в моей судьбе.

Ей исполнилось недавно восемь лет,
Мне же — девять. Дети горя мы и бед.
На лугу мы познакомились, когда
Пас овец я. Крепче дружбы нашей нет.

У Кара-акэ сосед есть. Его дочь —
Эта девочка. Хочу я ей помочь.
Помогите, если можете, в беде,
Без нее вся жизнь моя — сплошная ночь.

Говорит Кусяк: «Да будет, как сказал!
Ты большую нам услугу оказал:
За пять лет, что проработал в пастухах,
Позволяю, чтоб ее ты в жены взял!»

Гаркнул он, да так, что бог не приведи:
— Каракулумбет, а ну-ка выходи!
Вместе с девушкой явись передо мной! —
Гроном рвался его голос из груди.

Вот он в руки меч отточенный берет,
Кумыса четыре сабы залпом пьет.
Каракулумбет лишь только высунул свой нос
Вмиг поймал его Кусяк, как мышку кот.

Ухо левое вначале оторвал,
И, брезгливо морщась, в пальцах его смял.
И, другое вырвав ухо: «Это мечь
За отца, тобой убитого», — сказал.

Там, где уши были, — только кровь струей.
Затекли глаза кровавой пеленой;
Одеянье Кусяк-бий с него содрал,
И остался перед всеми он нагой.

Догола раздев его, как жеребца,
Он кастрировал его, мстя до конца.
Как казахскому верблюду, ему нос
Продырявил и потом вддел два кольца.

Крепкими веревками его связал,
Лук и стрелы в руки жилистые взял.
«Где мальчишка-сирота?» — спросил потом,
«Подойди, со мною рядом будь», — сказал.

Мальчик тут же подошел, на зов спеша,
От испуга безотчетного дрова.
А увидел Каракулумбета — вмиг
Мотыльком затрепетала в нем душа.

Говорит ему Кусяк-батыр: «Поди,
К стогу сена и подружку там найди.
Пусть она тебе достанется за то,
Что пять лет не получал ты за труды».

Поспешил тот, услыхав такой приказ
И исчез под стогом сена в тот же час.
Девять лет ему всего, но уследить
За мальцом едва ли смог бы чей-то глаз.

Повернул Кусяк врага к себе спиной:
«Знай, злодей, я за отца сочтусь с тобой!»
Охнув, Каракулумбет упал, когда
Кусяк-бий алмазной сбил его стрелой.

После этого Кусяк-бий сказал так, обра-
щаясь к тому мальчику:

До сих пор при полном здравии б он был,
Если б некогда кыпсаков не казнил.
Будь «бер ян»⁸ — душой одной. От твоего
Рода я тебя оставляю, чтоб ты жил.

«Кончил я свои дела, — сказал потом, —
И теперь вернусь обратно в отчий дом.
С карымтой⁹ никто к кыпсакам не придет,
Будет род спокойно жить в краю родном».

Здесь кончается рассказ. Из тьмы веков
Те дела с людских сошли к нам языков.

Комментарии

Алдар и Зухра

Рукопись данного эпического сказания в русском переводе под названием «Мои вечера. Сказки башкирския» была обнаружена в 1961 г. в рукописном фонде Ленинградской библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина научным сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР М. Г. Рахимкуловым. Фотокопия рукописи хранится в Научной библиотеке Башкирского филиала АН СССР: ф — 107808. Оригинал башкирской рукописи не сохранился. Сказание по теме и содержанию является логическим продолжением эпического памятника «Куз-Курпяч», опубликованного Т. Беляевым в 1812 в Казани в переводе на русский язык. В этом сказании имеется посвящение русскому начальнику, Н. Н. Бахметьеву, в подчинении которого находились башкиры: Н. Н. Бахметьев в 1798—1803 гг. служил генерал-губернатором оренбургской губернии. То, что переводчиком сказаний «Алдар и Зухра» и «Куз-Курпяч» был один и тот же человек, подтверждается идентичностью стиля и манерой комментирования текстов. Из «Посвящения» переводчика можно предположить, что сказание записано от сказителя-сэсна Конка (Конкас — М. С.). Однако сведений о сэсне Конка или Конкас не сохранились.

Видимо, рукопись долгое время переходила из рук в руки. На третьей странице можно прочитать такие надписи: «Эта книга принадлежит Петру Шишкину. 1870 год декабрь, 20 числа». «Эта книжка принадлежит Александру Сиягину. 1871 года, февраль 23 числа» и т. д. Одно ясно: рукописная книга попала в фонд библиотеки в 1887 г.

Текст состоит из 56 «вечеров». Однако эти вечера не выполняют какую-либо композиционную роль в сказании и не являются обозначениями глав. Переводчик, где хотел, там прервал сюжетную нить и разделил на «вечера». В восточной литературе можно встретить произведения, разделенные на «вечера» (например, книга «Тысяча и одна ночь»). Возможно, переводчик подражал этой традиции восточной литературы. В предлагаемой читателям книге «вечера» сохранены без изменения. Также оставлены без изменения постраничные примечания переводчика (обозначены звездочками). Составитель счел нужным сохранить в комментариях «Посвящение к Н. Н. Бахметьеву», хотя оно к тексту прямого отношения не имеет.

Так начинается посвящение:

«Тебе! Почтеннейший мой Николай Николаевич посвящаю я, «Мои Вечера» как плоды одиночества моего. Конка глул, а я вития; так чего доброго ожидать! Ты найдешь в них то, что уже слышал прежде в часы отдохновения твоего. Читая их припамятуешь нравы и обычаи любимых моих Семиродцев, которых и ты любил; а они тебя и до сей поры любят и называют: Ай джигит, Бахметьев!

Или:

Не Кайлус* повести восточные соплетае; не Шехрезада здесь Султана усыпляет, но Конка с баршном любя тебя душой. Башкирские рассказы любимы тобой приносят в дар тебе, не ради красна слога, но благость что твоя была всегда к ним многа. Башкирцы все тебя считают за джигита, и от астендамин-кемнин** им была защита».

Научное издание сказания «Алдар и Зухра» впервые было осуществлено на башкирском языке в переводе поэта Рами Гарипова в 1977 г. в кн.: «Башкирское народное творчество». Эпос. Книга вторая. Составление, вступительная

* Кайлус — исполняющий напевом.

** Астындаминкемнин — под началом, под руководством.

статья, комментарии М. М. Сагитова, Уфа, стр. 151—292. На русском языке сказание публикуется впервые.

¹ Начальные страницы «Первого вечера» утеряны.

В фольклоре башкир и народов Средней Азии и Ближнего Востока широко распространен образ святого старца Хызыр-Ильяса — посланника пророка Магомета на земле. Он является покровителем героя, обездоленных сирот и обычно изображается в облике белобородого старца, в белой чалме и с длинным зеленым посохом в руке. В сказании «Алдар и Зухра» этот традиционный святой старец, авлия изображен в образе вооруженного батыра.

³ Ирентик (Ирэндек) — гора на Южном Урале, находится в юго-восточной части Башкирии.

⁴ Семиродцы — башкиры, вошедшие в союз семи родов или племен, который сложился в IX—X веках в южной Башкирии.

⁵ Яик — река Урал.

⁶ Сакмар — река в юго-восточной части Башкирии, левый приток Урала.

⁷ Кармасан — река в западной Башкирии, правый приток Агидели.

⁸ Чермасан (Сэрмэсэн) — река в западной Башкирии, левый приток Агидели.

⁹ Кандра — озеро в западной Башкирии.

¹⁰ Биря (Бөрө) — река в северо-западной части Башкирии, правый приток Агидели.

¹¹ Ирмель — гора на Южном Урале.

¹² Здесь речь идет о болгарях, которые в VIII веке пришли с Приазовья на Среднее Поволжье и нижнее течение Камы. Болгары стояли во главе различных по этническому происхождению кочевых и оседлых племен. В X веке они создали свое государство. Западные башкирские племена подчинились Болгарскому царству. Язык надмогильных памятников, обнаруженных в Среднем Поволжье и в Прикамье, как утверждают ученые, близок к современному

чувашскому языку. Болгарское государство вело оживленную торговлю с русами, хазарами, башкирами, народами Средней Азии. Болгарские кулцы пропикали даже в Иран, Китай и в Западную Европу.

В эпосе «Алдар и Зухра», видимо, отражен период упрочения и возвышения Болгарского государства, усиления экспансивных устремлений по захвату земель соседних народов. Из последующих рассказов посла становится известным, что войска Болгарского государства совершают вооруженные нападения на соседние народы. Видимо, в обязанность посла болгарского царя входило не только «видеть народы и узнать их обычаи, а притом и все, что есть любопытное замечать», но и собрать сведения военного характера. Эпос, изображая мощь башкирских батыров и их героические деяния, проводит мысль, что башкиры издавна успешно защищали свою родину от иноземных врагов и в состоянии защитить и в будущем — в чем убеждается посланник болгарского царя. В сказании болгарский посланник изображен трусливым, хвастливым, но в то же время хитрым, коварным. Башкирские батыры часто насмеются над его характером. Татаро-монгольское нашествие в начале XIII века нанесло сильный урон Болгарскому царству.

¹³ М у с а л ь (мөсәл) — равен двенадцати годам.

¹⁴ И д е л ь (древнетюркское) — река; Волга.

¹⁵ Тут, видимо, идет речь о сложении Болгарского царства на слиянии трех рек — Иделя (Волги), Камы и Оки.

¹⁶ Б р а х и м — возможно, что здесь рассказывается о городе Булгар, основанном Волжско-Камскими болгарями, впоследствии разрушенном татаро-монголами, затем — русскими войсками. В рассказ чародея-авлиги о разрушении белыми вошами города Брахим, видимо, включены и эпизоды борьбы Русского государства с Казанским ханством и падением Казани.

¹⁷ В фольклоре и исторических документах башкир русский царь обычно назывался Белым царем (ак батца), белым князем или бием.

¹⁸ Здесь повествуется о постройке Иваном Грозным укрепленного города Свияжска для облегчения борьбы с Казанским ханством.

¹⁹ У а р — удмурты.

²⁰ М о к ш а — мордва.

²¹ Ч е р е м и с — марийцы.

Последние страницы «семинадцатого вечера» и начальные страницы «восемьнадцатого вечера» утеряны.

²³ В тридцать втором «вечере» начальные строки о прибытии гостей из рода Алдар-батыра пропущены.

²⁴ А ч е л ы (А с ы л ы) — озеро в западной Башкирии.

²⁵⁻⁻²⁶ Д и м, У р ш а к — реки в юго-западной части Башкирии.

²⁷ У з б е к — хан Золотой Орды (1312—1342).

²⁸ У л ь б а — правый приток реки Иртыш.

²⁹ Раньше башкиры казахов часто называли кырказаками.

³⁰ С а к м а — приток реки Иртыш.

³¹ В этом месте прерывается рассказ Зухры, несколько страниц рукописи утеряны.

³² Здесь обрывается текст сказания, последние страницы утеряны. Концовка была утеряна еще до 1887 г., так в конце страницы имеется примечание библиотекаря. Он написал: «В этой рукописи сто тридцать шесть (136) страниц. 1887 год. № 96».

Кусяк-бий

Публикуемый вариант широко распространенного сказания «Кусяк-бий» записан Ахметом Исламгуловым в 1928 г. в ауле Кыпсак (Абдулмамбет) Бурзянской волости Зилаирского кантона (ныне Бурзянский район) Башкирской АССР от известного сказителя-сэсэна Сабирьяна Мухаметкулова (1890—1934). Машинописный текст хранится в Научном архиве Башкирского филиала АН СССР (фонд 3, оп. 12/247,

стр. 1—59). Научное издание этого варианта было впервые осуществлено на башкирском языке в 1973 г. в кн.: «Башкирское народное творчество». Эпос. Книга вторая. Составление, вступительная статья, комментарии М. М. Сагитова. Уфа, стр. 293—319.

В художественном переводе сказание публикуется впервые.

¹ М а с и м - х а н — широкораспространенный образ в эпических сказаниях и легендах башкирского фольклора. В эпосе «Акбузат» он изображен как отрицательный образ, хан-угнетатель. В Бурзянском районе Башкирии имеется гора Масим. По местным преданиям, у подножия этой горы было кочевье Масим-хана. Во многих вариантах сказания «Кусяк-бий» и в преданиях Масим изображается ханом семи, иногда двенадцати башкирских племен и характеризуется только в положительном плане. Местные предания гласят, что могила, т. е. курган Масим-хана находится на устье реки Кана в Бурзянском районе.

² Х а н и (арабское) — человек, изменивший своему слову, клятве, изменник.

Сэсэны из рода кыпсак, стараясь принизить достоинство враждебного им рода бурзян, называли его в сказании родом хани. По арабским средневековым источникам, бурзяне известны с VII века нашей эры.

³ Т а к с и р (арабское) — почтительное обращение к представителю высшей власти, вельможе.

⁴ М у й ы н с а к л ы — небольшая гора в Бурзянском районе Башкирии.

⁵ К у с ь я к, К а у с ь я к (древнетюркское) — благородный.

⁶ И н э й (и н ө й) — мать; почтительное обращение к лучшей женщине старше матери и отца.

⁷ А к э, а г а й — почтительное обращение к мужчине старше себя.

⁸ По эпосу «Кусяк-бий» и этнологическим преданиям, крупное и древнее башкирское племя бурзян (бөрйән) яко-

бы ведет свое происхождение от одного человека (или от одной души), спасшего от истребления кыпчаков. Конечно, такая трактовка не соответствует исторической действительности. Бурзяне были известны в истории гораздо раньше, чем кыпчаки. В VII веке бурзяне в союзе с Хорезмом боролись против арабской экспансии в Средней Азии.

⁹ К а р ы м т а — кровная месть.

Содержание

<i>Мухтар Сагитов. Призыв к единству . . .</i>	5
<i>Алдар и Зухра</i>	13
<i>Кусяк-бийи (перевод Газима Шафикова) . . .</i>	208
<i>Комментарии</i>	245

Алдар и Зухра

Банкирский народный эпос

Редактор *Ю. Андрианов*

Художественный редактор *И. Файрушин*

Технический редактор *Н. Пятаева*

Корректоры *И. Пастушкова, Г. Миргалеева*

ИБ № 3011

Сдано в набор 20.12.85. Подписано к печати 27.03.86. П10188. Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура Вадони. Печать офсетная. Услови. печ. л. 9,36. Усл. кр. отт. 15,36. Учетн.-издат. л. 9,73. Тираж 50000 экз. Заказ № 565. Цена 1 руб.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул. Советская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР. Уфа-1, проспект Октября, 2.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С 1987 года
Башкирское книжное издательство
начинает выпуск
двенадцатитомного издания
на русском языке
БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ
УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО,
куда будут включены лучшие
образцы фольклорного богатства
башкирского народа.

